

Парадигмы истории и общественного развития

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Основан в 2016 году

Выходит 4 раза в год

Под общей редакцией Е. Н. Максимовой

УДК [1+93/94+32+316](06)

ББК 60+87я437

П18

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Севастопольский государственный университет»;
299053, г. Севастополь, ул. Университетская, д. 33

Главный редактор:

Е. Н. Максимова, д-р полит. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П. И. Артюх, д-р полит. наук, профессор; **Ю. А. Бабинов**, д-р филос. наук, профессор; **Е. Е. Бойцова**, канд. ист. наук, доцент; **А. А. Ирхин**, д-р полит. наук, доцент; **А. В. Казначеев**, д-р ист. наук, профессор; **М. Н. Козлов** (редактор отдела исторических наук), д-р ист. наук, профессор; **М. С. Колесов**, д-р филос. наук, профессор; **А. В. Миронов** (редактор отдела философских наук), д-р филос. наук, доцент; **Д. Г. Сидорук**, д-р ист. наук, профессор; **Е. В. Скребец** (редактор отдела политических и социологических наук), д-р полит. наук, доцент; **А. А. Чемшит**, д-р полит. наук, профессор

Ответственный секретарь:

В. Р. Шадрин

Первый выпуск сборника научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» рекомендован к печати Ученым советом ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» 5 февраля 2016 года (Протокол № 22)

П18 **Парадигмы истории и общественного развития** [Текст] : сб. науч. тр. / под общ. ред. Е. Н. Максимовой ; Севастоп. гос. ун-т ; [сост. и оформ. В. Р. Шадрин]. — Севастополь : СевГУ, 2016. — Вып. 1. — 94 с.

Рецензируемый сборник научных трудов, ориентирован на публикацию философских размышлений, результатов исследований по историческим, политическим и социологическим наукам. Предполагается обмен идеями между теоретиками и обществоведами-практиками. Обсуждаются актуальные проблемы социально-политического бытия. Текущий выпуск содержит работы по социальной философии, теории познания, геополитике, историософии, истории и краеведению.

Настоящее научное издание адресовано научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам и студентам социально-гуманитарных направлений обучения, а также специалистам, интересующимся обществоведческой проблематикой.

УДК [1+93/94+32+316](06)

ББК 60+87я437

© ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет», 2016

© Шадрин В. Р., составление, оформление, 2016

© Селяметова А. Т., обложка, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Социальная философия и теория познания

Миронов А. В. Религиозное начало – исходный пункт в осмыслении феномена социального одиночества	4
Галяс И. А. Историческая миссия субъективного фактора	9
Жиртуева Н. С. Проблема сущности мистического феномена в научных исследованиях.....	13
Коркишко А. П. Направления развития этногенетической концепции Л. Н. Гумилева	21
Панченко О. В. Разум и вера аль-Газали и Ибн Рушда.....	26
Ткаченко Р. В. Критика исторического рационализма в философии Фридриха Ницше и Мартина Хайдеггера.....	31

Историософия

Чемшиш А. А. Сталинизм как стратегия и тактика выживания социума.....	36
Колесов М. С. Гражданская война в России: объективные и субъективные факторы	40

Политика и геополитика

Севостьянова И. Е. Государственная политика в информационном формате судебной власти.....	47
Вакулова Т. В. Исследование этнополитических процессов в свете цивилизационного подхода: теоретические основания	53
Шевченко Р. И. SWOT-анализ роли России в БРИКС	58
Ирхин А. А. Борьба за «умы и сердца» народа Украины: российские позиции и причины упущенных возможностей.....	64

История. Краеведение

Козлов М. Н. Волхвы – лекари (к вопросу личной гигиены и медицины в языческой Руси).....	71
Дмитриева В. В. К изучению родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья	76
Рыбак И. В. Исторические исследования в Крыму: развитие и методы в XIX-XX веках.....	81
Крушатин М. С. Кризисные явления в экономике города Севастополя в конце 80-х годов XX века.....	87

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

УДК 177

Рассматривается проблема обособления человека от общества, связанная с негативными последствиями социальной коммуникации и поиском новых принципов для самореализации. Религиозная система представлена как альтернативное основание общепринятым требованиям, доминирующим в обществе. Общность в рамках религиозного начала опирается на фундаментальные положения, которые носят нравственный характер. Выбор личностной направленности может осуществляться в двух ипостасях: сверхъестественной и естественной. Иерархия, присутствующая в обществе, становится определителем ценности человека, чем выше место, занимаемое в ней, тем больше почета и уважения. Средства достижения успеха не играют существенной роли в определениях общественного мнения. Религиозная точка зрения противоположна по смыслу: «Я» принимает «не-Я» как равное перед Богом. Материальный и социальный успех вторичен. Опыт христианской общины катаров представлен как пример поиска и преодоления социального одиночества, приобретения понимания полноты бытия.

Ключевые слова: религия, общество, одиночество, обособление, эгоизм, коммуникация.

А. В. Миронов, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: andreyvmironov@gmail.com

РЕЛИГИОЗНОЕ НАЧАЛО – ИСХОДНЫЙ ПУНКТ В ОСМЫСЛЕНИИ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО ОДИНОЧЕСТВА

На протяжении истории европейской цивилизации религия являлась объединяющим фактором социального сообщества. Общественные и государственные установки, касающиеся совместного существования, базировались на признании Веры в качестве доминирующего основания духовной жизни человека. Включенность в деятельность церковного института означало реализацию личностного потенциала, подразумевая не только удовлетворение духовных потребностей, но и проявление гражданской позиции. Выполнение основных функций индивида: трудовой, военной, семейной, правовой освящались теми религиозными культами, которые были приняты в данном государстве (в дальнейшем в статье акцент делается на христианские конфессии). Степень сопричастности с окружающими зависела от признания за человеком усилий, направленных на благо единоверцев и церкви. Они подтверждали лояльность к официозу, нравственную зрелость, социальную готовность. Поступки трактовались в неразрывной связи мирского и религиозного. В соединении этих двух ценностных парадигм определялась целостность мира, к тому же в фундаментальных принципах противоречий не наблюдалось. Одобряемое и приветствуемое одной институцией находило поддержку у другой. Связь с Богом экстраполировалась на определение своего места в жизни, отношений с окружающими, восприятия социальной действительности. Вера становилась гарантом подлинного выбора, исключавшего безнравственность, зло, нанесение вреда другим. Реализация основных христианских заповедей: милосердия, сострадания, смирения, терпения – неотъемлемая часть социального участия, так как круг членов церковной общины во многом был идентичен кругу, в котором индивид осуществлял свою профессиональную и гражданскую деятельность. Религиозные связи трансформировались в социальные контакты. В этом случае зависимость друг от друга нивелировала личностные взгляды, отличия, способности, имея целью нейтрализовать обстоятельства, провоцирующие общественное размежевание.

Общность в рамках религиозного начала опирается на фундаментальные положения, которые носят нравственный характер. Первое из них – любовь к ближнему, понимаемое вне зависимости от национального, материального, социального, образовательного статуса индивида. Преодоление социальных барьеров возможно через воспитание в себе терпения, смирения, милосердия по отношению к человеку. Осознавая собственную слабость, несовершенство, верующий не должен переносить эти недостатки в сферу взаимодействия с согражданами. Помощь любому рассматривалась как служение Богу. Если человек создан по образу и подобию Божьему, то

заслуживает уважительного отношения, несмотря на изъязы личного порядка. Способность победить в себе зло трансформируется в доброжелательность и участие. При этом осознается не общее кровнородственное начало, не этническая сопринадлежность, не групповая общность, а универсальность в восприятии человека.

Самая большая преграда — преодоление эгоистической сущности собственного «Я», неспособность отдать другому часть своего: материального, энергии, эмоций. Ориентация на свои интересы в социальном пространстве воспринимается в качестве нормы поведения, религиозное сознание входит в конфликт с данной установкой. Признавая мир средоточием греха, духовное существование переносится под церковную эгиду.

Динамическое развитие техники, ее вхождение в повседневную жизнь и, как результат, поступательность благополучия и комфорта, либеральные преобразования, изменившие конституции большинства европейских стран в части прав гражданина, рост городского населения, возрастающий процент свободного времени, обязательное начальное образование, возможности мобильного передвижения преобразуют общественную атмосферу. Свободы, предоставленные индивиду, позволяют выстраивать жизнь в соответствии с личными представлениями. Законы о свободе совести устраняют обязательность церковной сопричастности. Выбор личностной направленности может осуществляться в двух ипостасях: сверхъестественной и естественной. Утверждая, что мир — единственная реальность, человек остается без Бога, без вечности, без Высшего. Теперь он сам хозяин собственной судьбы. Ему предоставлены максимальные возможности самореализации. Другие переводятся в разряд препятствий и конкурентов. Соперничество с ними за материальные блага становится настоящей необходимостью. Моральный критерий поступка сужается до легитимности и признания обществом, существующим по этим законам. Социальная система старается задать границы проявлениям эгоизма, принимая его в качестве единственного мотива действий. Страх перед наказанием становится единственным ограничением. Фактор двойственности в оценке своих поступков, который присутствует у верующего в виде Вездесущего Бога и человеческого контроля, не позволяющий действий, не совместимых с заповедями, в атеизме упрощается до однолинейной схемы позиционирования. Атомарность, разбегденность декларируются как данность — «все против всех». Опорой для себя может служить только сам человек, а поиск социальной коммуникации — исполнение потребности общественного образа жизни. Вступая в контакт с собственным окружением, индивид должен помнить — другой является потенциальным врагом, претендующим на то, что принадлежит тебе или могло бы принадлежать. Задача, незримо присутствующая в социальном пространстве, вытеснить конкурента, представляющего опасность для личного благополучия. При этом неважно, какие средства используются (национальные, материальные, религиозные, социальные и др.), главное — устранить угрозу в виде другого.

Иерархия, присутствующая в обществе, становится определителем ценности человека, чем выше место, занимаемое в ней, тем больше почета и уважения. Средства достижения успеха не играют существенной роли в определениях общественного мнения. Таким образом, главенствующий статус самодостаточен в признании достоинств индивида. Христианская точка зрения противоположна по смыслу: «Я» принимает «не-Я» как равное перед Богом. Материальный и социальный успех вторичен. Служение, нравственность, благоговение перед Богом дают основание приобщиться к церкви, принимая идею Страшного Суда, когда «тайное станет явным» и скрыть ничего не удастся. Для верующего временные масштабы измеряются Вечным, а не сиюминутным. «Я» готово к отождествлению с «Мы» в горизонтальном измерении, так как деньги, власть, слава, почитание преходящи. А вертикальный порядок связан с земным финалом и Вечностью, чего не могут избежать даже «сильные мира сего». Качественное несовпадение позиций вызывает двустороннее недоумение и недоверие. «Ибо все-то в наш век разделились на единицы, всякий уединяется в свою нору, всякий от другого отдалается, прячется и, что имеет, прячет и кончает тем, что сам от людей отталкивается, и сам людей от себя отталкивает. Копит уединенно богатство и думает: сколь силен я теперь и сколь обеспечен, а и не знает, безумный, что чем более копит, тем более погружается в самоубийственное бессилие. Ибо привык надеяться на себя одного и от целого отделился единицей, приучил свою душу не верить в людскую помощь, в людей и человечество, и только и трепещет того, что пропадут его деньги и приобретенные им права его. Повсеместно ныне ум человеческий начинает насмешливо не понимать, что истинное обеспечение лица состоит не в личном уединенном его усилиях, а в людской общей целостности» [3, с. 326]. Так в конце XIX века Ф. М. Достоевский охарактеризовал наступающую эпоху.

Осознание противоречий между требованиями социального мира и религиозными идеями приводит к состоянию раздвоенности, которое становится внутренней проблемой, нуждающейся в разрешении. Участие в церковных праздниках, пожертвования, благотворительность, сбор средств на гуманитарные акции во многом не касаются личностного выбора, не определяют образа жизни, соответствующего христианским истинам, где главной объявляется «Возлюби ближнего твоего как самого себя!». Искание правды, понимание Веры как исключительного, возлагающего особые предписания в повседневном, выделение отношений с Богом в особую сферу сокровенного изменяет мировоззрение. Количество вопросов к себе и миру превосходит имеющиеся ответы, пустота заполняется отчаянием, пессимизмом, безразличием, аморализмом, деструктивностью, социальным одиночеством.

Трудности социальной жизни стимулируют интерес к церковному институту, который становится убежищем от житейских проблем, несправедливости, безразличия. Но в самой церковной среде накопились негативные обстоятельства: отсутствие должной нравственности, формализм милосердия, политизированность религиозных организаций, альянс с государственными структурами. Это формирует недоверие к традиционным конфессиям, увязывает с ними несовершенство человека и общества. Индивид оказывается в ситуации тупика: общество отказало в своей поддержке, но и в альтернативной (по ценностному измерению) форме не оказалось ожидаемого. Нетрадиционные направления уводят адептов в сферу, где каждому внушается идея о спасении через отстраненность от мира. Опыт аскетизма, нестяжательства – одна из первых христианских традиций, соединяющих религиозную мораль с действительностью, через него неоднократно предпринимались попытки разрешения конфликта человека и общества, церкви и государства.

Подавляя в себе желания и побуждения, отказываясь от земных благ и удовольствий, человек компенсирует их высшими целями. Осуществляя насилие над собой, над своей природой, в глазах единомышленников, он приближается к подлинному, утверждает свою преданность Вере. Греховность человеческого существа ассоциировалась с телесностью, угождением ей и, как следствие, направляла к безнравственным поступкам. Аскетический образ жизни прославлялся как единственно возможный, чтобы пресечь свою связь с греховным. В конце XII – начале XIII вв. Франциск Ассизский утверждал «Единственный источник всякого греха – это наше собственное тело». Бедность, переходящая в нищету, умерщвление плоти, заканчивающееся самоистязанием, служение Богу и церкви не во имя земных благ, а «во имя Господа нашего Иисуса Христа вы не должны искать никакого иного имени под небесами» [4, с. 278]. Человеку предоставляется выбор: или формальная Вера, не противоречащая общественным обязанностям и материальному обогащению, или принятие аскетизма, как закона, формирующего всю последующую деятельность, не терпящую никаких исключений, какими бы предложениями они не мотивировались. В уставе братства миноритов сказано: «Братья не должны владеть никаким именем, ни домом, ни местом, ни какой-либо вообще вещью. Паломниками и странниками служи в этом мире Господу в бедности и смирении, да идут они просить милостыню с твердым упованием, и не подобает им стыдиться, ибо Господь из любви к нам сделался нищим в этом мире. Вот всякая высшая вершина той превысокой бедности, которая вас, возлюбленные братья мои, сделала наследниками и царями в Царстве Небесном и, лишив вас богатства вещественного, обогатила вас добродетелью» [2, с. 137].

В XII веке на юге Франции возникает мощное еретическое движение, получившее название «катаров». Представителя его называли себя «христиане». Основной своей целью они ставили отречение от духа Зла и возвращение души к Богу. Причина, по которой они были вынуждены противопоставить себя господствующей церкви, раскрывалась в недоверии к миру вследствие его безнравственной жизни. Г.Ч. Ли в своей книге «Инквизиция» приводит примеры, не совпадающие с обязанностями пастыря: разврат, стремление к роскоши, нарушение celibата, мздоимство, телесное пресыщение. Это касается не только рядового священства, но и высших иерархов католической церкви. Не находя примеров достойной жизни в мире, верующий и в церковной среде сталкивался с теми же проблемами, от которых он хотел избавиться в социальной действительности. Оказываясь в амбивалентной ситуации, у него оставался еще один вариант: создать пространство с качественно иной парадигмой существования. Разлад между простотой евангельских истин и тиранией официальной системы ставил вопрос: если Божественное начало находится в мире невидимом и нетелесном, а церковь, как институт, служит миру видимому, телесному, значит она подпала под власть Сатаны, отреклась от заветов И. Христа и его апостолов. В представлении многих христиан того времени безнравственность отдельных священников ассоциировалась с катастрофой самой

церкви. Таинства, совершаемые руками, оскверненными грехом, не имеют сакральной силы. Радикальное переустройство предполагало личную нравственность, беспорочность, сверхответственность перед Богом.

Создавая свое учение, катары строили его на принципах доступности. Теологические сложности занимали подчиненное место, фундаментальное концентрировалось в моральной сфере — как человек живет — так и служит Богу. Нравственные требования строились от противного. Осуждались все телесные удовольствия, запрещалось употребление мяса в пищу, возбранялись клятвы и присяги, вся жизнедеятельность сводилась к подготовке предстать перед Всевышним. Только один Отец, один Хозяин, один Государь — И. Христос — «все остальное от лукавого». Вновь посвящаемому в братство задавались следующие вопросы: «Обещаешь ли ты, что отныне не будешь вкушать ни мяса, ни яиц, ни сыру, ничего животного, кроме водного и растительного, что не будешь говорить неправду, не будешь клясться, не будешь вести развратной жизни, не пойдешь один, если будешь иметь возможность найти спутника, что не отречешься от веры из боязни воды, огня или другого какого-либо наказания» [2, с. 580]. Солидарность и нравственное совершенствование — лейтмотив возлагаемых на вступающего в общину обязательств, с их помощью преодолевается отчуждение между людьми. Согласие переподчинить свою жизнь новым ценностям позволяло войти в круг посвященных, т.е. в иную жизненную плоскость. Непримиримость к отступлениям диктовала и непримиримость к собственной слабости, рациональным уловкам, позволявшим найти им оправдание. Жесткость настояний сопряжена с качественно новыми отношениями. Уступая телесной природе, индивид теряет ощущение сопричастности с Вечным, кругом единомышленников, для которых его судьба значима как одного из них, из единого сообщества. Катары практиковали сознательное мученичество: умерщвление плоти в этом мире, что, по их мнению, освобождало от мук загробной жизни. Поэтому самые суровые наказания, пытки, сожжение на костре объявлялись даром, ниспосланным на избранных испытанием Веры. Чувство непохожести на других, проживающих обычную жизнь, формирует уверенность в избранничестве, что видоизменяет представления о мире, собственную самооценку. В этом случае оправдывается социальная изоляция, в которую попадает индивид после смены образа жизни, отличающегося от общепринятого. Для еретика, осознающего разрыв с обществом, исполнение официальных предписаний церкви перестает быть истиной, братья по движению становятся единственной реальностью при том, что только вместе с ними будет достигнута обещанная Вечность. Чем кардинальнее расхождение с привычным, тем меньше шансов вернуться в социальное пространство. Оно становится источником негативных впечатлений. Даже ужесточение предписаний воспринимается как благо, еще крепче привязывающее братьев друг к другу.

Не принимая самого уклада окружающего общества, еретики пытались изменить акценты в иерархии собственной общины. Происхождение, богатство, чины, формальные награды не служили залогом уважения и почитания. Только следование нравственному кодексу, принятому в сообществе, приравнивалось к любви к Богу. Обман, подлог, алчность, двуличие не имели почвы для проявления. Только община коллективным решением могла возложить на человека звание «совершенного», предварительно удостоверившись в его достойной жизни. «Совершенным» становится тот, кто нашел в себе силы отказаться от соблазнов, которые уравнивались с социальным бытием, как царством порока, и посвятить всего себя Богу. Равенство прав позволяет быть уверенным, что твой голос будет услышан, с твоим мнением считаются. Образуется эффект соучастия, где каждый — часть единого, а единое — подавляющая часть собственного «я». Чувство социального одиночества устраняется совместной деятельностью, коллективными собраниями и обсуждениями. Само слово «совершенный» исключало корысть, тщеславие, властолюбие, гедонизм. Претендент сознательно выбирал этот путь, представляя все сложности, которые могут встретиться на его пути к достижению цели.

Погружение в другое духовное измерение избавляет верующего от ряда стереотипов — следует заметить, что этот процесс не обязательно носит характер конфликта. Невнимание к тонкостям общественной «игры» становится органической сущностью, и человек просто выпадает из социума. Предательство, отступление от принципов всегда являет трагедию, подрывает доверие к окружающим, а в некоторых случаях происходит крушение всех мировоззренческих постулатов. Но в светской жизни индивид рискует репутацией, имуществом, кругом общения. Вопросы Веры и предательства измеряется другими мерками. Речь идет о вечности, адских муках, обреченности души. Верующий, изменяя Богу, совершает насилие над своей сущностью и отказывает себе в Спасении. В социальном существовании предательство нередко подменяется понятием компромисса,

разумным эгоизмом, сбалансированными интересами и, к сожалению, принимает допустимую форму, вызывая чувство недоверия окружающих к самой социальной системе.

Обмен, предпринятый цивилизацией – материальные блага на Веру – оправдался не в полном объеме. Признанный обществом приоритет науки, техники, либеральных свобод над церковным укладом, абсолютностью нравственных истин, сверхъестественностью устремлений обернулись «болезнью» общества с такими симптомами как разобщенность, аморализм, отчужденность, жестокость. Темпы получения материальных благ совпадают с распространением неверия и атеизма в Европе. Дальнейшая формализация церковных отношений лишает их прежней привлекательности в виде отстаивания прав угнетенных, подвижничества, самопожертвования во имя нуждающихся. Социальная стабильность с новыми вариантами досуга, развлечений, времяпрепровождения магнетизирует личность, поставляя ей все более совершенные формы заполнения духовного вакуума, что на определенный период является действенным. Атомизация человечества, разрыв устоявшихся связей, ослабление родственных отношений, легкая смена партнеров, круга общения создают иллюзорную легкость и мобильность существования, в которой теряется ценность личности, утрачивается сущность человеческих отношений, человек становится средством. Христианская аксиома уникальности человека оспаривается социальными стереотипами. В поучениях митрополита Антония Сурожского сказано: «Нет человека, без которого Вселенная могла бы обойтись, каждый человек – словно камушек в колоссальной, дивной мозаике. Вы знаете, что бывает, если камушек выпадает: постепенно мозаика начинает трескаться и все камни выпадают. И поэтому каждый человек – единственный, неповторимый, не только в его знании Бога. Есть замечательное место в Книге Откровения, где говорится, что в конце времен всякий человек получит имя, которое только он знает и Бог знает, то есть имя, которое его выражает всецело и которое выражает то, что его соотношение с Богом неповторимо, что единственно он знает Бога так, как он Его знает» [1, с. 77].

Не находя понимания в сообществе, индивид ищет иную реальность, иные формы коммуникации, иное нравственное пространство, позволяющие реализовать те качества, которые не востребованы социальной структурой. В этой попытке остается надежда достичь сопричастности с другими через принципы независимые от постоянно меняющейся социальной конъюнктуры. Противопоставление общепринятых стандартов поведения и моральных заповедей формирует чувство разрыва с социальным сообществом и поиск альтернативных путей объединения.

Список литературы

1. Антоний Сурожский, митрополит. О встрече / Антоний (Блум Андрей Борисович ; митрополит Сурожский ; 1914–2003). — Клин: Христианская жизнь, 2007. — 255 с.
2. Бемер, Г. Иезуиты / Генрих Бёмер ; Ли, Г.Ч. Инквизиция / Генри Чарлз Ли. — СПб.: Изд-во Полигон, 1999. — 1248 с.
3. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы / Ф. М. Достоевский. — М.: Художественная литература, 1973. — 816 с.
4. Скальфи, Р. «Я с вами до скончания века» : Краткая история католической церкви / Р. Скальфи. — Милан ; М.: Христианская Россия, 1998. — 208 с.

Mironov, A. V. Religious beginning – a starting point in understanding the phenomenon of social loneliness

In the article the problem of separation of individual and society associated with negative impacts on social communication and the search for new principles for self-realization. The religious system presented as an alternative basis to the standard requirements, to the dominant society. The commonality in the framework of the religious principles based on fundamental principles that are moral in nature. The choice of a personal orientation can be carried out in two forms: natural and supernatural. The experience of the Christian community of the Cathars presented as an example of overcoming social loneliness, the acquisition of human understanding of the fullness of being.

Keywords: religion, society, loneliness, isolation, selfishness, communication.

Статья поступила в редакцию 13.01.2016

УДК 141.7:324.8

Определяется историческая миссия лидера как воплощения субъективного фактора в формате традиционного («власть авторитета»), индустриального («авторитет власти») и постиндустриального обществ (новый формат «власти авторитета»); выявляется ключевая роль субъекта властной деятельности как особого «лица истории» в нестандартных объективных условиях макроисторической трансформации современного мирового сообщества.

Ключевые слова: лидер; субъект власти; субъективный фактор; объективные условия; «власть авторитета»; «авторитет власти»; транзитивное общество.

И. А. Галяс, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: korol_irina9@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ МИССИЯ СУБЪЕКТИВНОГО ФАКТОРА

Контуры формирующегося социального пространства XXI века расплывчаты, неясны и двусмысленны. Современный мир вошел в тупиковую ситуацию. С одной стороны, человечество идет дальше по пути социально-экономического прогресса, позволяющего удовлетворять растущие потребности человека и общества, а с другой стороны – этот прогресс может привести всю мировую цивилизацию к гибели. Стремительное развитие событий на планете ставит перед исследователями социума ряд принципиальных и сложных вопросов. Куда все же движется современный мир: к апофеозу «планетарного разума» или господству «планетарного тоталитаризма», к новым достижениям человеческого духа и к прорыву в духовно-экологическую цивилизацию или к вселенскому хаосу и тяжелейшему, многослойному кризису человеческого рода? Сложившаяся ситуация сохраняет надежду на лучшие времена в будущей истории человечества. Очередной хаос – это не конец истории мира, а конец конкретной истории, когда хаос превращается в «строительные кирпичи» нового космоса (порядка).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что начало третьего тысячелетия должно оставить в прошлом бессмысленную вражду между людьми. Человечество объединяется (глобализируется) с твердым намерением в будущем сохранить и защитить человека, его жизнь как единственный источник собственного существования. Процесс глобализации – это объективный процесс, который имеет свои как позитивные, так и негативные стороны. За этим процессом стоят общественно-политические силы, которые выражают интересы противоречивых сторон: глобалистов и антиглобалистов, консерваторов, радикалов, социалистов, либералов, демократов и т.д. В динамично изменяющихся нестандартных условиях макроисторической трансформации человечества, все они выступают как субъективный фактор современной истории, а их политические и национальные лидеры – субъектами, консолидирующими массы на основе новых идей, принципов и ценностей, складывающейся постиндустриальной цивилизации.

Обострение интереса ученых к исследованию проблемы движущих сил современного исторического процесса связано с возрастанием роли субъективного фактора – лидера как пассионарного субъекта модернизационных реформ, увеличением степени глубины и остроты осознания им моральной ответственности за будущее человечества (страны), изменение вектора исторического развития.

Цель статьи – проанализировать миссию лидера как воплощения субъективного фактора и особого «лица истории» в условиях системы координат традиционного, индустриального и постиндустриального обществ; выявить ключевую роль субъекта властной деятельности в нестандартных объективных условиях макроисторической трансформации современного мирового сообщества.

Классический философско-научный аппарат для изучения и объяснения исторической миссии субъективного фактора в условиях переходности общества не всегда является адекватным. Привычные теории, концепции и понятия требуют коррекции, соответствующие реальности и дающие ответ на многочисленные вопросы о настоящем, а главное о будущем человечества. В научных дискуссиях, обращенных к проблеме «объективных условий и субъективного фактора» в прошлом, существовало две доминирующие социально-философские концепции. Сторонники первой концепции(исторического материализма) жестко детерминировали все социальные процессы объективными условиями и «затушевывали» активность субъективного фактора. Большее значение они придавали зависимости субъективного от объективного, а поэтому субъективный фактор

рассматривался не как что-то самостоятельное, а как «зеркальная» сторона объективной практической деятельности человека.

Сторонники второй точки зрения, наоборот, большее значение придавали самостоятельности субъективного фактора, так как сами по себе условия ничего не производят. Они являются производными – вторичными и проявляют своё действие, только тогда, когда действует активная сила – фактор сознания. Если сторонники первой концепции относили к субъективному фактору целенаправленную деятельность масс, классов, партий, государства, то сторонники второй концепции – деятельность отдельных личностей – лидеров, их сознание, волю, умение действовать. Именно в факторе субъективизма исследователи искаженно видели движущую силу, посредством которой осуществлялась деятельность, ведущая к изменению объективного мира.

На уровне современного научного знания возникает необходимость преодолеть указанные крайности, переосмыслить диалектику объективных условий и субъективного фактора, поскольку в практической деятельности – это две стороны единого исторического процесса. В социально-философском понимании объективные условия включают природные и социальные факторы, а так же саму практическую деятельность людей, которая содержит и опредмеченный прошлый субъективный фактор, как мир культуры (результат человеческой деятельности), в котором люди реализуют свои возможности. Их дуальность и определяет специфику социального бытия, в отличие от бытия природного. Социальные законы объективны и всегда выступают как определяющие, но их действие проявляется через деятельность лидера как носителя субъективного фактора истории, который выражает интересы масс и в определенных объективных условиях переходности общества обладает относительной самостоятельностью, определенной свободой выбора и его личные побуждения приобретают решающее значение.

Субъективный фактор в данном исследовании – это лидер, как субъект власти современного общества, представитель правящего класса, деятельность которого детерминирована как объективными нестандартными условиями транзитивности, так и его сознанием, ценностными ориентирами. Он может изменить действительность только тогда, когда в этой действительности имеются объективные условия. Случайности в истории оказывали влияние на ход событий, но они не определяли их общего направления.

Историческая миссия лидера как воплощения субъективного фактора состоит в его способности отвечать на вызовы эпохи и обеспечивать ускорение общественного развития по линии прогресса. Реализация этой миссии определяется конкретными объективными условиями и соответствующим им субъективным фактором, действующим в формате традиционного («власть авторитета»), индустриального («авторитет власти») и современного постиндустриального («власть авторитета») обществ. Каждая из указанных общественных систем востребует свой тип лидера, удовлетворяющего её социально-культурные, экономические интересы и предоставляющего ему возможность реализации своего внутреннего потенциала сообразно с объективно существующей необходимостью.

Востребованность лидера в первобытном обществе детерминирована объективными социальными потребностями выживания и самоорганизации человеческой общины. В условиях «культуры страха» (отношениях «человек – естественная природа») лидер в лице вождя, старейшины рода, племени подчиняет личные интересы индивидов общему благу – благополучию общины. Его миссия заключается в сохранении кровнородственных связей, жизненной и функциональной целостности общины – ее самосохранении. Власть авторитета в первобытном обществе – это не воля конкретного индивида, а традиционный порядок вещей, умноженный на силу общественного мнения – моральной парадигмы.

Возрастающая концентрация власти в руках вождя приводит к выработке единой идеологии с общими культами и ритуалами для всех союзных племен. Вождизм превращается в социально-политическую организацию, объединяющую группу поселений, иерархически подчиненных одному из них, в котором проживает верховный правитель. «Соответствующее обычаю избрание преемников субъекта власти переходит в наследственную власть, которую сперва терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти...» [4, с. 171].

В системе координат общественного развития классового общества складываются новые отношения господства и подчинения. Они представлены разными принципами построения власти – полисная тирания и эллинистическая монархия; прямая демократия и империя с ее мощным бюрократическим аппаратом, средневековые королевства и средневековые республики. Лидер – это уже правитель, король, монарх, император, приобретающий право на «власть авторитета» благодаря своему происхождению. Он выступает как субъект упорядочивания социальной системы, в основе которой лежат традиции, передаваемые культурными кодами. Его влияние носит личностный характер, строится на взаимном доверии и уважении к моральному авторитету, опирается на систему незыблемых ценностей и социальных институтов их поддерживающих. Ценностные ориентиры

требуют от субъекта властной деятельности умения сплотить в общность людей, поддержать дух солидарности и справедливости в отношениях между ними.

Смена традиционного общества на индустриальное создает необходимость трансформации «власти авторитета» в «авторитет власти», что меняет представления о роли и миссии лидера как носителя субъективного фактора истории. На первое место в общественной жизни выходит политика как концентрированное выражение экономики, а в духовности особое место занимает просчитанная экономическая выгода. Принципы господства и подчинения доминируют над влиянием и согласием, а институт лидерства включается в бюрократическую государственную структуру профессиональных управляющих с четко фиксированной системой полномочий. В этой системе «авторитета власти» формируется новый тип авторитарного лидера с установкой на политическую целесообразность, логику целерациональности и ориентиром на преобразование мира в соответствии с законами Разума. В условиях апофеоза авторитета государства игнорируются аксиологические (духовно-нравственные) основы лидерства, как иррациональные моменты, не поддающиеся значимой оценке. В деятельности субъекта власти морально оправданы любые действия, если они не противоречат закону.

Лидер изменяет социальную жизнь через «порядок», «покорение», «организацию», используя при этом все доступные средства для сохранения власти и интересов господствующих классов. Результатом деятельности субъективного фактора в индустриальном обществе и господствующей в нем идеологии становятся – экономическая и политическая разобщенность мира, разделение стран на развитых и отсталых (догоняющих), расслоение общества на богатых и бедных.

Современное человечество переживает новую макроисторическую трансформацию, в ходе которой возникают изменения всей общественной системы и формируется ее новое качество. По мнению большинства исследователей – А. С. Ахиезера, А. Бергсона, И. И. Кального, В. А. Лекторского, В. С. Нерсисянца и других современный период можно рассматривать как еще один переход общества от формата «авторитета власти» к новому качеству «власти авторитета» [2; 3]. Транзитивность как прерыв непрерывности единого мирового процесса изменяет все сферы жизни общества – экономическую, социальную, политико-правовую и духовную. Основными атрибутивными характеристиками этого процесса являются: неустойчивость протекающих социальных процессов, расшатывающих основы старой социальной системы; хаос достигает критической массы, номос уступает место аномии; особая ситуация сознания, когда большинство социальных категорий и норм, в соответствии с которыми человек определял своё место в социуме кажутся утратившими свои границы; антиномичность разума, деятельности и поступков человека, которая приводит к катаклизмам социума.

Все эти кризисные исторические явления свидетельствуют о глубоких внутренних противоречиях складывающегося нового постиндустриального общества, в котором идет активный поиск новых идей и ценностей. На этапах транзитивности общества – разрушения, поиска новых идей и созидания возникают новые потребности и эволюционируют не только нормативно – ценностные идеалы исторической эпохи, но модифицируется и парадигма лидерства.

В хаотичных условиях часто возникающих глобальных, локально-региональных, социально-духовных конфликтов, в большинстве своем основанных на геополитических, межэтнических, межконфессиональных и культурно-языковых противоречиях, сопоставленности этносов, характеров различных групп, востребован новый тип лидера – «ситуативный лидер». Самым сильным вызовом для него является неопределённость социума. Именно социальная ситуация дает личности, наделенной властными качествами, возможность реализации своего внутреннего потенциала сообразно с объективно существующей необходимостью. Лидер заявляет о себе и как индивид, включенный в множество, и как индивидуальность, которая отражает его биосоциальную данность и одновременно как «лицо истории» (эпохи) – базовый носитель общественного сознания. Индивидуальность лидера, связанная с особенностями его «я» воспринимается не сама по себе, а лишь в контексте причастности индивида к социуму, в силу влияния не только биофизической природы (физической силы и психической энергии), но и иной силы – силы «власти авторитета» – доверия к нему со стороны общества.

Национальный лидер сегодня – это всесторонне развитая личность – созидателя, который обладает особыми биопсихосоциальными качествами и способностями гармонизировать отношения в неустойчивом этнически многообразном, поликонфессиональном и кризисном обществе. Она может вызывать доверие к себе масс, ибо опирается в своей деятельности на базовые атрибуты: волю к истине, волю к власти над обстоятельствами и волю к власти над собой с ориентиром на совершенствование своего духовного мира. Его базовыми ценностными ориентирами являются высшие общечеловеческие ценности, обусловленные социальной сущностью человека, его духовной природой, к которым относится сам человек, его жизнь и счастье, долг и ответственность, честь и достоинство, свобода, совесть и справедливость. В своём большинстве они являются морально-нравственными, непрекаемыми, необходимыми каждому индивиду, чтобы самоактуализироваться, найти своё предназна-

чение, высокий смысл и достойное занятие, которому можно было посвятить свою жизнь. Новая постиндустриальная эпоха востребует от лидера способности формировать новую гуманистическую этику солидарности, формального равенства и ответственности за будущее как философию любого современного действия. Именно в способности субъекта власти консолидировать общественные и государственные институты и через ценностные ориентиры обеспечивать предпосылку достойного ответа очередному историческому вызову заключается его миссия.

Современному миру с присущим ему особыми свойствами: экономической и социальной интеграцией, дальнейшим стремительным развитием научно-технического прогресса, нарушением экологического равновесия, формированием предпосылок, угрожающих существованию самой цивилизации, необходима новая гуманистическая идеология, которая бы выражала интересы каждого человека на планете, каждой партии, социальной группы, всех классов, всех стран. В этих условиях изменяется миссия субъективного фактора современности. Одним из его элементов является идея развития человеческого познания и деятельности по пути радиогуманизма, то есть необходимости сочетания рационализма и гуманизма, «Под «радиогуманизмом» имеется в виду такая конкретизация современного гуманизма, которая в мировоззренческом плане настаивает на признании интеллектуальной культуры одним из важнейших достояний человечества» [1, с. 210]. Это настоятельное веление нашего времени. Радиогуманизм должен перейти на смену современной эпохи с характерными для нее глобальными катастрофами.

Новый гуманизм зиждется на трех принципах: чувство глобальности (субъект истории – человечество), любовь к справедливости и нетерпимость к насилию. Условием, при котором современная цивилизация сможет выйти из кризиса и преодолеть угрозу своего существования являются: объединение усилий народов и их национальных лидеров в решении общих задач, консолидация и сплочение мирового сообщества на основе общечеловеческих гуманистических ценностей. Сегодня это не просто благое пожелание, а условие выживания человечества.

Таким образом, исследование феномена лидера и его статуса в различных исторических эпохах показало, что деятельность субъекта власти всегда отвечает объективным потребностям конкретного социума и базируется на определенной системе ценностей. Смена общественной системы приводит к изменению социальных качеств и свойств субъекта власти, так как они тоже являются системными и отражают внутреннюю логику поведения лидера. Объективные условия обуславливают «вектор возможностей» проявления субъективного фактора, которые могут реализовываться им по-разному или же не реализовываться вообще.

Аксиологическая рациональность современности формирует новую – гуманистическую парадигму лидерства с ориентиром на служение человечеству и возвышающую человека. Ценность лидера заключается в его мудрости и способности видеть латентные, невидимые грани явлений, умело направлять стихийные процессы в русло конструктивных перемен событий и предвидеть их будущий ход. Политическая составляющая жизни современного социума обуславливает необходимость и возможность построения новыми лидерами нового «духовного дома», фундаментом которого может стать гармоничное сочетание креативного начала, уравновешенное общечеловеческими культурными, прежде всего этическими ценностями, идеалами и принципами. Многие из них уже содержатся в традициях различных народов и цивилизаций.

Список литературы

1. Балл, Г. А. Радиогуманизм как форма современного гуманизма и его значение для методологии познания человека / Г. А. Балл // Мир психологии. — 2013. — № 3. — С. 208–223.
2. Кальной, И. И. Гражданское общество как одна из составляющих системы координат общественного развития / И. И. Кальной // Ученые записки ТНУ. Серия «Философия». — 2004. — Т. 17 (56). — № 2. — С. 3–12.
3. Парсонс, Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. — М.: Аспект-Пресс, 1998. — 269 с.
4. Энгельс, Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана / Фридрих Энгельс. — М.: Политиздат, 1985. — 238 с.

Galyas, I. A. Historical mission of a subjective factor

The article determines the historical mission of a leader as embodiment of a subjective factor in the format of a traditional (“the power of authority”) and an industrial (“the authority of power”) community. The key role of a power entity as a specific “face of history” under atypical objective conditions of macro-historical transformation of the contemporary world community is being revealed.

Keywords: leader, power entity, subjective factor, objective conditions, “the power of authority”, “the authority of power”, transitive society.

Статья поступила в редакцию 25.12.2015

Объектом настоящего исследования является мистический феномен, интерес к которому в научных кругах возрастает в условиях современного духовного кризиса. Мистика выражает универсальное религиозное начало, что важно в ситуации соперничества множества претендентов на обладание истиной. В статье выстраивается следующая понятийная иерархия: «религия» является родовым понятием по отношению к «эзотерике», также как «эзотерика» – по отношению к «мистике». «Мистика» является по отношению к понятиям «мистический опыт» (практика) и «мистицизм» (теория) родовым понятием. Такие понятия как «трансперсональный опыт», «психоделический опыт», «измененное состояние сознания» имеют более узкое значение, чем «мистический опыт».

Ключевые слова: Абсолют, мистика, эзотерика, мистицизм, мистический опыт, трансперсональный опыт, психоделический опыт, измененное состояние сознания, психопрактика.

Н. С. Жиртуева, доцент, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: zhr_nata@bk.ru

ПРОБЛЕМА СУЩНОСТИ МИСТИЧЕСКОГО ФЕНОМЕНА В НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Мировая культура XX – начала XXI столетия характеризуется «религиозным ренессансом», причиной которого стал кризис антропоцентричной и «чувственной» культуры (термин П. Сорокина), которая абсолютизирует ценность чувственно-материальной реальности. Гуманистическая философия, с одной стороны, утверждала огромный творческий потенциал человека, но, с другой стороны, способствовала формированию культа человеческой личности и стремительному развитию ее эгоцентрических потребностей. Сейчас все чаще говорят о кризисе этой культуры и ее негативных последствиях.

Любой кризис предполагает поиск путей выхода из него. Одним из них является обращение к опыту философско-мистических традиций мира. Человечество нуждается в новых ценностях и идеалах, убедившись в ограниченности чувственно-материального мира. По мнению М. Т. Степанянц, к этому нас побуждает «реальная опасность самоуничтожения человечества вследствие мировой войны или экологической катастрофы. Осмысление причин, толкнувших мир на край гибели, заставляет пересмотреть те ориентиры, которыми руководствовались в своем развитии как общество в целом, так и человек как существо индивидуальное» [16, с. 103].

Объектом исследования в данной статье является мистический феномен, интерес к которому в научных кругах возрастает в условиях современного духовного кризиса. Первыми обратились к его исследованию на рубеже XIX–XX веков американский философ и психолог У. Джемс, протестантский теолог и философ Р. Отто, русские религиозные философы С. Н. Булгаков, П. А. Флоренский, В. Н. Лосский, Н. А. Бердяев. В своих работах они подчеркнули недопустимость упрощенного подхода к исследованию мистики, которая во все времена истории играет важную роль в духовной жизни человечества, а также указали на полисемантизм понятия и сложность его однозначного определения.

Во второй половине XX века, после потрясений Второй мировой войны, исследованием сущности мистики занимались за рубежом Э. Андерхилл, Тор Андре, С. Гроф, Р. Зэнер, А. Д. Кныш, А. Г. Маслоу, Ф. Олмонд, У. Стейс, Дж. Тримингэм, У. Уэйнрайт, Д. Холлинбэк, Р. Элвуд, М. Элиаде, а среди отечественных исследователей – Е. Г. Балагушкин, П. С. Гуревич, Ю. А. Кимелев, Л. Г. Конотоп, А. Г. Сафронов, Е. А. Торчинов и др.

Вместе с тем, несмотря на многочисленные исследования, до сих пор не существует однозначного определения понятия «мистика». Еще в начале XX века У. Джемс указал, что понятия «мистический» и «мистицизм» употребляются часто для обозначения туманных, бессодержательно-сентиментальных, не имеющих фактического и логического обоснования, взглядов», которые сродни спиритизму или телепатии [6, с. 303]. У. Джемс заложил основы описательно-эмпирического метода исследования мистического феномена.

Е. А. Торчинов писал, что «мистикой» называют достаточно гетероморфные и гетерогенные явления, между которыми нет ничего общего, кроме названия. В результате возникает проблема терминологической несогласованности большинства исследований [18].

До сих пор в научно-исследовательской литературе продолжается дискуссия относительно самой

возможности и необходимости исследования мистического феномена. А. Г. Климович утверждает, что «мистический опыт не является познавательным состоянием», а одной из гносеологических причин его возникновения есть «неадекватное действительности понимание собственных ощущений и восприятий» [8]. Представители этого направления выводят мистику из сферы познания, отказывают ей в праве на научное исследование. Однако Ю. А. Кимелев подчеркивает, что есть все основания говорить о возможности и правомерности философско-рационального изучения мистицизма, что мнение о неинтеллигибельности мистицизма долго было предрассудком, от которого уже отказалась современная западноевропейская наука [9, с. 124–125]. Е. Г. Балагушкин отмечает, что «к постижению сущности, специфических особенностей и проявлений мистики следует идти *аналитическим путем*, углубляющим наше познание». Он также подчеркивает недостаточность дескриптивного метода исследования мистики, который только расширяет фактическую базу исследования [2].

Подчеркнем, то определение сущности мистики и мистического опыта существенно отличается в работах представителей материалистического и идеалистического направлений в науке и философии.

В период советской науки В. С. Поликарпов утверждал, что иррационализм и мистицизм является иллюзорным средством от «болезней современной буржуазной цивилизации», среди которых противоречия общественного бытия, товарно-денежный фетишизм, отчуждение и деперсонализация человеческих отношений, обостряющие чувства горя, скорби, одиночества, страха и приводящие к потере смысла жизни. Он сделал вывод, что «мистицизм является мироощущением тех, кто, не видя реальных возможностей решения жизненных проблем современности, спасаются бегством в вымышленный мир сверхъестественного, пытаясь решать эти проблемы при помощи медитации, мистических переживаний, наркомании» [13, с. 12–13]. А. Г. Климович считает, что мистический опыт не более чем «феномен искусственно вызванных в большинстве случаев ощущений, которые объясняются через посредство религиозных представлений», а «естественной причиной появления этих ощущений являлись психотехники». Исследователь также отмечает, что «мистицизм как социокультурный феномен возникает как реакция против общества», и является «борьбой против человека общественного» [8].

Однако представители идеалистического направления придерживаются иной точки зрения. Являясь основоположником психологии религии, У. Джемс рассматривал религию как совокупность чувств, действий и опыта отдельной личности. Именно он отстаивал приоритет индивидуального религиозного опыта перед религией, которая существует в форме определенных социальных институтов: «По крайней мере, в одном отношении личная религия оказывается, несомненно, первичнее, чем богословие и церковь; всякая церковь, однажды учрежденная, живет после этого, опираясь на традицию; но “основатели” каждой церкви всегда черпали свою силу из непосредственного личного общения с божеством. Так было не только с теми, кому, как Христу, Будде или Магомету, приписывается сверхчеловеческая природа, но и со всеми основателями христианских сект». Философ подчеркивал, что религиозный опыт включает в себя самые разнообразные феномены – обращение, святость, молитву, мистицизм. Таким образом, У. Джемс был уверен в реальности существования мистических состояний и подчеркивал их значительную роль, потому что, что «все корни религиозной жизни, как и центр ее, мы должны искать в мистических состояниях сознания» [6, с. 34, 303].

С точки зрения Р. Элвуда, мистический опыт является не просто одной из частей религиозного опыта, но его основной частью, тем звеном, который объединяет все элементы религиозной матрицы. Исследователь рассуждал, что если религия – это система, задачей которой является осмысление «способов конечной трансформации», то мистический опыт – это «самое главное средство конечной трансформации» [22, с. 29, 34].

Также и Н. А. Бердяев в своей работе «Философия свободного духа» утверждал, что «если слово “мистика” происходит от слова “тайна”, то мистика должна быть признана основой религии и источником творческого движения в религии». По его мнению, религиозный опыт рождается «от непосредственного и живого соприкосновения с последней тайной», а все великие зачинатели и творцы религиозной жизни имели первичный мистический опыт, то есть мистические встречи лицом к лицу с Божеством [3, с. 233]. Э. Фромм определил мистический опыт как проявление сущности высшей формы религии, которую назвал «гуманистической», противопоставив ее религии «авторитарной» [20, с. 168].

Таким образом, большинство исследователей считает, что **мистический опыт является основным содержанием религиозного опыта**. Однако не должен быть полностью с ним

отождествлен. Религия представлена более широким спектром учений, чем только мистических.

Большой вклад в исследование мистического феномена в начале XX века был сделан феноменологией религии, поставившей следующий вопрос: что же представляет собой универсальный, сущностный стержень религии, выражением которого является мистический опыт? Важное значение имел вывод, сделанный К. Тиле о том, что антропология не только открыла универсальность религии как человеческого проявления, но и доказала, что способ, благодаря которому она проявляется, и те элементы, в которых она проявляется, везде и во все времена, по своей сути, остаются одинаковыми. Для того чтобы определить эти явления, которые постоянно возрождаются, мы должны разложить религию, или, другими словами, осуществить ее феноменологический-аналитический анализ [17, с. 147].

Становление классической феноменологии религии связано с именем Р. Отто, который утверждал, что для выявления сущностного стержня религии необходимо осуществить феноменологический анализ категории «священное». Философ предложил исключить из «священного» рациональный и моральный моменты, поскольку «как таковое священное содержит в себе совсем своеобразный момент, ускользающий от рационального, а потому оно, как ...ineffabile, само по себе недоступно для понятийного постижения» [11, с. 86]. Для обозначения этого непознаваемого момента, который является универсальной структурой религиозного опыта, Р. Отто предложил использовать термин *нуминозное* (от латинского *numen* – «божество», «божественное начало» или «дух»). Нуминозное полностью иррационально, для его описания можно использовать только «знаки», «символы», «идеогаммы», которыми оперируют все верующие и мистики.

В исследованиях мистического феномена для обозначения духовной реальности, к контакту с которой стремится адепт мистической практики, чаще всего используются понятия *сакральное*, *священное* или *Абсолют* (от латинского «неограниченный», «безусловный»). Они являются более универсальными понятиями, чем термин *трансцендентное*. Последний более подходит для монотеистических религий, утверждающих наличие непреодолимого расстояния между Творцом и Его творением [21, с. 21–22]. Также и понятия *Бог* и *Божество*, распространенные в «библейных религиях», некорректно использовать по отношению к нетеистическим религиям.

Поэтому определяющей особенностью мистического опыта является **стремление мистика к непосредственному живому контакту с так или иначе представляемой высшей, божественной реальностью, с Абсолютом**. «Такой контакт предстает в религиозном сознании как «единение» с этой реальностью, «растворение» в ней, «погружение» в неё, «восхождение» или «нисхождение» к ней» [9, с. 119]. Н. А. Бердяев отмечал, что «в мистическом опыте человек всегда выходит из своего замкнутого душевного мира и приходит в соприкосновение с духовной первоосновой бытия, с божественной действительностью» [3, с. 234].

Э. Андерхилл рассматривала мистицизм «как выражение врожденного стремления человеческого духа к полной гармонии с трансцендентным порядком, независимо от того, какой теологической формулой этот порядок выражается. Это стремление, если верить великим мистикам, постепенно охватывает всю сферу сознания: оно овладевает всей их жизнью и в переживании, называемом «мистический союз», достигает своей цели. Как бы эта цель ни называлась – христианским Богом, Мировой душой пантеизма или философским Абсолютом, – желание достичь ее и продвижение к ней... составляют истинный предмет мистицизма. Я считаю, что это продвижение и есть истинное направление развития самой высокой формы человеческого сознания» [1, с. 15]. Мистики, с её точки зрения, находят основу своего метода не в логике, а «в том невыразимом переживании, которое они называют «актом единения» [1, с. 38].

Е. А. Торчинов называет мистикой «трансперсональные переживания, предполагающие переживание непосредственного общения, единения или слияния с божеством, безличным Абсолютом или иным типом первоосновы бытия. Это может быть также переживание онтологического «ничто» или «пустоты» [18]. По мнению А. Г. Климовича, понятием «мистика» обозначают состояния «единения» с некой первопричиной, Абсолютом [8].

Однако было бы ошибкой думать, что мистика исчерпывается переживанием единства с Абсолютом. Мы должны говорить о **психологических последствиях мистического опыта** для человека. И здесь необходимо согласиться с выводом Е. А. Торчинова, что мистический опыт «в любом случае предполагает высшую форму святости, достижение спасения, освобождения и т.д.» [318].

А. Г. Маслоу отметил, что психология чаще всего занимается исследованием психически больных людей, и, как следствие, искажает истинную сущность человека. Он видел свою задачу в изучении опыта тех представителей человечества, которые достигли «самоактуализации», поскольку

считал их образцом психического здоровья. Высшим типом самоактуализации, по мнению А. Г. Маслоу, являются те личности, которые пережили мистический опыт как «высшее переживание», как «сгусток всех тех состояний и переживаний, при которых происходит утрата или трансценденция Я». Такие личности «живут не только в реальном мире, но и в более высокой реальности, в реальности Бытия, в символическом мире поэзии, эстетики, трансценденции, в мире религии в ее мистическом, очень личном, не канонизированном значении, в реальности высших переживаний» [12].

Э. Фромм, сравнивая психологические особенности «гуманистической» и «авторитарной» религий, написал, гуманистическая религия существует не во имя абстрактных и далеких идеалов – «жизнь после смерти» или «будущее человечества», но во имя реальной жизни «здесь и сейчас». «Цель человека в такой религии – достижение величайшей силы, а не величайшего бессилия; добродетель – в самореализации, а не в послушании... Преобладающее настроение – радость, а не страдание и вина, как в авторитарной религии». В гуманистической религии бог является «символом сил самого человека, реализуемых им в жизни, а не символом насилия и господства, не символом власти над человеком». Э. Фромм утверждает, что «не страх и повиновение, но любовь и утверждение собственных сил лежат в основе мистического опыта», который направлен на «переживание единства со всем, основанное на родстве человека с миром, постигаемым мыслью и любовью» [20, с. 168, 175].

Е. И. Предко отмечает, что тем людям, которые приобрели религиозные переживания благодаря контакту со священным, присущ самый высокий уровень самоощущения и интеграции [14, с. 139]. Также и другой украинский исследователь А. Г. Сафронов замечает, что при всем разнообразии эзотерических систем можно выделить несколько типов устойчивых изменений психики, к которым стремились их последователи: 1. Формирование новых качеств личности. 2. Развитие имеющихся и овладение новыми способностями, в том числе превосходящими «нормальные» человеческие способности. 3. Расширение сознания, увеличение уровня осознанности [15, с.135].

Как замечает Ю. А. Кимелев, возрастание интереса к мистицизму обусловлено стремлением найти «базисное, глубинное единство всех религий», а также связанные с ним экуменические и глобальные интеграционные надежды. Мистицизм очень часто воспринимается «как безусловная, несокрушимая, соответственно высшей ценности, оправдательная инстанция по отношению к конкретным религиозным традициям или религиозности вообще». Именно поэтому исследование этого феномена имеет большое значение «в ситуации осознаваемого религиозного плюрализма, т. е. в ситуации открытого глобального соперничества множества претендентов на обладание единственной религиозной истиной» [9, с. 122].

Хотелось бы обратить внимание на такую важную для современных исследований феномена мистики проблему как их терминологическую несогласованность. Наряду с понятиями «мистика» и «мистический опыт» очень часто используются такие как «мистицизм», «эзотерика», «магия», «трансперсональный опыт», «психоделический опыт», «измененное состояние сознания» и др.

Л. Г. Конотоп и В. Л. Хромец предложили считать термин *эзотерика* наиболее широким (техническим термином). Эзотерика включает понятия «мистика», «оккультизм», а также «протомистика», «протооккультизм». Исследователи называют «эзотерикой» (от греческого «внутренний», «скрытый») определенную сферу тайного, которая противопоставляется «экзотерической» (от греческого «внешний») сфере открытого, присутствующей в каждой религии в форме культа [10, с. 67]. По мнению А. Г. Климовича, понятия «эзотерика» и «мистицизм» соотносятся между собой как родовое и видовое. «Мистицизм», как часть эзотерики, подразумевает те эзотерические феномены, которые ориентированы на особый вид переживаний «единения с Богом» [8].

В. Л. Хромец определяет следующие особенности эзотерики: 1) основа на тайных знаниях, 2) интенсивность практики, 3) ориентация на практическую трансформацию человека соответственно определенных идеалов [21, с. 8; 25]. Также и А. Г. Сафронов замечает, что эзотерические школы имеют, преимущественно, прикладной характер, потому что разрабатывают практические руководства процессом духовного совершенствования. Тексты этих традиций можно рассматривать как психопрактики, они «практически полностью лишены теологичности и философичности», они «в высшей степени психологичны и при этом утилитарны». Примечательно, что различие между религией и эзотерической практикой, существующей «в рамках» религии, прекрасно осознавалось самими последователями религии [15, с.133–135].

Следовательно, термин «эзотерика» имеет более широкое значения, чем «мистика». Однако, с нашей точки зрения, несмотря на то, что эзотерика основывается на *тайных* и *скрытых* от широких

масс знаний, не следует именно эту ее особенность делать основной. Многие эзотерики не скрывали своих знаний, но активно их пропагандировали, благодаря чему считались образцом для своих последователей и даже духовным эталоном своей эпохи. Это, например, православные исихасты Сергей Радонежский, Серафим Саровский, Григорий Палама, индус Кабир, суфии ал-Джунайд, Ибн ал-Араби и многие другие.

Таким образом, *«религия» является по отношению к «эзотерике» родовым понятием, также как «эзотерика» является родовым понятием по отношению к «мистике». Мистика «единения» с Абсолютом может считаться видом эзотерики.*

Такие понятия как «мистика», «мистический опыт» и «мистицизм» используются в исследованиях как синонимы.

По мнению Д. Холлинбэка, понятие «мистицизм» имеет более широкое значение, чем «мистический опыт», поскольку объединяет два важных элемента: опыт и индивидуальную реакцию на этот опыт [23, с. 1–2].

Л. Г. Конотоп и В. Л. Хромец предложили четко разграничить понятия «мистика» и «мистицизм» [10, с. 69]. Это связано с наличием в мистическом феномене двух составных частей – практической и теоретической. В мистической практике главным является интенсивное переживание Абсолюта. С одной стороны, мы имеем учителя-основоположника, который уже получил определенный мистический опыт, а, с другой стороны, ученика, который стремится приобрести мистическое переживание. Именно на этом этапе возникает мистицизм как «концептуальное, теоретическое обобщение мистической практики, в котором теоретическая компонента занимает основное место, и перевешивает прагматическую». В мистицизме, во-первых, мистическая практика является эмпирической основой теоретического обобщения, во-вторых, разрабатывается понятийный аппарат, в-третьих, используются специфические методы (катафатический и апофатический). Подчеркивается, что основой мистицизма является мистический опыт [21, с. 38–39, 45].

Таким образом, *термин «мистика» является по отношению к понятиям «мистический опыт» (практика) и «мистицизм» (теория) родовым понятием.* Он аккумулирует в себе теоретическую и практическую части мистического феномена – переживания во время контакта с Абсолютом, психопрактики как совокупность упражнений для достижения этого контакта, аналитические тексты с комментариями и т. д. Так происходит формирование определенной *мистической традиции*. Традиция (от латинского «передача», «предание») является посредником между современностью и прошлым, механизмом сохранения и передачи образцов, приемов и привычек деятельности (технологий). Можно сделать вывод, что *мистическая традиция осуществляет трансляцию мистической теории и практики от одного поколения к другому* [7, с. 202].

Очень часто отождествляются понятия мистика и магия, что является ошибкой. В. Л. Хромец относит мистику и магию к основным разновидностям эзотерики. Различия между ними, с его точки зрения, формируются в связи с отношением к Сакральному. Если мистика делает Сакральное своей целью, то магия направлена на приобретение силы Сакрального [21, с. 32]. Для Е. А. Торчинова магия, прежде всего, является «естественной», и своей целью она предполагает не «подчинение высших сил силе воли мага», а «воздействие на некоторые тайные, сокровенные (окультные) силы природы» [18].

И хотя мистик и маг часто используют одни и те же методы, но конечная цель того и другого существенно отличается. Мистик направлен на «единение» с миром Абсолютным, а маг всецело находится в мире естественном. Мистик стремится к преображению сознания и личности, их освобождению от эгоцентризма, а маг возвеличивает свою личность и культивирует «личную силу». Мистик становится духовно-нравственным авторитетом своего времени, проповедником любви, сострадания и милосердия, а мага, как правило, боятся и сохраняют по отношению к нему дистанцию. Как отмечала Э. Андерхилл, «мистицизм – это чисто духовная деятельность». Это правило, несомненно, исключает всех тех, кто практикует магию и магические религии. «Мистик обладает Богом, и больше ему ничего не нужно». Хотя он посвящает всю свою жизнь служению другим людям, он лишен сверхчувственного честолюбия и не жаждет оккультного знания или способностей [1, с. 94].

В научно-исследовательской литературе очень часто наряду с понятием «мистический опыт» используются другие термины – «трансперсональный опыт», «психоделический опыт», «измененное состояние сознания».

Термин *«трансперсональный опыт»* (от латинского «проходить, превосходить» и «личность») был введен представителями современной трансперсональной психологии. Один из ее

основоположников *С. Гроф* употреблял его в значении «превосходящая персональное», и считает, что «переживания, которые берут начало на этом уровне, влекут за собой превосхождение границ тела и Я и ограничений трехмерного пространства и линейного времени». По его мнению, трансперсональный опыт противоположен «нормальному» состоянию сознания, когда «мы переживаем себя как ньютоновы объекты, существующие в границах своей кожи. Наше восприятие окружающего ограничивается физиологическими пределами наших органов чувств и физическими характеристиками среды» [4, с. 34–35].

К вершинным уровням трансперсональных переживаний *С. Гроф* относит отождествление «с космическим сознанием или Мировым Умом, известным под многими разными именами: Брахман, Будда, Космический Христос, Аллах, Дао», «со сверхкосмической и метакосмической Пустотой». Именно Пустота, как утверждает исследователь, является «непостижимым и изначальным небытием, которое осознает самого себя и является исконной колыбелью всего сущего» [4, с. 38]. *С. Гроф* был убежден, что человеку можно помочь пережить трансперсональный опыт с помощью LSD, что он и стремился доказать во время проведения своих психоделических экспериментов.

Е. А. Торчинов также считал, что бессодержательное понятие «мистика» лучше заменить понятием «трансперсональный опыт», содержание которого определяет то, что «выходит за пределы ограничений индивидуальности и обыденного опыта». Он считает, что трансперсональные переживания включают в себя «генетическую или расовую память», «филогенетическую и эволюционную память, а также различные формы расширения сознания вплоть до переживания абсолютного сознания и супракосмической и метакосмической пустоты» [18].

Понятие «трансперсональный опыт», действительно, по своему содержанию приближается к «мистическому опыту». Однако, с другой стороны, согласимся с мнением *А. Г. Сафронова*, что этот термин определяет и саму методологию исследования, которая ограничивается границами трансперсональной психологии [15, с. 42]. Бесспорно, понятие «трансперсональный опыт» более современное и модное, но оно имеет более узкое значение, чем «мистический опыт», и поэтому не может характеризовать мистический феномен во всем разнообразии его форм. В самом названии содержится стремление «презойти» личность, однако многие мистические традиции ориентированы на ее «преображение».

Также и термин «*психоделический опыт*» имеет более узкое значение, чем «мистический опыт». Его возникновение связано с исследованиями трансперсональных психологов, которые открыли, что одним из способов вызывания трансперсональных переживаний является использование LSD. Непосредственно термин «психоделики» («такой, который расширяет сознание» или «такой, который помогает психике») был введен *Х. Осмондом*, одним из современных исследователей LSD. После запрета LSD, вместо понятия «психоделик» начали использовать другое – «галлюциноген» («тот, который вызывает галлюцинации»). «Психоделический опыт» не предполагает интенсивную мистическую практику, но связан, как правило, с результатами влияния на организм человека разнообразных естественных и искусственных галлюциногенов.

Некорректно также вместо понятия «мистический опыт» использовать понятие «*измененное состояние сознания*» (или *ИСС*). Оно было предложено *А. Г. Сафроновым*. Свой выбор исследователь обосновал так: «способность к переживаниям *ИСС* является одним из основополагающих свойств человеческой психики, а соответствующая потребность – одной из базовых человеческих потребностей». Именно потому в пределах разных культур существует стремление достигать даже не одного, а нескольких состояний сознания. Однако *А. Г. Сафронов* указывает на ограниченность термина «измененное состояние сознания», и отмечает, что восточные практики концентрации и дхьяны имеют тот недостаток, что «ведут прежде всего к измененным состояниям сознания, а не к фундаментальным и устойчивым изменениям личности» [15, с. 42, 58]. Опять-таки проявляется стремление привязать данный термин к опыту восточных мистических традиций.

Однако целый ряд исследователей высказывается против использования этого термина. Например, *Е. А. Торчинов*, *С. Гроф*, *Д. Уайт* утверждают, что просветленное состояние сознания является не «измененным состоянием сознания», а состоянием психически здорового человека. По мнению *Е. А. Торчинова*, использование термину *ИСС* предполагает, что «единственно нормальным, нормативным и эталонным является состояние сознания некоего “среднего человека”, соответствующее стандартному ньютоно-картезианскому видению мира, а все остальные – “измененные”, что есть лишь вежливая форма психопатологического» [18].

С нашей точки зрения, использование такого понятия как «измененное состояние сознания»

приведет к необходимости определения критериев психических состояний – «нормального» и «измененного». Например, С. Гроф подчеркивал, что «опыт и поведение шаманов, индийских йогов и саддху (святых отшельников) или духовных искателей других культур, по западным психиатрическим стандартам следовало бы диагностировать как явный психоз. И, наоборот, ненасытное честолюбие, иррациональные побуждения к компенсации, технократия, современная гонка вооружения, междоусобные войны, революции и перевороты, считающиеся нормой на Западе, рассматривались бы восточным мудрецом как симптомы крайнего безумия. Точно также нашу манию постоянного прогресса и «неограниченного роста», наше отрицание космических циклов, загрязнение жизненных ресурсов (воды, почвы и воздуха), превращение в бетон и асфальт тысяч квадратных миль земли в таких местах, как Лос-Анджелес, Токио или Сан-Пауло, американский или мексиканский индеец-шаман посчитал бы чудовищной несообразностью и опасным массовым безумием» [5, с. 323].

Достижение ИСС предполагает использование искусственных способов влияния на психику, что не совместимо с мистическим опытом трансформации сознания или личности. Поэтому Д. Уайт утверждает, что просветление – это не «измененное состояние сознания», которое вызывается с помощью медитации, наркотиков, секса или какой-то другой психотехнологии, способной повлиять на разум человека. Его цель – не демонстрация медиумических феноменов и паранормальных сил: «Ценность мистических и трансформативных состояний не в том, что они приносят какое-то новое переживание, а в том, что они избавляют от самого "Я" переживающего. Говоря иначе, они избавляют от эгоцентричного сознания, воспринимающего жизнь с жесткой, самоцентрированной точки зрения, а не в той свободной, раскованной перспективе, которая присуща мудрецу, знающему, что он и есть сама бесконечность, проявленная в ограниченной форме» [19].

Хочу согласиться с теми исследователями, кто считает понятие «мистика» идеологически «загрязненным». Но оно лучше остальных понятий передает смысл тех изменений, которые происходят с человеком во время мистического опыта. Преображение сознания и личности является настоящим Таинством, сокровенным чудом, совершающимся в глубинах человеческой души.

Таким образом, на основании проведенного исследования делается вывод, что мистический опыт «единения» с Абсолютом является сущностным стержнем религиозного опыта. Мистика предполагает контакт адепта мистической практики с Абсолютной реальностью, который воспринимается как «единение» с Ней и приводит к качественной трансформации психической жизни человека.

Выстраивается следующая иерархия понятий: «религия» является по отношению к «эзотерике» родовым понятием, также как «эзотерика» является родовым понятием по отношению к «мистике». Мистика «единения» с Абсолютом является одним из видов эзотерики. В свою очередь «мистика» является по отношению к понятиям «мистический опыт» (практика) и «мистицизм» (теория) родовым понятием. Такие понятия как «трансперсональный опыт», «психоделический опыт», «измененное состояние сознания» имеют более узкое значение, чем «мистический опыт».

Список литературы

1. Андерхилл, Э. Мистицизм. Опыт исследования природы и законов развития духовного сознания человека / Э. Андерхилл. — К. : София, Ltd., 2000. — 496 с.
2. Балагушкин, Е. Г. Научно-аналитическое рассмотрение мистики / Е. Г. Балагушкин // Философская мысль. — 2013. — № 6. — С. 422–474. [DOI: 10.7256/2409-8728.2013.6.589]
3. Бердяев, Н. А. Философия свободного духа / Н. А. Бердяев // Диалектика божественного и человеческого. — М. : Изд-во АСТ ; Харьков: Фолио, 2003. — С. 15–338.
4. Гроф, С. Надличностное видение: Целительные возможности необычных состояний сознания / С. Гроф. — М. : Изд-во АСТ, 2002. — 237 с.
5. Гроф, С. За пределами мозга: Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии / С. Гроф. — М. : Изд-во Трансперсонал. ин-та, 1993. — 504 с.
6. Джемс, В. Многообразие религиозного опыта / В. Джемс. — СПб.: Андреев и сыновья, 1993. — 418 с.
7. Жиртуева, Н. С. Типология мистических традиций и методов мистической психопрактики // Вопросы философии. — 2015. — № 9. — С. 201–210.
8. Климович, А. Г. Религиозный мистицизм как философская проблема: дис. ...канд. филос. наук: спец. 09.00.14 / А. Г. Климович. — Тюмень, 2003. — 198 с.

9. Кимелев, Ю. А. Современная западная философия религии / Ю. А. Кимелев. — М. : Мысль, 1989. — 285 с.
10. Конотоп, Л. Г. Наука и Кабала / Л. Г. Конотоп, В. Л. Хромец // Глобальные проблемы цивилизации: коллективная монография. — М. : Изд-во МГУ, 2006. — С. 24–31.
11. Красников, А. Н. Методология классического религиоведения / А. Н. Красников. — Благовещенск : Библиотека журнала «Религиоведение», 2004. — 148 с.
12. Маслоу, А. Г. Мотивация и личность / А. Г. Маслоу // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) : сайт. — URL : <http://psylib.org.ua/books/masla01/index.htm> (дата обращения 12.08. 2015).
13. Поликарпов, В. С. Наука и мистицизм в XX веке / В. С. Поликарпов. — М. : Мысль, 1990. — 219 с.
14. Предко, О. І. До питання про структурні зрізи психології релігії як галузі релігієзнавства / О. І. Предко // Мультиверсум. — 2004. — Вип. 44. — С. 134–145.
15. Сафронов, А. Г. Религиозные психопрактики в истории культуры: монография / А. Г. Сафронов. — Х. : ХГАК, 2004. — 304 с.
16. Степанянц, М. Т. Восточные концепции «совершенного человека» в контексте мировой культуры / М. Т. Степанянц // Историко-философский ежегодник. 1990. — М. : Наука, 1991. — С. 96–107.
17. Тиле, К. Основные принципы науки о религии // Классики мирового религиоведения: антология / К. Тиле. — М. : Канон+, 1996. — С. 144–197.
18. Торчинов, Е. А. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния / Е. А. Торчинов // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) : сайт. — URL: <http://psylib.org.ua/books/torch01/index.htm> (дата обращения 12.08. 2015).
19. Уайт, Д. Введение / Д. Уайт // Что такое просветление: исследование цели духовного пути // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры (Киев) : сайт. — URL: <http://psylib.org.ua/books/white01/txt01.htm> (дата обращения 2.12. 2015).
20. Фромм, Э. Психоанализ и религия / Э. Фромм // Сумерки богов. — М. : Политиздат, 1989. — С. 143–221.
21. Хромец, В. Л. Езотерика: філософсько-релігієзнавчі аспекти: дис. ...канд. філос. наук: спец. 09.00.11 / В. Л. Хромец; Київський нац. ун-т ім. Т. Шевченка. — Київ, 2006. — 159 с.
22. Ellwood, R. S. *Mysticism and Religion* / R. S. Ellwood. — Englewood Cliffs, NJ : Prentice-Hall, 1980. — 194 p.
23. Hollenback, J. B. *Mysticism: experience, response and empowerment. Hermeneutics, studies in the history of religions* / J. B. Hollenback. — University Park, PA : Pennsylvania State University Press, 1996. — 646 p.

Zhirtueva, N. S. The problem of the essence of the mystical phenomenon in the research

The object of the research in this article is the mystical phenomenon. An interest in the mysticism is increasing in the conditions of the modern spiritual crisis in the face of a national, religious, political and other conflicts threat when the whole world safety finds itself very vulnerable. Mystics is able to assist in finding the universal source of all religions which is very meaningful in the situation of the global rivalry of great number of pretenders onto the truth possession. Despite many studies, the unequivocal definition of the concept “mystics” still does not exist, and the debate as for the very possibility and necessity of a mystical phenomenon research is going on. Its assessment is contrary in the works of representatives of materialistic and idealistic schools. The following conceptual hierarchy is developed in the article: “religion” is a generic concept to “esoterica”, as well as “esoterica” is a generic concept to “mystics”. The mystics of “unity” with the Absolute is one of a kind of esoterica. In its turn “mystics” is a generic concept to such concepts as “mystical experience” (practice) and “mysticism” (theory). Such concepts as “a transpersonal experience”, “a psychedelic experience” and “an altered state of consciousness” have a more limited meaning than “mystical experience” has.

Keywords: Absolute, mystics, esoterica, mysticism, mystical experience, a transpersonal experience, a psychedelic experience, an altered state of consciousness, psychopractice.

Статья поступила в редакцию 11.01.2016

Анализируются формы взаимодействия концептуальных схем доктрины этногенеза Л. Н. Гумилева с другими гуманитарными и естественнонаучными подходами, определяются зоны несовпадения смыслов и причины их возникновения.

Ключевые слова: этногенез, историческое значение, семантический дрейф, пограничные области знания, объяснение, понимание, операционализация.

А. П. Коркишко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: histphilsoc@sevsu

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ЭТНОГЕНЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Л. Н. ГУМИЛЕВА

Заложенная еще в эпоху Просвещения идея победного шествия Разума по извилистым дорогам истории, вот уже три столетия будоражит умы, раздражает положительную мотивацию многих поколений исследователей, не забывая при этом глубоко огорчаться тем, что огромные массы людей, проходя историческими путями, испытывали, испытывают и, скорее всего, будут продолжать испытывать серьезные трудности и страдания.

Даже торопливое перечисление перенесенных бед и невзгод за прошедшее время заставляют нас опасливо взирать на загадочный лик Клио, который становится совсем уж непонятным, если принять во внимание наличные плотные массы мигрантов с Востока, устремившиеся в страны ЕС, напряженные конфликтные ситуации в Сирии, Турции, Украине. Попытки сходу диагностировать причину этих исторических турбуленций, прежде всего, наталкиваются на невероятную мешанину процессов, уровней, форм, состояний, человеческих солидарностей с их разнообразной мотивацией.

Одно только добросовестное перечисление гуманитарных школ, подходов, направлений, течений заняло бы многие и многие тома, но XX век все же сулил, в лице Л. Н. Гумилева, нащупать в переплетении наук, доктрин и точек зрения еще одну, заслуживающую специального рассмотрения. Предлагаемая им концепция этногенеза, изложенная во многих монографиях, по своему объему значительно превосходит объем академической статьи и поэтому мы коснемся только некоторых, но очень важных для методологии науки вопросов.

Если попытаться объять доктрину Л. Н. Гумилева одним взглядом, то наиболее точное и рельефное ее содержание отражено в двух его фундаментальных работах, а именно: «Этногенез и биосфера Земли» [3] и «Конец и вновь начало» [1]. Указанные работы образуют своего рода смысловой континуум Гумилевки: от во многом традиционной подачи материала в первой книге – ко все более занимательной форме изложения сути дела во второй. Несмотря на очевидное стилевое различие, Гумилевские сочинения сосредоточенно направлены на решение одной задачи: обозначить теоретико-методологический контур новой научной дисциплины, которую он именует этнологией. Теоретическая площадка этнологии обозначается как границы синтеза трех традиционных научных дисциплин: истории, географии и биологии. На первый взгляд, первый аккорд научного синтеза Л. Н. Гумилева выглядит достаточно традиционно и потому в поле критики обычно не попадает, поскольку не выходит за пределы традиционно признаваемой необходимости осваивать зоны междисциплинарного пограничья. О пользе подобного подхода написано много, но это несколько притупляет, на наш взгляд, критическое зрение, рассеивая его и делая менее приметливым. Между тем, говоря о необходимости синтетического склеивания предмета этнологии, Л. Н. Гумилев указывает на то, что, в первую очередь, он готов рассматривать как базовое, основополагающее соотношение – «историческое-биологическое», которое является категориальным отображением «сознательного» и «природного» начал. Авторский пафос понятен как стремление зафиксировать в одной исследовательской плоскости столкновение, а лучше сказать, переплетение двух исполнительных источников исторической активности: функциональной, целедостиженческой активности человека, исходящей от фактора сознания и причинно-следственного взаимодействия, лежащего в глубине естественного мира. Сама идея такой склейки для европейской науки, повторимся, далеко не нова – вспоминаются имена Р. Декарта, И. Канта, В. Вернадского и многих других исследователей, которые использовали это соотношение как, своего рода, маркер, обозначающий границу между человеческой и природной стихиями. Причем, начиная с XVIII века, в европейской науке складывается представление, что в исторической феноменологии более важным является момент различия, а не момент сходства. И это обстоятельство всегда незримо

присутствовало при решении любых мировоззренческих постановок в области истории, невзирая на субъективные научные цели исследователей, их осознание и формулировки. И Шпенглер, и Маркс, и Коллингвуд, и Тойнби стремились, каждый по-своему, провести эту границу, создать собственный исторический дискурс, который бы строился сообразно их исходным воззрениям, но создать непротиворечивый теоретико-методологический комплекс исторического знания, увы, не удавалось. Почему? Если коротко, то причиной тому было одно короткое суждение: «Человек – это цель и средство истории одновременно». Это Марксово суждение решительно разрушало самые хитроумные построения историков и не менее смелые гипотезы естественного знания, поскольку исключало возможность завершить теоретическую игру на какой-то одной из двух половин противоречия.

Л. Н. Гумилев видел и ощущал этот процесс, как, пожалуй, никто другой и тем не менее он, скорее всего подсознательно, пропускает присутствие ошибочного тезиса в своей аргументации. Конструктивно Гумилевская аргументация отталкивается от понятия «граница», которая, по его мнению, разделяет «социальную форму движения материи и четырех природных» [3, с. 36]. Развивая мысль далее, Л. Н. Гумилев говорит, что социосфера, взаимодействуя с собственным порождением – техносферой, обнаруживает некую третью реальность или «живую сущность», которая заключена не только вокруг людей, но и содержится в них самих. Этот тезис для Л. Н. Гумилева и становится главным методологическим маркером, который он использует в качестве скальпеля при содержательном вскрытии тезиса о том, что природа человека подобна природе Сфинкса. Предлагаемый им подход определяется как аналитический. При этом Л. Н. Гумилев поясняет, что заявленный им этнологический подход включает в себя сразу 2 уровня: сначала «расчленение» необходимое для «распутывания» неясных исторических ситуаций, а потом синтез, в котором учитываются результаты всего комплекса примененных методов исследования. Попутно при этом Л. Н. Гумилев замечает, что историография XIX в. взаимодействие социального с природным учитывала не всегда, имея в виду работы Г. В. Плеханова. [5, с. 227] Однако, теперь динамика природных процессов исследована, по мнению Л. Н. Гумилева, так глубоко, что их компаративистика с историческим развитием достаточно очевидна, чтобы быть зафиксированной в определенной категориальной сетке. Эта мысль представлялась в такой степени очевидной, что дальнейший шаг был, в известной степени, запрограммирован и определен самой категориальной логикой.

Не будем забывать о том, что Л. Н. Гумилев строил доктрину этнологии в условиях, когда истины исторического материализма были таковыми не только в академическом обличье, но нередко становились и формами государственного принуждения. И Л. Н. Гумилев знал об этом не понаслышке: 28 лет его жизни прошло, как известно, отнюдь не в академических организациях. Однако, подобное замечание не ослабляет давление груза теоретического разбора его концепции, которое в последнее время нарастает.

Общий замысел Л. Н. Гумилева сводится к формуле того, что этнология, в конечном итоге, может быть представлена как непосредственный сплав гуманитарного и естественнонаучного знания. Дистанция между этими областями столь очевидна, что долгое время классический метанаучный подход отождествлялся в научной практике с метафизикой. Из содержания последнего термина отчетливо следовало, что метанаука возможна только в метафизическом воплощении. Это неизбежно приводило к внутреннему парадоксу, возникающему при попытке определить саму сущность науки. Если вспомнить известный посыл Д. И. Менделеева о том, что наука начинается с измерения, тогда возникает простенький вопрос: «А что происходит с измерением на метафизическом уровне?» Вопрос – коварный, если не сказать более. Чтобы как-то сохранить лицо, ученые мужи поступали двояко. Либо на метафизический уровень допускалось исключительно философское знание, либо метафизическое пространство заполнялось достаточно произвольными комбинациями различных теоретических выкладок. Иногда очень интересными – вспомнить хотя бы идеи А. А. Зиновьева о логической физике, а позже социологии, или конструкции, иначе не назовешь, Э. В. Ильенкова, включающие в себя философы, щедро разбавленные прикладной психологией, лингвистикой, педагогикой. Так или иначе, но замыкающей абстракцией всякий раз выступал метауровень, выводимый из контекста какой-то одной науки: физики, логики, психологии и т. д.

Противоположным, по своему содержанию, выступал иной подход, построенный на создании интегральной модели научного знания, когда замыкающая абстракция соединяла метанаучную реальность с наукой в целом, минуя частные коммутации. Обобщенную схему в виде концепции уровней материального мира представил В. В. Орлов, различными частными проекциями проблемы независимо друг от друга занимались А. П. Куприян и Ю. Ф. Сафонов, концентрируясь вокруг проблема-

тики социального эксперимента [4].

Представляется, что Л. Н. Гумилев отчетливо различал эти направления и видел преимущества и недостатки каждого из них. Первый привлекал его своей научно-эмпирической конкретикой, второй – своей методологической отработкой. Решение, принятое Л. Н. Гумилевым, было одновременно простым по замыслу и фигурным по исполнению. Решив оперировать одновременно в трех измерениях (истории, биологии и географии), автор исходил, по всей вероятности, из популярного в 60–70-е годы минувшего века диаматовского посыла, согласно которому универсум включает в себя три исходных элемента – тела, связи и отношения. Тогда, интерпретируя схематику Л. Н. Гумилева, мы приходим к пониманию того, что «история» – это термин, обозначающий преимущественно причинно-следственные связи преследующего свои цели человека, представленные во времени, «биология» – термин, указывающий на предметное измерение исторических метаморфоз, а «география» – ландшафтное отображение течения истории, или феноменологическая конкретизация направлений исторических изменений.

Все эти предварительные выкладки были осуществлены для того, чтобы более или менее точно ответить на вопрос: «Что такое этнос?» Здесь Лев Николаевич вплотную столкнулся с каверзной проблемой эмпирической операционализации теоретического понятия. Проблему эту не понаслышке знают социологи, социальные философы, но Гумилев, будучи историком и географом, об этой научной процедуре имел самое общее представление. Справедливости ради отметим, что и в среде профессиональных социологов проблема эта из числа слабо обсуждаемых, поэтому кратко поясняем суть дела. Речь идет об особом, специфическом приеме прикладного социального исследования, который позволяет смысл теоретического понятия воспринимать через фиксацию эмпирических индикаторов, репрезентирующих теоретический концепт. Иными словами, нужно подобрать такую признаковую базу понятия, которая бы была принципиально доступна для измерения, а, с другой стороны, надежно фиксировала логическую позицию изучаемого понятия в категориальной схеме. Здесь сразу же вопрос упирался в определение признаковой базы понятия «этнос»: по какому признаку или их совокупности можно вычленить тот или иной этнос. Последовательно перебирая различные признаки человека, Л. Н. Гумилев один за другим отвергает такие признаки как «раса», «класс», «язык», «место проживания» и т. д. Но чем глубже он погружается в анализ, тем менее ясным становится его конечная цель. В конечном счете, Гумилев приходит к выводу, что признака для определения этноса нет [3, с. 48], то есть, он не сводим ни к социальным, ни к биологическим, ни к географическим явлениям.

Мысль К. Маркса о том, что история в целом складывается из истории природы и истории людей, еще больше осложняет задачу, так как предполагает одновременное сравнительное исследование семи (!) логических понятийных схем, каждая из которых является самостоятельной темой. С подобной задачей уже сталкивался П. А. Сорокин, когда изучал соотношение «цивилизации» и «культуры» в социо-исторической динамике [6].

Действительно, только издали преломление задачи научного анализа логических отношений между понятиями, как сравниваемых и несравниваемых в рамках принятой доктринальной схемы, может показаться не столь уж сложной. И это так, но только при выполнении одного непреложного условия – достижения полной дефинитарной прозрачности исходных понятий. В этой связи невольно вспоминается знаменитое предостережение П. Абеляра, известное любому логика: «Всякое определение – опасно!» Оказывалось, что ситуация изначально осложнялась большим числом предварительных предпосылок, выполнение которых, с точки зрения классической методологической культуры, было труднореализуемым.

В целом ситуация была близка к критической, если в профессиональном лагере этнографов стали раздаваться голоса, и это не случайно, подобные В. И. Козлову, призывающие к упразднению этнографии и заменой ее демографией с учетом занятия населения [3, с. 58]. При этом разница в предметах этих наук даже не рассматривалась, т. е. процедура была осуществлена в соответствии с современной компьютерной командой «по умолчанию». Цель подобных предложений, даже если изначально допустить ее благость, была простой: запутанные дефинитарные связи этносферы обрубить сразу и бесповоротно и перенести понятийное отражение судьбы народов в область демографического знания, которое удобно и послушно укладывалось в метрические шкалы измерения: возраст, численность, образование и т. п.

Подобное изменение статуса науки, помимо изменения имени, функций и предмета, неизбежно приводило к тому, что история снова становилась этнически анонимной, и в этом смысле она неизбежно становилась ничьей, утрачивая свой колорит, народную исполненность и, тем самым,

превращаясь в абстрактную схему, обвешанную, как елка игрушками, эмпирическими индикаторами весьма и весьма опосредованного свойства. Видимо потому Гумилев стремится оставить этнотерминологию наплаву, если и не в сфере научного объяснения, то хотя бы в области понимания.

Как отмечалось выше, Л. Н. Гумилев признавал факт классической научной невыводимости понятия «этнос», но, с другой стороны, тогда нужно было прекращать работы по этноистории и т. д. Можно полагать, что, оказавшись в путях методологического конфликта, автор «Этногенеза и биосферы Земли» решает на отчаянный шаг: извилистую дефинитарную практику по созданию понятий этнологической науки он решает заменить процедурой семантического дрейфа. Процедура весьма замысловатая и в смысловом отношении становящаяся неподконтрольной разуму, но, одновременно, превращающаяся в очевидность чувственного восприятия.

В самом деле, доктрину пассионарности, трактующую природу и механизм возникновения колебательных движений в истории, приходилось изначально, по определению, квалифицировать как неясную в связи с тем, что сам исходный базис был не очевидным. Поэтому, как нам видится, неслучайно Л. Н. Гумилев, демонстрируя этническую разницу в поведении людей, отсылает нас не к конкретному аналитическому перебору признаков интервала, а заменяет его чувственной демонстрацией узнаваемого стереотипа социального поведения.

В разных работах, т. е. в разное время, и в этом случае это может быть расценено как устойчивый методологический способ усиления убеждающей силы разрабатываемой доктрины, Л. Н. Гумилевым исполнялся прием, наглядно поясняющий различия поведенческих реакций представителей разных этносов на присутствие в трамвае подгулявшего пассажира [3, с. 22; 1, с. 15]. Сам по себе такой способ углубления понимания вполне допустим и нередко становится незаменимым в арсенале исследователя. Именно о подобных ситуациях и высказывался известный физик Р. Фейнман, когда указывал на то, что если вы профессионально занимаетесь квантовой физикой, то должно уметь изложить ее содержание ребенку. Заметим, что хлесткая фраза Р. Фейнмана совсем не исключает, а предполагает присутствие строгого аппарата на «задней сцене» понимания.

В случае Л. Н. Гумилевым мы наблюдаем иную картину. Увлеченно строя смысловой каркас этногенеза, как ранее специально не учитываемого фактора истории, он произвольно смешал теоретический и чувственно-наглядный материал. Смешение было явно не преднамеренным и объяснялось, скорее всего, искренним стремлением Л. Н. Гумилева обрести как можно более широкую читательскую аудиторию. Вот почему он нередко жанру классического научного изложения, которым, кстати, владел едва ли не виртуозно, предпочитал изложение построенное «забавным русским слогом». Преимущество последнего способа с точки зрения охвата аудитории очевидно. Он не требует от аудитории специальной подготовки, доходчив, ярок, легко передаваем обычденной речью, но, увы, не обладает понятийной точностью фиксации выделенных той или иной научной дисциплиной смыслов.

Именно здесь, по нашему мнению, и возникают, говоря старорусским языком, преткновения концепции этногенеза и традиционно ориентированных научных дисциплин, а, следовательно, и людей, их представляющих. Острота этой полемики ощутима не только тогда, когда Л. Н. Гумилев сталкивается в лобовой атаке со своими недоброжелателями (не будем называть их имена, дабы не возбуждать неуместных дискуссий), но и тогда, когда он связан со своими оппонентами комплиментарно, как, например, с Д. С. Лихачевым или А. И. Панченко. Нельзя, конечно, не восхититься изяществом, с которым А. И. Панченко обходит острые вопросы в диалоге с Л. Н. Гумилевым [2]. В этой связи сразу вспоминается классическое филологическое образование выдающегося слависта, его виртуозное владение словом, которое в соединении с несомненной гуманитарной одаренностью Л. Н. Гумилева должно было превратиться в яркий поток историко-филологических заключений, суждений. Но этого не происходит совсем не от того, что участникам диалога нечего сказать, а скорее от того, что в пространстве их совместного поля одна за другой возникают понятийно-смысловые неясности. Действительно, как соотносить содержание, например, таких понятий как «этническая история России» и «история русского народа». Даже взгляд издали достаточен для понимания, что эти два понятия несинонимичны, но дальнейшие уточнения смысла наталкиваются на частокол понятийных ловушек: «этнический поведенческий стереотип» и «русский национальный характер», «этническая комплиментарность» и «народная душа», «консорция» и «община» и т. д. При этом указанные затруднения возникают не только при диалоговом общении Л. Н. Гумилева с филологами, но их можно обнаружить и в процессе самостоятельных изысканий, о чем можно судить по текстам его монографии.

Может показаться, что подробный анализ причин возникновения понятийной турбулентции и в

концепции этногенеза заводит нас в смысловые дебри и отдаляет от понимания причин, ответственных за возникновение и обострение современных социально-исторических конфликтов и это не может не тревожить, поскольку, не обрета должной глубины понимания, мы не можем рассчитывать на достижение эффективного решения возникших проблем.

Вскрывая теоретико-методологическую основу доктрины этногенеза, мы должны ясно осознавать конечную цель операции, которая далеко выходит за рамки либо косметической, либо обличительной функции, каждая из которых, по определению, отягощена идеологией. Цель же состоит в ином – в стремлении понять объективную картину истории, как бы сложна и запутана она не была.

Конечно, абсолютной объективности нет (а к ней, видимо, так искренне стремился Л. Н. Гумилев, если принять во внимание и замысловатые извивы его судьбы), но было бы несправедливо обречь доктрину этногенеза на «естественное выживание». Без сомнения, в концепции обнаруживаются недостатки, пробелы, над которыми надлежит строго и серьезно работать (взять хотя бы проблему операционализации этногенетических понятий), но эта деятельность по сути своей совпадает с Гумилевским, а точнее, с русским императивом, который велит любить безоглядно и также неистово противостоять злу.

Список литературы

1. Гумилев, Л. Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Лев Гумилев. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 384 с.
2. Гумилев, Л. Н. Чтобы свеча не погасла: Диалог / Л. Н. Гумилев, А. И. Панченко. — Л.: Сов. писатель, 1990. — 128 с.
3. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. — СПб.: Кристалл, 2001. — 640 с.
4. Куприян, А. П. Методологические проблемы социального эксперимента / А. П. Куприян. — М.: Изд-во МГУ, 1971. — 242 с.
5. Плеханов, Г. В. Нечто об истории / Г. В. Плеханов // Г. В. Плеханов. Избранные философские сочинения : В 5 т. Т 2. / Институт философии АН СССР. — М. : Госполитиздат, 1956. — С. 225–235.
6. Сорокин, П. А. Человек. Цивилизация. Общество / Общ. ред., сост., предисл. А. Ю. Союмонов; пер. с англ. С. А. Сидоренко. — М.: Политиздат, 1992. — 543 с.

Korkishko, A. P. Directions for Development of Leo Goumilyov's Ethnogenetic Conceptual Foundation

In article are analyzed the forms of interaction conceptual schemes Gumilev's doctrine of ethnogenesis with another humanities and natural approaches. Are defined the zones of disagree with a senses and reasons of their origin.

Keywords: ethnogenesis, historical knowledge, semantical drift, frontier zones of knowledge, explanation, interpretation, method of operational research.

Статья поступила в редакцию 30. 01. 2016

Рассматривается проблема отношений веры и разума в жизни и творчестве выдающихся философов Востока аль-Газали и Ибн Рушда, возможности влияния наследия этих мыслителей на развитие современной европейской и арабской культуры.

Ключевые слова: бог; вера; гармония; знание; истина; нравственность; разум; человек.

О. В. Панченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: oranch@yandex.ru

РАЗУМ И ВЕРА АЛЬ-ГАЗАЛИ И ИБН РУШДА

Отличительным признаком современных вызовов истории является их глобальный характер – когда угрозе подвергается природная и социокультурная реальность. Оптимистичный прогноз Ф. Фукуямы о «конце истории» с наступлением либерально-демократического рая на Земле уступает место пессимистическому сценарию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Одним из основных, ноосферных источников вызовов, замеченных вначале XX века Э. Леруа, П. Т. де Шарденом и В. И. Вернадским, является мировоззрение людей, их ценностные ориентиры. Для решения экономических, политических, этнических, национальных, культурных проблем, разрешения возникающих противоречий представители политической элиты, поддерживаемые некоторыми деятелями церкви, социологами и философами, консолидируют общество, опираясь на тысячелетний, обобщенный в теории социологами (Ж. Гобино, А. Турен) инстинкт первобытного человека – реакцию на образ внешнего врага. С этой целью в информационном обществе политики и политтехнологи активно тиражируют краткие, доступные «импозитивной массе» (Ж. Бодрийяр) лозунги, негативные и позитивные термины, как-то: «фашизм», «терроризм», «родина» «патриотизм»..., цинично наделяя их искаженными, выгодными для себя смыслами. Примечателен тот факт, что склеенные ненавистью группы-стаи обвиняют своих «врагов» в отсутствии у последних важнейших отличительных признаков человека – умения самостоятельно мыслить, зомбированности и безверии, сами вовсе не обладая ими.

В сложившейся ситуации *практическая* задача политически независимых философов – нейтрализовать или, по крайней мере, ослабить «звериный оскал палеолита», блокировать действие центробежных тенденций истории путем коррекции сознания индивидов, раскрывая смыслы важнейших атрибутивных антропологических понятий. В марксистской философии подобную установку назвали бы далеким от реальности субъективным идеализмом. На это можно возразить словами самого К. Маркса: «Оружие критики не может, конечно, заменить критики оружием, материальная сила должна быть опрокинута материальной же силой; но и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [4, с. 422]. Данный принцип учли упомянутые выше французские социологи. Его эффективность в современных условиях подтверждается небывалым по масштабности воздействием СМИ на сознание целых народов, превращая субъективный идеализм в объективный, действенно-практический. Но социальная объективность обладает и мощным позитивным ресурсом, если сознание элиты, а вслед за ней и большинства общества ориентировано на поиск общих для всего человечества высших трансцендентных истин и верований, выработанных всемирной историей.

Прояснить, конкретизировать понятия «разум» и «вера» поможет знакомство с жизнью и творческим наследием выдающихся арабских философов аль-Газали (1058-1111) и Ибн Рушда (1126-1198). Выбор этих мыслителей обусловлен несколькими обстоятельствами: во-первых, тем, что интересующие понятия были в центре их философско-теологических размышлений; во-вторых, остро стоящей перед современным человечеством потребностью понять и сблизить культуры народов Востока и Запада, различия между которыми постоянно заявляют о себе; в-третьих, – сходством пережитых ими и ныне существующими ситуаций. И верно, эпиграф полемиического произведения аль-Газали «Тахафут аль-фаласифа» (Самоопровержение философов, 1094 г.) «*Привычка путать убеждение со знанием – эпидемическое заболевание нашего времени*» [2, с. 1] равно актуален и для живших в XI–XII вв., и для нас в XXI веке.

Согласованность сознания с действительностью в истине и вере становится явственной тогда, когда тот, кто размышляет о них, сам в поступках следует своим убеждениям. Краткое знакомство с

непростыми дорогами жизни двух арабских мыслителей, их влияние на современников дают веские основания полагать, что именно таковыми были аль-Газали и Ибн Рушд. Благодаря этому им удалось достигнуть вершин философского знания и стать выдающимися личностями.

Абу Хамид аль-Газали родился в 1058 году в семье ученого в иранском городе Тусе. Благодаря и отцу-дервишу, младшему брату, имевшему репутацию глубокого мистика, а так же наставникам-имамам он приобрел глубокие знания в теории и практике суфизма. Однако это не принесло будущему теологу и философу желаемого удовлетворения, ибо его интеллектуализм все ставил под сомнение. Скепсис распространился и на позицию мусульман-схоластиков, обосновывавших истинность своих идей мнениями авторитетов, которые они принимали как аксиомы. Аль-Газали страдал физически и душевно, впал в глубокое отчаяние, потерял аппетит и дар речи. Придя к убеждению, что истину невозможно постигнуть рациональными средствами, переполнившись отвращением к схоластическим перепалкам и ухищрениям философов и теологов, он начал мистическое странствование, став дервишем: под предлогом совершения хаджа в 1095 году покинул Багдад и отправился в Дамаск. После одиннадцатилетних странствий по странам исламского мира, предаваясь медитациям и практикуя самые строгие формы аскезы, аль-Газали затем вернулся в свой родной город Тус, где до последних дней жизни занимался преподаванием, периодически уходя в уединение для размышлений.

Средствами обретения собственного истинного Я, аль-Газали считал не усвоение чужих мнений, а доводы разума и сердца. Изучив греческую философию, особенно Аристотеля и труды мусульманских мыслителей-перипатетиков, он написал «Намерения философов» («Ал-Макасид ал-фаласифа») и «Самоопровержение философов» («Тахафут ал-фаласифа») – стройное и глубокое изложение своего понимания аристотелизма. В этих сочинениях мыслитель подверг критическому анализу взгляды не только самого Аристотеля, и его арабских единомышленников аль-Фараби («второго учителя» после Аристотеля) и Ибн Сину, но и современных ему приверженцев мусульманского схоластического богословия, калама, – мутакаллимов. В поздний период творческой жизни аль-Газали за полемическими произведениями последовало главное сочинение – энциклопедическое «Воскрешение религиозных наук» (сокр. арабск. «Ихйя»), с системным изложением собственных взглядов, которое оказало и продолжает оказывать глубокое воздействие на исламскую и, позднее, на мировую культуру. Уже в конце XII века, благодаря переводу на латинский работы аль-Газали «Намерения философов» был перекинут мост от арабской философии к высокой европейской схоластике, за что его высоко ценил самый яркий ее представитель Фома Аквинский.

Спустя столетие не менее трудный путь, насыщенный событиями, творческими поисками и открытиями прошел Ибн Рушд, латинизированный как Аверроэс. Родился будущий философ в 1126 г., в г. Кордове, в мусульманской испанской Андалузии, в одном из самых уважаемых и образованных семейств: его дед и отец исполняли обязанности кордовских кади. Ибн Рушд изучал теологию, мусульманское право, арабскую литературу и поэзию, медицину, математику и философию у лучших учителей своего времени. В 1153 г. в Марокко он получил титул главного врача, организовал научные и просветительские центры. В 70-е годы Рушд приступил к комментариям к «божественному» для него Аристотелю. Тогда же расцвело и его философское творчество. Всего Рушдом было написано около 50 крупных сочинений: большое число парафраз и комментариев к философским произведениям греческих, арабских и среднеазиатских мыслителей. Восемнадцать комментариев к Аристотелю дополнили комментарии к произведениям Платона, Александра Афродисийского, Николая Дамасского, Птолемея, Галена, Фараби, Ибн-Сины, Газали и Ибн-Баджи. В 1195 году при правителе аль-Мансуре философ попал в опалу и был изгнан в еврейское местечко аль-Ясана близ Кордовы, но вскоре «повелитель правоверных» его простил. Философ уехал в Марокко, где и умер 10 декабря 1198 года.

Своей творческой деятельностью Ибн Рушд завершил целую эпоху блестящей арабской философии и, так же как аль-Газали, построил очередную ветку моста к европейской христианской схоластике и далее – к Возрождению. Погруженность в дела государственные Рушд сочетал с напряженной научной и философской деятельностью: долгое время он исполнял должностные обязанности судьи, врача, и одновременно был ученым, собеседником и наставником эмиров. Как повествуют многочисленные легенды об Аверроэсе, все свое свободное от дел время он посвящал научной работе за исключением двух ночей – ночи своей свадьбы и ночи похорон отца; а для написания книг он употребил десять тысяч листов бумаги.

Размышления о разуме и вере, их смыслах и непростых и отношениях тесно связаны с другими противоречиями: амбивалентностью «единичного – общего», «движения – покоя», «рационального –

иррационального», «конечного – бесконечного»... аль-Газали, тщательно изучив системы взглядов восточных перипатетиков аль-Фараби и Ибн Сины, в «Самоопровержении философов» вначале подверг критике необоснованность их попыток приспособить аристотелизм и неоплатонизм к доктринам Ислама. Аль-Газали предметно полемизирует по 20-ти вопросам [2, с. 40, 41]. Наиболее опасными для вероучения мыслитель считал неправильные решения философов трех проблем:

1) о вечности и изначальности мира, его несотворенности;

2) о незнании Богом частных явлений;

3) об отрицании воскрешения тел и дня страшного суда. Все три ошибочных решения, считал философ, ведут к отрицанию необходимости существования Творца и дают основания считать их сторонников неверными (кафирами). Всемогушим является только Бог, поэтому материя несамостоятельна, зависит от Всевышнего и ему лишь доступна во всем своем многообразии.

Однако в ходе мысленного и письменного диспута с воображаемыми оппонентами, обвинив их в неверии, в неспособности обрести абсолютное знание, аль-Газали сам руководствовался тем же методом рационального силлогизма (что впоследствии вдохновило на аналогичные действия лидера европейской схоластики Фому Аквинского). Но без практики, а также в силу трансцендентной природы разума и веры, его аргументы, как и последующие выводы схоластов, не выдержали проверки временем. Так, с номиналистическим решением аль-Газали второй проблемы – Бог знает все вещи непосредственно, для этого Ему не нужно создавать какие-то общие сущности, универсалии [2, с. 171-175] не согласился впоследствии и Фома Аквинский, и официальная европейская католическая церковь.

Более адекватный и убедительный ответ о соотношении единичное/общее спустя столетие предложил Ибн Рушд. В «Тахафут ат-Тахафут» («Опровержение опровержения») он утверждал, что божественное познание, во-первых, необъяснимо до конца, а, во-вторых, есть одновременно познание и общего, и индивидуального [3, с. 763]. Это был шаг к пантеизму, к пониманию возрастающей значимости человека в мире, к объективности как характеристике человекомерного бытия.

Дальнейшая история философии показала невозможность рациональными средствами, оставаясь в пределах только разума, без поддержки других способностей сознания, веры и воли и без опоры на опыт, эффективно ответить и на теологические, и на философские вопросы. К такому выводу в заключительный период жизни пришел и аль-Газали. Но при этом высшую универсальную сферы практики, мораль, он связал исключительно с религией, причем религией одной культуры – мусульманским исламом.

Аль-Газали занялся теологией, погрузился в напряженную работу над «Воскрешении религиозных наук» и создать четырехтомный трактат об исламе. Но и здесь Абу Хамид остался философом: его байяны (разъяснения) основоположений Корана и Сунны в значительной мере представляют собой цепочки последовательно связанных между собой суждений и умозаключений, содержат ряд открытий рационально-философского характера относительно веры, разума, отношений между ними, их взаимосвязи с моральной практикой.

Говоря о разуме более детально, аль-Газали отмечал, что слово «разум» может обозначать четыре способности:

1) достигать умозрительных (не чувственных) знаний;

2) определять сходство и различие между вещами и явлениями;

3) накапливать и сохранять в уме накопленный опыт;

4) предвидеть последствия своих действий (опережать их) и подавлять скоротечные желания и страсти [1, с. 92-94]. Две первые способности, считал философ, есть природные, тогда как две последние – приобретенные. Под природными свойствами разума аль-Газали понимал атрибуты, дарованные Аллахом, а приобретенные связывал с волей человека, нацеленной на практическое соблюдение изложенных в Коране предписаний и на совершение праведных поступков в скоротечном земном мире для последующего благого воздаяния в мире вечном. Именно четвертая способность – высшая, поскольку она вплотную подводит к знанию сердца. Она более других приближающему человека к Богу. Из этого последнего разъяснения напрашивался вывод, к которому позднее приблизился Ибн Рушд, а затем Н. Кузанский, затем классики немецкой философии и неоклассики (К. Ясперс, К.-О. Апель, Ю. Хабермас), а именно: мировоззренческий разум, в отличие от рассудка, способен предвидеть дальние последствия человеческих действий, а потому является ядром мышления. Он ориентирует на горние цели и ценности, на «Истины с большой буквы» (А. Бадью), к которым нужно стремиться каждому, следуя по бесконечной дороге познания.

Разделяя установку аль-Газали о необходимости дополнить разум нравственным поведением, Ибн Рушд, как и перипатетик Ибн-Сина, считал, что содержание добродетели конституируется строго аподиктически, по меркам разума, а не «по рассказам и бредням старух». Поэтому будущее воскрешение человека касается лишь оживления духа, но не тела. Будучи, как и аль-Газали, нравственной личностью он, как и предшественник, оставлял возможность спасения простым людям: искренним, пользующимся бесхитростным разумом; но отказывал в этом религиозным ортодоксам, переродившимся из честных мыслителей в хитрых мутазаллитов, пытающихся придать нужные им смыслы аллегориям и сравнениям, в обилии встречающимся в Коране.

Представления о вере аль-Газали не так развернуты, прояснены в понятиях как рассуждения о разуме. В его субъективном мире теолог, без детальных разъяснений принимающий догматы о добре и зле, бытии и Боге, воскрешении доминирует над сомневающимся философом. Определив познающий разум человека как первое творение, дар Аллаха, теолог аль-Газали считал веру более ценным подарком Всевышнего: именно вера, духовное знание сердца есть подлинное Знание. Размышляя о содержании слова «сердце», мыслитель подчеркивал, что *не может раскрыть его истинную суть, а способен лишь определить некоторые его атрибуты* [1, с. 140], о которых, впрочем, мало что может знать. Возвысив веру, мыслитель фактически указал на ее психоэмоциональное, действенное превосходство над разумом при движении человека к конечным целям – самоутверждению и спасению. Действительно, в вере человек обретает глубокое удовлетворение и покой, а в поступках – силу. Кроме того, воздержавшись от развернутых определений веры, тем самым аль-Газали выявил ее главный атрибут – иррациональность.

В ответах своему визави в «Опровержении опровержения» относительно смыслов и значений веры и разума последний арабский перипатетик Ибн Рушд продвинулся дальше. Он отмечал, что принижение возможностей человеческого разума есть одновременно умаление силы Божественного Разума, частью которого является разум человека. Вера и благие поступки, на которые ориентировал аль-Газали, принесут еще больше пользы человеку, если будут дополнены их разумным пониманием. Именно этому учит Коран, убежден Аверроэс. Позднее кредо философа из Кордовы поддержал Пьер Абеляр («понимаю, чтобы веровать») и европейская философская классика Нового времени. Слепая вера, без тех свойств разума, на которые указывал и аль-Газали, разъедает сердца людей настолько, что своими поступками они варварски попирают самые святыя заповеди Бога. Печальным подтверждением ущербности слепой религиозной веры в эпоху средневековья были крестовые походы и казни еретиков, а в современном мире варварские и жестокие террористические действия сторонников ИГИЛ (организация запрещена в РФ).

Анализ жизни и теоретического наследия двух мусульманских мыслителей позволяет выявить открытые ими и дополнить новыми смыслами необходимые для индивидов и обществ понятия веры и разума, определить средства и формы сближения разных культур, религии с философским атеизмом.

Этому может содействовать неоклассическая гносеология. Смысл ее видится в следующем: жизнь мировоззренческих понятий в учениях и теориях, их отношения с действительностью непрерывны. Это не означает линейность и кумулятивность, не исключает временных пауз, смысловых зигзагов и революций, моментов относительности и неопределенности. Сущность познания, открытие нового коррелирует с человеческой сущностью – раздвигать рамки своего сознания и получать от этого удовольствие. Но глубокое и длительное удовлетворение индивид испытывает от осознания причастности своих открытий к общечеловеческим, «вечным» темам, в ожидании соответствующей оценки своего труда. Как и реальная история, история понятий бесконечна пока живут люди. Поэтому, на наш взгляд, более близок к истине как «золотой середине» классик философского идеализма Г. Гегель, чем современные позитивисты и представители философского постмодернизма. Предшествующее содержание терминов «входит» в последующие своим воздействием на них, и тем самым, не дает иссякнуть живительному роднику познания. Происходит это не само собой, а усилиями творческих личностей. Именно такими были выдающиеся философы Востока аль-Газали, и Ибн Рушд. Не сеять раздор, а проникнув в глубины человеческой души, найти в ней главное и одновременно то, что объединяет, а не разъединяет – вот цель их неутомимых поисков и причина совершенных ими открытий. Не случайно в заключительных строках «Опровержение опровержения» Ибн Рушд заявил, что философия есть спутница и молочная сестра религии. Поэтому обида, исходящая от тех, кто утверждает о своей причастности к ней, самая горькая, не говоря уже о вспыхивающей между ними вражде, ненависти и распре, в то время как они спутники по природе, друзья по сущности и врожденному предрасположению.

Правоту вывода Аверроэса подтвердила последующая история. Хорошо, конечно, когда народ сплочен, испытывает высокие чувства, руководствуется общими моральными принципами. Но как быть с верованиями других общностей и культур, как к ним относиться, если содержательно их вера и правила иные? Для решения этих вопросов учение Ибн Рушда открывает больше перспектив, чем наставления иранского теолога. Отдав должное рациональной способности разума, атрибутом которого является то, чем так «страдал» аль-Газали, сомнение, связав его с верой, мыслитель из Кордовы наполнил его новым смыслом, проложил дорогу к «практическому разуму» И.Канта, а позднее, к «пониманию» В. Дильтея, к «коммуникации» Ю. Хабермаса – как разговору, основанному на уважительном отношении к Другому.

Разум и вера постоянно подвергаются испытаниям низких страстей, близких и доступных целей. Мировоззрение человека становится все более прагматичным, «телос замутняется» (Г. Гадамер), а «Бог умирает» (Ф.Ницше). Свет этих дальних, «горизонтных» маяков и нравственная чистота поступков постепенно угасают под натиском мутного потока, состоящего из смеси сиюминутных потребностей и изворотливого рассудка. В ответ бытие холодно мстит, посылая человечеству все более мощные вызовы, на которые «циничный разум» (П. Слотердайк) и эгоистическая вера не способны найти ответы.

Думается, что в современном быстротечном мире первоочередной задачей философов должно быть не парение в заоблачных высотах абстракций ради рассудочных целей и временной удовлетворенности, а дальнейшей развертывание смыслов и значений подлинных веры и разума для понимания их как сущностных оснований практической жизнедеятельности. Воспитать себя, культурную элиту общества, стремиться к полноте человеческого бытия: познавать, верить и поступать нравственно, – именно в этом главный урок, который преподали последующим поколениям выдающиеся арабские философы Абу Хамид ал-Газали и Ибн Рушд.

Список литературы

1. Ал-Газали, Абу Хамид. Воскрешение наук о вере (Ихйа' 'улум ад-дйн) : избранные главы / Абу Хамид ал-Газали [пер. с араб., исслед. и коммент. В. В. Наумкина]. — М. Изд-во «Наука», 1980. — 376 с.
2. Аль-Газали, Абу Хамид. Крушение позиций философов / Абу Хамид Аль-Газали [пер. с араб.: И. Попов].— М.: Издательский дом «Ансар», 2007. — 277 с.
3. Ибн Рушд. Опровержение опровержения / Ибн Рушд // Антология мировой философии : в 4 т. — М: Мысль, — 1969. — Т. 1. — Ч. 1-2. — 936 с.
4. Маркс, К. К критике гегелевской философии права. Введение / К. Маркс // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения / Институт Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина при ЦК КПСС. — 2-е изд. — М.: Госполитиздат, 1955. — Т. 1. — С. 414–429.

Panchenko, O. V. Reason and faith of Al Gasali and Ibn Rushd

The problem of relations of faith and reason in life and work of prominent philosophers of East of Al Gasali and Ibn Rushd, possibilities of influence of heritage of these thinkers on development of the modern European and Arabic culture is examined in the article.

Keywords: god; faith; harmony; knowledge; truth; morality; reason; man.

Статья поступила в редакцию 15.01.2016

УДК 165

Анализируется значение философского иррационализма в соотношении с представлениями о характере исторического процесса. Рассматриваются историософские аспекты философии Ф. Ницше и М. Хайдеггера, а так же исследуется проблематика горизонтов бытия в фундаментальной онтологии. При исследовании вариативности интерпретаций истории и проявлений трансгрессивного подхода, автор приходит к выводу об определённой методологической ценности фундаментальной онтологии как средства преодоления устойчивых бинарных оппозиций

Ключевые слова: постклассика, иррационализм, историософия, трансгрессия, фундаментальная онтология, бытие, метафизика.

Р. В. Ткаченко, доцент, канд. филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

КРИТИКА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЦИОНАЛИЗМА В ФИЛОСОФИИ ФРИДРИХА НИЦШЕ И МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

Одной из наиболее значительных тенденций, повлиявших на представления о доминировании идеи рационализма в истории науки, акцентировавшейся в классической философской парадигме, выступает философский иррационализм. Было бы существенным упрощением связывать возникновение философского иррационализма только с парадигмой постклассики (начиная со второй половины XIX века). Его проявления можно встретить в античную эпоху, зафиксировав предпосылки иррационализма в неоплатонизме. В средневековой христианской философии ярким примером может служить апофатическое богословие Псевдо-Дионисия Ареопагита и исихазм Григория Паламы. Существенный вклад в формирование иррационалистического направления вносят религиозно – философские искания Я. Бёме и скептицизм М. Монтеня.

Одним из первых философов, занявших откровенно скептическую позицию в отношении идеи глобального доминирования рационального, является Фридрих Ницше. В своих произведениях, при помощи языка философской поэтики, Ницше указывал, что социально-исторические перемены детерминируются вовсе не рациональными мотивами и воплощением законов логики в действительности (как, например, в гегелевском панлогизме), а волей к власти. Кроме того, Ницше обосновал новую идею мирового становления, воплотившуюся в учении о вечном возвращении. Неупорядоченность становления, по Ницше, порождает бесконечное число комбинаций, которые через глобальные промежутки времени повторяются вновь и вновь. Всё существующее и происходящее ныне существовало и происходило раньше, и будет существовать и происходить вновь.

В работе «Весёлая наука» (1882), в свойственной ему философско-поэтической манере, Ницше указывал: «Эту жизнь, как ты её теперь живёшь и жил, должен будешь ты прожить ещё раз и ещё бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового...Вечные песочные часы бытия переворачиваются всё снова и снова – и ты вместе с ними, песчинка из песка!» [2, с. 660].

Стоит отметить, что идея цикличности в истории не является абсолютным новаторством. Её вариации мы можем обнаружить в концепции манвантарических периодов в классической индийской философии и в идеи Гераклита о периодическом уничтожении и возрождении космоса. Однако идея Ницше о вечном возвращении обладает рядом уникальных особенностей, которые можно обнаружить и выделить, прибегнув к более подробному анализу данной концепции.

Концепция вечного возвращения вызвала определённый резонанс в философской среде. Справедливости ради, стоит отметить, что сам Ницше прибегает к её рассмотрению не так уж и часто. Он упоминает о ней лишь в «Весёлой науке» (1882), в «Так говорил Заратустра» (1883) и в «Ессе Ното» (1888). Причём трактовка вечного возвращения у Ницше не выбивается из его стилистики и выступает скорее как поэтический образ, чем как строгая онтологическая конструкция. Из числа исследователей творчества Ницше, занимавшихся подробным анализом данной идеи, прежде всего необходимо выделить Мартина Хайдеггера и Жюль Делёза. Так, Мартин Хайдеггер в своих штудиях, посвященных философии Ницше, указывал, что идея вечного возвращения коррелирует с еще одним основным аспектом его философии – волей к власти, которая, по мнению Ницше, является фундаментальной чертой всего сущего. «То, что Ницше истолковывает историю из горизонта воли к власти, имеет источник в его метафизической мысли и никоим образом не есть

просто запоздалое историографическое вкладывание собственных воззрений в учения прежних мыслителей» [7, с. 155]. Таким образом, в интерпретации Хайдеггера, сущее выступает в роли непрерывного возобладания воли к власти.

Хайдеггер считает, что через категорию вечного возвращения автор «Так говорил Заратустра» пытался проиллюстрировать идеальное сущее, основным модусом бытия которого выступает вечное возвращение воли к власти. «Существо истории определяется метафизикой воли к власти и внутренней связью ницшевского учения о вечном возвращении с волей к власти» [7, с. 155]. Через категорию «воли к власти» Хайдеггер сближает концепцию вечного возвращения с другим фундаментальным понятием философии Ницше – с концепцией сверхчеловека. Данную категорию он интерпретирует в качестве квинтэссенции образа воли к власти и смысла единственно сущего. «Определённость ницшевской идеи сверхчеловека заключена как раз в том, что Ницше познал неопределённость безусловной власти. Безусловная власть есть чистое сверхвластие как таковое, безусловное происхождение, верховенство повелевания, единственное и высшее» [7, с. 170]. Таким образом, обе идеи (вечного возвращения и сверхчеловека) оказываются, по Хайдеггеру, коррелирующими, так как каждая из них, для полного понимания и осознания нуждается в другой. Концепции вечного возвращения и сверхчеловека глубоко проникают друг в друга и в данной диффузии проявляются основополагающие моменты ницшевской философии в целом.

Жиль Делёз, как и Мартин Хайдеггер, в своих изучениях также уделил особое внимание концепции вечного возвращения. Однако, в отличие от Хайдеггера, Делёз противопоставляет идею вечного возвращения в философии Ницше любому варианту идеи цикличности, возникавшей до этого в истории философии. Кроме того, по мнению Делёза, изложенного им в работе «Различие и повторение», следует различать представления о великом возвращении самом по себе и великом возвращении того же самого, что является проявлением подобного и идентичного. Указывая на аутентичность концепции Ницше, Делёз считал, что она ни в коем случае не должна интерпретироваться всего лишь как аналог идей античных мыслителей. «Почему Ницше, знаток греков, знает, что вечное возвращение – его изобретение, несвоевременная вера или вера будущего? Потому что «его» вечное возвращение – вовсе не возвращение одинакового, подобного или равного» [1, с. 295].

Кроме того, по мнению Делёза, является логической ошибкой рассматривать позицию Ницше всего лишь как вариацию позиции Гераклита. Любопытно, но сам Ницше упоминал о подобном в работе в «Ессе Ното». «Сомнение оставил во мне Гераклит... Подтверждение исчезновения и уничтожения, подтверждение противоположности и войны, становление, при устранении самого понятия «бытие» – в этом я должен признать при всех обстоятельствах самое близкое мне из всего, что до сих пор было помыслено» [3, с. 421]. Согласно Делёзу, сам автор «Ессе Ното» рассматривал собственную концепцию вечного возвращения как кардинально иное по сравнению с тем, что когда-либо высказывала древневосточная либо античная мысль. «Вечное возвращение в том виде, в каком его приписывают Древним, вообще предполагает тождественность того, что следует вернуть... Оно либо основано на циклическом преобразовании друг в друга качественных элементов (вечное физическое возвращение) либо на круговом движении небесных тел (вечное астрономическое возвращение)» – пишет Делёз [1, с. 294].

Однако можно ли было интерпретировать мысль Ницше как абсолютное новаторство, если бы он просто, следуя за древнегреческими философами, продублировал идею о циклах сущего и их мотивы возвращения подобного или круговращений идентичного? По Делёзу, вечное возвращение в философии Ницше не является возвращением подобия, и мысль Ницше намного сложнее идеи о замкнутом, циклическом развитии бытия, так как здесь происходит возвращение не подобного, но отличного. Это, своего рода, стремление воли стать другим. Это всегда возвращение того, что способно к иному, устранению средних форм и высвобождению высшей потенции всего что есть. Например, Заратустра критически отзывается о возможном возвращении мелкого и ничтожного. «Это было отвращение моё к человеку! А вечное возвращение даже самого маленького человека! Это было неприязнью моей ко всякому существованию!» [4, с. 160]. Однако тот же Заратустра восторженно утверждает вечное возвращение как селективный процесс, в котором выявляется всемогущество сверхчеловека и проявление максимально возможного. «Я буду вечно возвращаться к той же самой жизни, в большом и малом, чтобы снова учить о вечном возвращении всех вещей. Чтобы повторять слово о великом полдне земли и человека, чтобы опять возвещать людям о сверхчеловеке» [4, с. 161].

Как и Мартин Хайдеггер, Жиль Делёз, указывает на корреляцию концепций вечного возвращения и воли к власти, с помощью которой наличное превосходит себя и стремится к новым

горизонтам, к абсолютно новому и непревзойдённому. Таким образом, фундаментальными принципами в истории, по мнению Ницше, выступают вовсе не рациональные мотивы, а вечное возвращение, коррелирующее с концепциями воли к власти и сверхчеловека.

Собственная позиция Мартина Хайдеггера, исследовавшего многие аспекты классической метафизики, в отношении попыток фундаментальной рационализации истории характеризуется определённой степенью скепсиса. Стоит отметить, что Хайдеггер в своём уникальном и многогранном творчестве затронул значительный круг философских проблем (в том числе и проблематику вечного возвращения в философии Ф. Ницше).

Хайдеггер начал анализ проблемы подлинной историчности с анализа конкретного существования личности её наличного «здесь – бытия» (Dasein). Данное бытие не является некой фиксированной реальностью (подобно гегелевской категории «в-себе-бытие»). Dasein интерпретируется лишь как место обнаружения бытия, которое, в принципе, не может быть описано на статическом языке субъектно-объектного мышления. Кроме того, Dasein выступает как первоначальный элемент историчности. «Присутствие всегда имеет фактично свою «историю» и способно подобную иметь, поскольку бытие этого сущего конституируется историчностью» [6, с. 427].

Хайдеггер детально исследует временное проявление Dasein в двух горизонтах – *вот* (как данность) и за этим *вот* (как настоящее, как будущее). Dasein проявляется в мире благодаря феномену заброшенности. Здесь особое внимание необходимо обратить на онтологическое содержание данного положения. Основой заброшенности служит вовсе не констатация психических состояний, а заброшенность выступает в качестве фундирующего принципа Dasein.

В качестве решающего фактора, обеспечивающего понимание, по Хайдеггеру, выступает смысл. Здесь философ старается избежать рассмотрения такой многообъемной категории как «смысл» исключительно через призму аксиологического подхода. В фундаментальной онтологии общая проблема ценностей не рассматривается в качестве базовых структур заботы. Также Хайдеггер старается избежать позиции, отталкивающейся от человека как от начала субъективности. Интерес автора «Бытия и времени» направлен на экзистенцию как таковую, на её процессуальность и динамичность, на единство последовательных фаз разомкнутости «здесь-бытия». В данной ситуации претендентом на смысл Dasein оказывается именно временность. Такая категория как временность и является исходным «вне-себя» Dasein.

Рассматривая проблему временности, в качестве исходной характеристики Dasein, Хайдеггер отмечает, что она обладает экстатическим характером. В структуре временности, по Хайдеггеру, выделяется три вида экстаза, а именно: настоящесть (будущее), бывшесть (прошедшее) и актуальность (настоящее). Приоритет в данной системе принадлежит настоящести, так как первичный феномен исходной и собственной временности есть будущее. В фундаментальной онтологии именно категория будущего выступает в качестве некоего исторического горизонта, замыкающего при определении окончательные границы понимания и осмысления Dasein. С другой стороны, именно экстатическая настоящесть не только устанавливает границы повседневного, но и позволяет обращаться к сфере возможного. «Экзистенциально-временное условие возможности мира лежит в том, что временность как экстатичное единство имеет нечто подобное горизонту. Экстазы суть не просто прорыв к... Скорее к экстазу принадлежит «куда» прорыва» [6, с. 408].

Именно такой аспект как временность конституирует смысл как Dasein, так и истории в целом. Исходя из положения экстатичности, конструкт мира обретает трансцендентные аспекты. «Основываясь в горизонтальном единстве экстатичной временности, мир трансцендентен. Он должен быть экстатично разомкнут, чтобы из него могло встретить внутримирное сущее» [6, с. 409]. Анализ историчности Dasein показывает, что это сущее не потому временно, что выступает в качестве части истории, но что оно экзистировало и способно экзистировать лишь потому, что в основании своего бытия оно является временным.

Стоит отметить, что философия Хайдеггера характеризуется неким своеобразным синкретизмом, расширяющим проблемное поле науки и диктующим обращение мыслителя к поиску дополнительных смысловых факторов в иных культурно-исторических типах философии. Так, рассматривая проблему интерпретации языка и смысла, Хайдеггер активно обращается к восточной (а, именно, к китайской) философии. Известный синолог Е. А. Торчинов в своей работе «Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур» указывал: «Типологическая общность Хайдеггера и конфуцианцев обусловлена в значительной степени «герменевтическим» характером современного конфуцианства, который можно соотнести с герменевтичностью позднего

Хайдеггера» [5, с. 178]. Следовательно, вариативная интерпретация смысла текста в данном случае позволяет прийти к новому способу понимания, не заданному жёсткой фиксированной семантической структурой. Кроме того, известно внимание Хайдеггера к мысли раннего христианства. В ней, как представлялось немецкому философу, ярко отразился некий изначальный жизненный опыт человека. Хайдеггер вчитывается в послания апостола Павла, где тот не говорит о времени второго пришествия Христа, а пишет: «О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придёт, как тать ночью» (1 Фес. 5, 1, 2). Кроме того, Павел говорит о пришедшей «полноте времени», когда Бог послал Сына Своего.

Суть опыта первоначального христианства, по мнению Хайдеггера, имманентно заключает в себе особый способ временного бытия человека, когда не только человек органично живёт во времени, но и органично живёт само время. Для изначального опыта христианства характерен «кайрологический» (в отличие от «хронологического») характер времени. В кайрологическом времени не может иметь место то, что мы называем сегодня историей. Событийность, в отличие от историографически фиксируемых фактов, не подлежит объективации, её нельзя «принять в расчёт», из неё невозможно вывести последовательность дальнейшего. Время как событийность формирует глубинный, истинный опыт экзистенции и истории. Историчность в данном контексте сама принадлежит временности, исходит из временности и может быть разработана в качестве феноменологической конструкции. Следы этого опыта можно обнаружить у Августина, в трактовке времени в «Граде Божьем», в средневековой мистике, у Лютера и Кьеркегора – хотя сюда всё больше и больше проникает метафизическая понятийность, подменяя собою первоначальный опыт бытия.

За довольно сложным понятийным аппаратом, который Хайдеггер выработал с целью отхода от одномерности упорядоченного дискурса присущего западному мышлению, скрывается достаточно своеобразная логика, а именно, логика неприятия агрессивной рассудочной экспансии в любые сферы бытия (в том числе и в сферу понимания и истории). Кроме того, переключаясь с позициями постмодернистов и постструктуралистов относительно ревизии значения языка, философские конструкты Хайдеггера также отталкиваются от идеи пересмотра статуса языка и отказа от рецепции предустановленных семантических и семиотических образцов. «Деконструкция стала вызовом со стороны философа тому типу мышления, который он называл «количественным» или «считающим» и которое в течение XX века победоносно распространялось по всему миру, сопровождая своим утверждением процесс глобализации западной науки» [5, с. 169]. Любопытно, но фундаментальная онтология рассматривает проблему языка и понимания в неразрывной соединённости с проблемой историчности. Так, Хайдеггер интерпретирует язык не как совокупность застывших лингвистических и грамматических структур, а как живое образование, в котором немаловажную роль играют интонация и молчание. «Что сказывает язык? Его высказываемое, то, что он говорит и то, что он замалчивает, остаётся всегда и везде тем, что было и что будет; и это существует самым непосредственным образом там, где слова «есть» и «быть» уже совсем не доходят до озвучания» [8, с. 273]. Молчание, по мнению Хайдеггера, в определённых ситуациях может обладать большей смысловой нагрузкой, чем речь. Кроме того, по Хайдеггеру, вербальная практика предполагает перенесение в область подлинной сущности языка. Язык же сущности выступает именно как подлинный язык (в отличие от неподлинного языка, который формируется под влиянием конформизма и прагматической повседневности).

Глобальное значение в философии Хайдеггера принадлежит процессу понимания. Именно понимание выступает в качестве основного модуса *Dasein*, непосредственно связанного с областью языка. При интерпретации познающий движется к пониманию (постижению) того, что является скрытым, к тому, что непосредственно не дано. В качестве области скрытого, потаённого, по Хайдеггеру, выступает, прежде всего, сущность. Именно сущность для её раскрытия и постижения нуждается в обращении к герменевтике, в обращении к языковому анализу. Герменевтическая интерпретация, таким образом, позволяет повернуться к самим вещам (здесь позиция Хайдеггера напрямую пересекается с феноменологическим лозунгом Гуссерля «Назад к вещам!»). В фундаментальной онтологии «обращение к вещам» выступает в качестве возможности овладения (и прояснения) понятийной проблематики. В данном пункте Хайдеггер практически предваряет герменевтику Гадамера, на философию которого он впоследствии оказал значительное влияние.

Именно рассудочная экспансия, с точки зрения Хайдеггера, столь характерная для современного века доминирования технократических идей, несёт в своём даже зачаточном состоянии угрозу истории и будущему. Хайдеггер формулирует свой приговор современному дискурсивному

мышлению, пытающемуся выстроить образ рациональной истории. «Мы ещё слишком бездумно склонны по привычке представлять историю исходя из процесса, а в этом последнем видеть последовательность фактов. Мы очерчиваем историю рамками происходящего, вместо того чтобы осмыслить историческое соразмерно его истории» [9, с. 265].

Именно метафизическое мышление, сформировавшееся на почве западноевропейской культуры, породило односторонние, прагматически-рассудочные отношения с бытием и историей. Скепсис Хайдеггера относительно «историографического представления истории как последовательности происшествий» [9, с. 273], органично связан с высказанной им в «Бытии и времени» антиметафизической позицией.

Формирование в Новое время «мировоззрения», отражающего позицию человека по отношению к миру, ставшему искусственной системой, знаменует событие утраты, как бытия, так и человека. И проблема здесь (как видно из философии Ф. Ницше и М. Хайдеггера) состоит не столько в степени влияния жестко фиксированных интерпретационных концепций на мировоззрение, сколько в губительности экспансии прагматического рационализма, агрессивно вмешивающегося в дела бытия человека.

Список литературы

1. Делёз, Ж. Различие и повторение / Ж. Делёз. — С-Пб: Петрополис, 1998. — 384 с.
2. Ницше, Ф. Весёлая наука / Ф. Ницше // Фридрих Ницше. Сочинения: в 2 т. — М: Мысль, 1990. — Т. 1. — С. 491–719.
3. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла; Казус Вагнер; Антихрист; Ессе Номо / Ф. Ницше. — Мн.: Попурри, 1997. — 544 с.
4. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше // Фридрих Ницше. Сочинения: в 2 т. — М: Мысль, 1990. — Т. 2. — С. 5–237.
5. Торчинов, Е. А. Хайдеггер и восточная философия: поиски взаимодополнительности культур / Е. А. Торчинов, М. Я. Корнеев. — С-Пб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. — 284с.
6. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — Харьков: Фолио, 2003. — 503с.
7. Хайдеггер, М. Ницше и пустота / М. Хайдеггер. — М.: Эксмо, 2006. — 304 с.
8. Хайдеггер, М. Что зовётся мышлением? / М. Хайдеггер. — М.: Академический проект, 2007. — 351с.
9. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер. — М.: Академический проект, 2007, — 303 с.

Tkachenko, R. V. The critique of historical rationalism in the philosophy of Friedrich Nietzsche and Martin Heidegger

The article analyses the importance of philosophical irrationalism by comparison with the views on the nature of the historical process. The historiosophical aspects of Nietzsche's and Heidegger's philosophy as well as the problem of the margins of existence within the scope of fundamental ontology are discussed. Studying the variability of history interpretations and the manifestation of the transgression approach, the author draws a conclusion that fundamental ontology is particularly useful as method for dealing with strong binary oppositions.

Keywords: post-classical, irrationalism, historiosophy, transgression, fundamental ontology, existence, metaphysics.

Статья поступила в редакцию 23.01.2016

ИСТОРИОСОФИЯ

УДК 341.39+321.64

Рассматривается вопрос о сталинизме как стратегии и тактике преодоления общенационального кризиса. Делается упор на временном, исторически обусловленном характере принудительной системы власти. Проводится разграничение политической и нравственной оценок итогов сталинского правления.

Ключевые слова: сталинизм, стратегия, тактика, тоталитаризм, общенациональное спасение, гражданская война.

А. А. Чемшит, профессор, д-р полит. наук
Севастопольский государственный университет
E-mail: histphilsoc@sevsu.ru

СТАЛИНИЗМ КАК СТРАТЕГИЯ И ТАКТИКА ВЫЖИВАНИЯ СОЦИУМА

Несмотря на обилие литературы как научной, так и публицистической на тему сталинизма и личности Сталина, думается, по этому предмету далеко не все сказано. И ученые, и политики, и литераторы будут и впредь обращаться к этой теме. Она неисчерпаема по той причине, что неразрывно связана с историей XX века, судьбой великой страны и судеб многомиллионного народа. Естественно, разброс оценочных толкований предельно велик, но это только подтверждает мысль о том, что неоднозначность явления порождает неоднозначность суждений. Не претендуя на истину в последней инстанции, попытаемся изложить и собственный взгляд на данный предмет.

К сталинизму нельзя относиться, как к чему-то сошедшему с небес или явившемуся из преисподней. Сталинизм следует воспринимать как естественную реакцию (следствие) на конкретно историческую ситуацию (причина) в стране, вызванную гражданской войной, которая в свою очередь, была обусловлена крушением имперской власти и большевистским переворотом.

История движется вперед, неважно – линейно или зигзагообразно, но всегда в режиме причинно-следственных зависимостей, каких-либо беспричинных ситуаций, поворотов, событий не бывает. 17-го года также не случилось бы без тех или иных детерминантов. Не углубляясь в причины успеха большевиков в вопросе захвата власти, а лишь воспринимая его как факт, констатируем.

После определенных исторических событий развитие последующих уже не может быть иным, а будет именно таким, которое логически вытекает из свершившегося и положившего начало. Раскол российского общества, вызванный большевистской революцией и гражданской, войной был настолько глубоким, а предмет противоборства настолько непримиримым, что разрешение конфликта было возможным только одним путем – полной победой одной из сторон и абсолютным поражением другой. Наивно полагать, что гражданская война в России закончилась в начале 20-х годов прошлого века, как принято считать официально. На самом деле к указанному времени победа большевизма состоялась только в военном аспекте. Но гражданская война по классовому признаку, по коренному жизненному вопросу – вопросу собственности – не может быть сведена лишь к вооруженному столкновению. Это лишь крайняя ее форма. Гражданская война в России – это война на уничтожение одной из сторон, и велась она по всем направлениям взаимного неприятия: политическому, экономическому, культурному.

После завершения военной фазы противостояния ни победившая, ни проигравшая сторона не успокоились. Исторический спор не окончен, он будет продолжен в иных формах – от политических дискуссий до применения террора, от заигрываний с классовым врагом (НЭП) до использования оружия голода по отношению к непокорным.

События 30-х годов нельзя рассматривать в отрыве от 1917-1921 гг. Они, напротив, есть их логическое продолжение. Кто сомневается в этом, пусть ответит на простой вопрос: каким иным путём, отличным от нам известного, могло идти развитие истории страны? Имелась ли альтернатива суровым 30-40 гг.? При этом предложим антисталинистам в своем ответе исходить не из благих пожеланий, а из реальных возможностей.

Легко быть добрым за чужой счет, выгодно выглядеть гуманным и сострадательным в сравнении

с теми, кто исходит из правды того времени. Вообще, ратовать за права престижнее, чем толковать о долге. Но объективности ради и для объективной научности историческую реальность необходимо рассматривать не такой, какой хотелось бы ее видеть, а такой, какой она есть на самом деле.

Отличие сталинизма от других подходов к явлениям и процессам общественной жизни состоит именно в адекватном отражении объективно происходящих событий и отыскании тех политических форм, средств и методов, которые находились бы в согласии с историческим вызовом [см. 2].

Оставляя в стороне нравственную составляющую (речь идет не о морали, а о политике), думается, что сталинизм оказался востребованным, доказал свою состоятельность и выдержал испытание временем.

Если сталинизм обозначать как тираническую репрессивную машину, созданную во имя личной власти и направленную на подавление сопротивления всех несогласных, то мы придем к упрощенному по форме и обедненному по содержанию определению.

Коснемся изначальных, фундаментальных вопросов сталинизма – *происхождение, суть, предназначение*.

Сталинизм как советское, большевистское явление возникает в середине 20-х гг. и окончательно оформляется к началу-середине 30-х гг. Он зарождается, проходит закалку и становление в жесткой идейно-политической борьбе с двумя радикально-крайними формами большевизма: троцкизмом и бухарианством и, по сути, является центристским течением постленинского большевизма.

Мало кто из исследователей акцентирует внимание на том, что сталинизм – это умеренный большевизм, занимавший срединное положение между левым и правым большевистским радикализмом, между левым троцкизмом и правым бухарианством. Без пространных объяснений обратим внимание на то, что центризм, если говорить об издержках политической деятельности, даже в радикализме влечет за собой меньшее зло, чем крайние фланги. Сталинизм утвердился в СССР, опрокинув левые и правые варианты общественного развития, т.о. причинил своему народу меньший вред, чем если бы к власти пришел Троцкий или Бухарин.

В чем же заключалась политическая стратегия левых и правых ленинцев? Общим для обоих явился ориентир на мировую революцию, т.е. планетарную большевизацию, новый мировой порядок на принципах большевизма. России при этом отводилась почетная, но не ведущая роль в будущем мироустройстве. Монополизация власти левых (Троцкого либо Зиновьева) означала бы перемещение центра тяжести политической работы на подталкивание мировой революции, втягивание СССР в революционные события по всему миру, где бы они ни произошли. Отрицание социалистического строительства в национальных масштабах автоматически не оставляло шансов стране на преодоление разрухи.

Правые во главе с Бухариным также рассматривали социализм (коммунизм) как всемирное явление, были убеждены, что Мировая революция в любом случае неизбежна, а посему ее надо терпеливо ждать. Вливаться же в будущий мировой социализм следует с тем, что есть, т.е. развивать аграрную сущность страны Советов, чтобы приплюсовать ее к индустриальной сущности Германии, например [см. 1].

Сталин не сразу, постепенно, размежевался с левыми, на почве утраты веры в мировую революцию, а затем также, со временем, и с правыми на почве разногласий в части будущего страны. Сталинизм возникает с идеи построения социализма в одной стране и упрочивается с политики индустриализации как решающего фактора преодоления экономической отсталости и обеспечения обороноспособности страны.

По своей сути сталинизм – это стратегия и тактика выживания страны, оказавшейся в силу трагических обстоятельств в состоянии глубочайшего экономического кризиса, политического и социального противостояния, варварского культурного состояния [см. 3; 5].

Принимая во внимание, что исторически востребованным оказался только политический курс Сталина, мы склонны рассматривать предназначение сталинизма в общенациональном спасении и превращении СССР в одну из самых могущественных стран мира.

Мои критики скажут: «Сталинизм – это тоталитаризм. А тоталитаризм – это ужасно, это не должно повториться». На что можно ответить: «Да, это не должно повториться, но это не значит, что этого не должно было быть, точнее, этого нельзя было избежать. Сталинский тоталитаризм был предопределен взятием большевиками власти. Винаваты в этом не одни лишь большевики, но и те, кто позволил им это сделать». Нельзя возразить против того, что тоталитаризм – это ужасно, но из этого вовсе не следует, что это историческое недоразумение. В истории совершалось немало такого, о чем потомкам приходится стенать и сожалеть. Но задача науки не в том, чтобы лить крокодилы

слезы, а в том, чтобы дать пояснения свершившимся событиям и отыскать им исторические оправдания, если, конечно, такие имеются.

Думается, что суровая действительность сталинской эпохи была неизбежной, как неизбежны в свое время были крестовые походы, костры святой инквизиции, охота на средневековых ведьм и т.п. А что неизбежно, то исторически оправданно, следовательно, сталинизм в историческом и политическом (но, безусловно, не в нравственном) отношениях – феномен, не заслуживающий демонизации, как это, по преимуществу, делается.

Мы отдаем себе отчет в том, что излюбленный прием предать сталинизм анафеме – это поставить его на одну ступень, точнее – уравнивать с нацизмом, и с этим в корне не согласны.

Германский национал-социализм действительно является разновидностью тоталитаризма и может быть сопоставлен со сталинизмом лишь по формальным основаниям. Одна партия, один вождь, репрессивная система. Но точно так же можно уравнивать хирурга и садиста. Оба могут использовать один и тот же инструмент, например, скальпель, оба причиняют боль, и тут и там кровь. Но хирург не равен садисту, потому что врач на основе точно поставленного диагноза борется за выздоровление больного, а садист пытается свою психическую неполноценность компенсировать страданиями другого живого существа.

Советский тоталитаризм принес немало испытаний и даже страданий многим людям. Но это был способ борьбы за выживание всего общественного организма. Шел процесс борьбы за целое, невзирая на его части. Неправильно считать, что система сталинизма – это репрессии власти против всего народа. Сталинский тоталитаризм – это единение власти с большинством народа, следовательно, репрессии велись, по преимуществу, во имя большинства и в интересах большинства. Обвиняя в преступлениях систему сталинизма и лично Сталина, ради последовательности следует предъявить претензии и к той части народа, которая поддерживала власть.

Сталин – это не Саддам Хусейн, не Муаммар Каддафи и не какой-то там еще диктатор из Африки или Азии. Он был «народным царем», не награбившим миллиарды, а умер на дерматиновом диване и в стоптанных башмаках.

Тоталитаризм в СССР – это сращивание власти и большинства народа, впоследствии абсолютного большинства, поэтому, обвиняя власть, мы должны обвинить и весь советский народ.

Главная отличительная черта германского тоталитаризма от советского заключается в том, что он также, будучи единением власти и народа, бросил вызов всему миру, т.е. столкнулись интересы ничтожного меньшинства (арийская раса), по сути, со всем человечеством.

Такой тоталитаризм вовсе не являлся исторической необходимостью. Выйдя за рамки своей государственности и инициировав самую кровавую в истории войну, германский тоталитаризм совершил то, что вовсе не было неизбежностью, а это значит, что он не имеет ни морального, ни исторического оправдания. Не может быть прав тот, кто идет против всех. Не случайно германский тоталитаризм был разрушен, упразднен извне, силой внешнего порядка.

Нельзя ставить на одну ступень власть и народ с одной стороны, которые всеми силами борются за выживание, за право жить, и власть вкупе с народом, с другой, которые из расовых предрассудков посягают на свободу и жизнь других этносов и наций.

Судьба германского тоталитаризма вполне естественна, другой она и не могла быть, потому что вошла в конфликт с самой историей. В тоже время судьба сталинизма, как разновидности тоталитаризма, сложилась совершенно иначе по причине того, что сталинизм так или иначе встраивался в систему существовавшего миропорядка и по мере своей эволюции имел перспективу демократизации.

У сталинизма и нацизма различная природа. Первый проистекает из поисков справедливости, второй – из стремления вернуть и приумножить былое могущество. Естественно, и финал этих режимов имеет различное предопределение. Нацистский режим мог прекратить свое существование только путем вмешательства более могущественной силы извне. У него не было внутренних источников для самоликвидации. Германская нация, сцементированная властью, с восторгом двигалась в направлении мирового господства. Такой силе могла противостоять только превосходящая сила.

В этой схватке сталинский режим испытал себя на прочность и доказал свою жизнеспособность. Исход столкновения известен и не требует пространных комментариев, ограничимся лишь замечанием, что именно победа сталинизма над нацизмом является показателем прочного союза власти и народа в СССР. Без единства народа и власти эта победа была бы немыслима. Это также служит опровержением обвинений сталинизма в войне с собственным народом.

Уравнение сталинизма с нацизмом является несостоятельным еще по одной причине. Человеконенавистнической можно назвать только идеологию нацизма. Она потерпела поражение по той причине, что стремилась людей сделать хуже, чем они есть на самом деле. Что же касается идеи коммунизма, то ее историческая неудача сокрыта в прямо противоположной причине. Коммунистическая идеология переоценила человеческие возможности и пыталась сделать людей лучше, чем они есть по самой своей природе.

Сталинизм – это система власти не на века, а на определенный конкретно-исторический период, когда речь шла о форсированном развитии, требующем напряжения всех сил и средств. По сути, эта система предназначена не для нормальной жизни социума, а для его выживания. После решения необходимых задач по обеспечению безопасности страны, достижению ею высокого уровня экономического, культурного развития, политической сплоченности и социальной справедливости необходимость в этой системе постепенно отпадает.

Список литературы

1. Жуков, Ю. Н. Иной Сталин. Политические реформы в СССР в 1933 – 1937 гг. : [на основе новых архивных документов] / Ю. Н. Жуков. — Москва : «Аква-Терм», 2010. — 512 с.
2. Сталин, И. В. К вопросу о стратегии и тактике русских коммунистов / И. В. Сталин // И. В. Сталин. Сочинения / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). — М. : Госполитиздат, 1952. — Т. 5. — С. 160–180.
3. Сталин, И. В. Об основах ленинизма : Лекции, читанные в Свердловском университете / И. В. Сталин // И. В. Сталин. Сочинения / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). — М. : Госполитиздат, 1952. — Т. 6 — С. 69–188.
4. Сталин, И. В. Политический отчет Центрального Комитета XIV съезду ВКП(б) 18 декабря 1925 г. / И. В. Сталин // И. В. Сталин. Сочинения / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). — М. : Госполитиздат, 1952. — Т. 7. — С. 261–352.
5. Сталин, И. В. Политический отчет Центрального Комитета XV съезду ВКП(б) 3 декабря 1927 г. / И. В. Сталин // И. В. Сталин. Сочинения / Институт Маркса – Энгельса – Ленина при ЦК ВКП(б). — М. : Госполитиздат, 1952. — Т. 10. — С. 271–353.

Chemshit, A. A. Stalinism as survival strategy and tactics of society

The article brings up the question of Stalinism as the strategy and the tactics of overcoming the national crisis. The temporary historically conditioned character of the forced power system is emphasized. The political and the moral assessments of the results of Stalin's reign differentiate.

Keywords: Stalinism, strategy, tactics, totalitarianism, Civil War, national salvation.

Статья поступила в редакцию 24.01.2016

Гражданская война рассматривается вне доктрины классовой борьбы как объективный феномен и субъективная идея.

Ключевые слова: война, террор, интервенция, национальный сепаратизм.

М. С. Колесов, профессор, д-р филос. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: migelk43@mail.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РОССИИ: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ

Как говорил основатель Германии Отто фон Бисмарк, *если хотите поставить эксперимент по построению социализма – возьмите страну, которую не жалко.*

Наиболее насыщенными мифами и легендами являются страницы советской истории, посвященные «Гражданской войне». Тем более что они неоднократно переписывались в соответствии с менявшейся «генеральной линией партии». В результате, сформировалась почти фольклорная мифология, наполненная «героями» и «демонами», которую до сих пор тиражируют российские СМИ, кинематограф и «массовая» беллетристика. Между тем этот трагический период истории современной России предопределил ее судьбу в XX веке. Гражданские войны не начинаются вдруг и не заканчиваются сразу.

Так, характерным для отечественной историографии «заблуждением» является утверждение того, что Гражданская война в России была неизбежным следствием Русской революции 1917 года и носила «классовый» характер.

На самом деле гражданская война была задумана задолго до «Февральской» революции 1917 года.

Находясь в уютной квартире на тихой улочке швейцарского Цюриха, В. И. Ульянов-Ленин уже через два месяца после начала Первой мировой войны недвусмысленно сформулировал задачу: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг...». 1 ноября в газете «Социал-демократ» было опубликовано от имени ЦК РСДРП это воззвание: «Война и Российская социал-демократия» [4, с. 22].

Затем этот призыв однозначно высказывался в партийных документах и статьях Ленина в течение 1915-1916 годов.

Так, в «Проекте резолюции левых С.-Д.», (написанном до июля 1915 года), прямо сказано: «Долг социалистов – ... стремиться к превращению империалистской войны между народами в гражданскую войну угнетенных классов против их угнетателей, войну за экспроприацию класса капиталистов, за завоевание политической власти пролетариатом, за осуществление социализма» [6, с. 85].

Об этом пишет Ленин и в своей статье «Задачи Российской социал-демократии в европейской войне» («Тезисы о войне»). А также в своей большой брошюре, (изданной в Женеве в 1915 году), «Социализм и война (отношение РСДРП к войне)» [7].

Исходя из этого, становится ясно, что, провозгласив, после своего возвращения в Россию в апреле 1917 года, курс на «Мировую социалистическую революцию», В. И. Ленин прекрасно понимал, что этот курс лежит через гражданскую войну. «3 апреля 1917 года Ленин привез с собой из Швейцарии гражданскую войну» [1, с. 98].

Как пишет современный публицист М. Веллер, «Гражданская война – это Октябрьский переворот, растянутый во времени» [1, с. 10].

Французский историк Н. Верт считает, что «гражданская война началась уже в ноябре 1917 г.» [2, с. 128]. «Накануне Октября Ленин говорил, что, взяв власть, большевики ее не упустят» [2, с. 143].

28 ноября 1917 г., после массовой демонстрации по поводу результатов прошедших 12 ноября выборов в Учредительного собрания (большевики получили 22,9 % голосов, а «эсеры» – 40,6 %), с участием «кадетов», они первыми были объявлены «врагами народа». Тогда Ленин заявил: «Кадетский центральный комитет – это политический штаб класса буржуазии» [1, с. 115]. Так начался «красный террор».

7 декабря 1917 года была создана ВЧК для борьбы против «спекуляции» продовольствием, но вскоре чекисты «на местах» присвоили себе полное право суда и расстрела. Ф. Э. Дзержинский

представил СНК докладную записку: «Мы должны принять сейчас все меры террора, отдать ему все силы! ...Юстиция нам сейчас не к лицу. У нас не должно быть долгих разговоров!» [1, с. 123].

М. Лацис, заместитель Ф. Дзержинского по ВЧК, тогда инструктировал своих подчиненных: «Не ищите в деле обвинительных улик, восстал ли он против совета с оружием или на словах. Первым долгом мы должны его спросить, к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, какое у него образование и какова его профессия. Вот эти вопросы должны решать судьбу обвиняемого» [1, с. 296]. За годы Гражданской войны состав ЧК вырос с 1 тысячи (апрель 1918 г.) до 233 тысячи (весна 1921 года).

Ленин мог бы повторить слова Робеспьера, который упразднил обычную законность как неспособную защитить революцию: *террор есть не что иное, как правосудие, быстрое, суровое, непреклонное; он, таким образом, есть порождение добродетели.*

Об этом пишет и современный английский историк Симон Себаг Монтефиоре: «Ильич всю жизнь расхваливал террор Французской революции, потому что его большевизм был уникальной верой и социальной системой, базирующейся на кровопролитии» [11, с. 98-99].

Впрочем, с Робеспьером был в свое время согласен и учитель Ленина – Карл Маркс, который считал, что *революционный терроризм» может сократить и упростить «агонию старого общества и кровавые муки родов нового общества.*

Ленин, как известно, был противником индивидуального террора, но был совсем не против массового террора после прихода большевиков к власти. 26 июня 1918 года он писал Зиновьеву: «Надо поощрять энергию и массовидность террора против контрреволюционеров» [5, с. 106].

Ленин заявлял, что в условиях Гражданской войны отсутствие смертной казни «немыслимо» (смертная казнь была отменена Временным правительством). 6 июня 1918 г. смертная казнь была восстановлена. 2 сентября 1918 года в Красной армии были введены Ревтрибуналы, которые должны руководствоваться «революционным коммунистическим правосознанием и революционной совестью».

2 сентября 1918 года ВЦИК принял решение о начале «красного террора»: «Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставлять районам право самостоятельно расстреливать... Устроить в районах маленькие концентрационные лагеря... принять меры, чтобы трупы не попали в нежелательные руки» [1, с. 290-291].

5 сентября такое же решение принял Совнарком.

По приказу Троцкого (от 4 июня 1918 г.) и по прямому указанию Ленина были введены первые «трудовые» лагеря. 5 сентября Совнарком одобрил создание лагерей.

Но, на самом деле, «Красный террор» был не «классовым», а распространялся и на недовольных рабочих и крестьян. Он даже не имел определенной цели. Террор ради террора! Запущенная машина террора уже действовала сама по себе, нередко направляемая личными интересами самих «чекистов».

После 18 августа 1918 года (покушение на Ленина) был издан «Приказ о заложниках», по которому было истреблено в Москве – 600 человек, в Петрограде – 900 человек, в Кронштадте – 400 человек. Массовые расстрелы «заложников» (в основном мирных граждан) продолжалось в течение всей Гражданской войны.

Тогда Ленин потребовал организации «террора в таком масштабе», «чтобы на несколько десятков лет ни о каком сопротивлении они не смели и думать» [1, с. 289].

Уинстон Черчилль тогда сказал о большевиках: «Это же людоеды!» [1, с. 314].

Таким образом, одной из главных причин, предопределивших неизбежность Гражданской войны, явился «красный террор», развязанный большевиками для подавления «саботажа» их «Советской власти», и, прежде всего, против крестьянства.

Яков Свердлов в апреле 1918 г. заявлял: «Мы должны самым серьезным образом поставить перед собой задачу разделить деревню на классы, создать в ней два противоположных враждебных лагеря, восстановить беднейшие слои против кулачества» [1, с. 176].

9 мая 1918 года был принят Декрет совнаркома «О продовольственной диктатуре». 13 мая – Декрет «О чрезвычайных полномочиях народного комиссариата по продовольствию» (А. Д. Цурюпа).

26 мая Ленин в своих «Тезисах по текущему моменту» записал: «Военный комиссариат превратить в военно-продовольственный комиссариат... Объявить военное положение по всей стране... Мобилизовать армию... для систематических военных действий по завоеванию, сбору и свозу хлеба и топлива. ...Ввести расстрел за недисциплину» [9, с. 373]. В другой статье «Товарищи рабочие, идем в последний и решительный бой!» он призывал: «Беспощадная война против кулаков! Смерть им!» [10, с. 41].

27 мая создаются первые «продовольственные отряды». Но еще в марте были созданы интернациональные ЧОНЫ (в основном из венгров и китайцев) и «Комбеды» с целью «обнаружения и изъятия излишков хлеба и продовольствия». Только за вторую половину 1918 года за сопротивление ЧОНам и «продотрядам» было расстреляно 50 тысяч крестьян.

Так весной 1918 года началась Крестьянская война против «Советской власти». Например, на Тамбовщине и в Воронежской губернии были жестоко подавлены крестьянские мятежи против произвола интернациональных «летучих отрядов». Уже за лето 1918 года погибло до 200 тысяч крестьян. А Декрет Совнаркома о «продразверстке» вышел лишь 11 января 1919 года!

Впервые массовые политические репрессии большевистское руководство применило в апреле 1918-го по отношению к своим бывшим союзникам по «Октябрьскому вооруженному восстанию» – анархистам, которые были обвинены в разгуле уголовной преступности. На самом деле причины были политические.

Следующими на очереди расправы с бывшими «соратниками» оказались левые эсеры, опиравшиеся, прежде всего, на интересы крестьянства.

Так называемый «мятеж» левых эсеров 6 июля так удачно совпал с IV съездом Советов, на котором была принята первая Конституция РСФСР, утвердившая «диктатуру пролетариата» (фактически диктатуру *одной* партии). Текст Конституции в частности гласил: «Руководствуясь интересами рабочего класса в целом, Российская Федеративная Советская республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» [1, с. 189].

Так росчерком пера 25 миллионов из населения России оказались «лишенцами», то есть лишенными каких-либо гражданских прав. И естественно, что вряд ли с этим согласились бы эсеры. Поэтому их попытка ограничить «диктатуру» большевиков была вполне предсказуема. Так что «выступление» одного из московских отрядов ЧК скорее выглядит как провокация с целью «изолировать» руководителей эсеров при принятии Конституции на съезде. Тогда же ВЦИК исключил эсеров из своего состава. Одновременно эсеры были изгнаны из правительства.

За этим последовали жестокая расправа над мятежным Ярославлем, который фактически был уничтожен огнем бронепоездов и бомбежкой самолетов, и убийство одного из лидеров эсеров Бориса Савинкова. Все это поставило, фактически, партию социал-революционеров «вне закона». Как следствие эсеры стали катализаторами движения сопротивления большевистской власти по всей стране под лозунгом: «Советы без коммунистов!» Но до сих пор остаются вопросы по поводу «сопутствующих обстоятельств» разгрома эсеров.

Например, причем здесь убийство германского посла Мирбаха? По официальной (большевистской) версии: левые эсеры этим убийством стремились спровоцировать возобновление войны с Германией. Чушь! Германия и так в то время оккупировала 2/3 европейской территории бывшей Российской империи. А вот тот факт, что Мирбах до приезда в Москву был германским послом в Швейцарии во время пребывания там В. И. Ленина и его сподвижников, которые, наверняка, не без его помощи, благополучно были доставлены в революционный Петроград, ангажированные историки до сих пор предпочитают умалчивать. Очевидно, Мирбах слишком много знал. Поэтому совсем не удивительно, что его убийца Яков Блюмкин не был даже арестован и в дальнейшем весьма успешно выполнял «деликатные поручения» самого Дзержинского. Правда, это не помешало его расстрелять позже (за «дружбу» с Троцким).

А по поводу убийства своего посла германское правительство даже не упрекнуло большевиков, прислав им сразу же нового. Более того, в виду угрозы захвата Петрограда войсками Юденича, нарком Чичерин официально обратился к новому послу Гельфериху с просьбой ввести немецкие войска (находившиеся в Прибалтике) в город. Немцы отказались, им уже было не до этого. 5 ноября 1918 года (через два дня после начала восстания военных моряков в Киле – «за Советскую республику!»), кайзер Вильгельм II отрекся от престола [1, с. 138].

Второе странное обстоятельство, связанное с уничтожением самой влиятельной политической партии в стране, – это покушение на В. И. Ленина. Оно было «приписано» эсерке Ф. Каплан, которую срочно и жестоко уничтожили. Но современным историкам уже ясно, что эта женщина не могла совершить это «преступление» (хотя бы уже по состоянию здоровья). В подтверждении этого следует вспомнить тот факт, что, после покушения, не было даже публичного судебного процесса (который был бы очень кстати). И объясняется это, скорее всего, тем, что эта провокация против эсеров не удалась! Ведь Каплан не дала «признательных показаний» (иначе дожидаясь «суда»).

Тогда возникает вопрос: *cui prodest?*

И тот факт, что после покушения на Ленина произошло ужесточение «красного террора», вполне отвечает на заданный вопрос.

В. И. Ленин, после «Октябрьского переворота», пытался построить «новое» (хотя бы временное, до победы Мировой революции) государство по германской модели «военно-государственного капитализма»: государство «военного коммунизма».

Поэтому «разгон» Учредительного собрания был для политических целей большевиков вполне логичен. Еще 12 декабря ЦК партии принял «Тезисы об Учредительном собрании». Тогда В. И. Ленин заявил: «... Единственным шансом на безболезненное решение кризиса является безоговорочное заявление Учредительного Собрания о признании Советской власти, Советской революции, ее политики» [8, с. 166].

3 января ВЦИК принял постановление, согласно которому вся власть в Российской республике отныне принадлежала Советам и всякая попытка «присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие».

И 4 января Н. И. Бухарин на заседании Учредительного собрания произнес: «Вопрос о власти окончательно будет решен той самой гражданской войной, которую остановить нельзя до полной победы русских рабочих, солдат и крестьян. С нашими непримиримыми классовыми противниками мы клянемся с этой трибуны вести гражданскую войну, а не примирение» [1, с. 101].

Это заявление недвусмысленно свидетельствует о том, что большевики сознательно шли на инициирование гражданской войны, не считаясь с ее последствиями. Так что принудительный роспуск Учредительного собрания означал отказ большевиков от *демократического* пути развития и явился второй причиной Гражданской войны в России. Под лозунгами «защиты» Учредительного собрания объединились почти все политические силы оппозиции.

Лозунгом большевиков была «Мировая гражданская война». Декрет Совнаркома от 12 января 1918 г. определял новые вооруженные силы «плотом советской власти... и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе». Отряды «Красной гвардии» (матросы-анархисты и солдаты-дезертиры) были расформированы в апреле 1918 года (за «бандитизм»).

Третьей причиной, спровоцировавшей полномасштабную Гражданскую войну, явилось подписание 3 марта 1918 года «похабного» (Ленин) Брестского мира. Этот позор разорвал страну в клочья. Гражданская война началась на «национальных окраинах» Российской империи с «войны суверенитетов». Таким образом, большевистской власти, прежде всего, пришлось столкнуться с бескомпромиссным национальным «сепаратизмом».

Еще 5 ноября 1916 года под оккупацией войсками Германии и Австро-Венгрии было провозглашено Польское независимое государство, признанное позже (август 1917 года) Англией и Францией. В Польшу прибыла 70-ти тысячная армия поляков-иммигрантов из Европы и США. Советское правительство признало независимость Польши в августе 1918 года.

7 ноября 1917 года Украинская Социалистическая Рада, созданная 4 марта тремя социалистическими партиями (эсеры, социал-демократы и социал-федералисты) и объявившая в июне Украинскую Народную республику, заявила себя «незалежной» от захватившего в Петрограде власть «большевистского совнаркома» (до созыва Учредительного собрания). В конце ноября это заявление Рады поддержал I съезд Советов Украины. В конце декабря в Харькове (срочно присоединенном декретом Ленина к Украине вместе с бывшей «Новороссией») проходит другой съезд Советов, который провозглашает создание Украинской Советской республики. 26 января 1918 года «Красные» отряды под командованием Муравьева (эсера) входят в Киев, который покидает Рада. Её представители срочно отправляются в Брест, где заключают без всяких условий «мир» с Германией, которая тут же вводит свои войска на Украину (включая только что присоединенные Донбасс и «Новороссию»). Летом 1918 года немцы ликвидируют Социалистическую Раду и ставят «гетмана» Скоропадского. Сбежавший из Киева бывший секретарь по военным вопросам Рады «социалист» Семен Петлюра сформировал свою армию и открыл военные действия против немецких войск. 21 февраля 1920 году Пилсудский заключил договор с Петлюрой о совместной борьбе против «большевиков» и «белых», и 5 марта польская армия начала наступление на Украине и вместе с Петлюрой 6 мая заняла Киев. Однако в это время большую часть украинской территории контролировали «партизанские отряды» Григорьева, Н. Махно, Н. Щорса и Г. Котовского, которые позже стали «красными комбригами».

6 декабря 1917 (впервые 18 июля) года финский парламент принял декларацию о независимости Финляндии. 7 марта 1918 года был подписан договор с Германией. Фактически главой страны (Регентом) стал Карл Маннергейм (прибалтийский немец, получивший университетское и военное образование в Санкт-Петербурге, генерал-лейтенант русской армии).

Осенью 1919 года до своей «независимости» провозгласили Эстония, Латвия и Литва, и Красная армия вынуждена была покинуть прибалтийские территории.

В это время на Северном Кавказе шла ожесточенная межнациональная война между горными племенами (чеченцы, дагестанцы, кабардинцы, осетины и др.) и против «русских» («белых» и «красных»). В августе-сентябре 1919 года было поднято восстание Усун-Хаджи, и был провозглашен исламский джихад против русских, который продолжался до 1920 года.

Грузия и Армения провозгласили свою независимость в мае 1918 года. 9 декабря началась армяно-грузинская война. Большая часть Армении была оккупирована Турцией.

В Крыму татары требовали «самоопределения», создав Курултай и Директорию (упраздненные Деникиным) и обратившись за военной помощью к Германии.

Севастопольский городской совет не признал «Октябрьский переворот» и осудил условия «Брестского мира». В знак протеста немногочисленные депутаты-большевики вышли из состава совета и организовали свой Ревком. К ним на поддержку прибыли из Петрограда балтийские матросы-анархисты, которые, прежде всего, расстреляли членов Совета и устроили в городе террор. За несколько дней февраля-марта 1918 года было зверски убито более 8000 офицеров Черноморского флота и членов их семей, а также членов «контрреволюционных партий». Их топили, расстреливали, закалывали штыками. Не подчинившись новой власти, 250 кораблей Черноморского флота ушли в иностранные порты, а 80 – в Новороссийск, где были затоплены (по приказу прибывшего из Петрограда с «чрезвычайными полномочиями» матроса Раскольников).

Область Войска Донского (атаман А. М. Каледин) заявила о своей верности Временному правительству России (не признало Советскую власть). На Кубани была создана Краевая войсковая рада (Екатеринодар).

В Казахстане в декабре 1917 года было создано «буржуазно-националистическое» правительство. Средняя Азия еще летом 1917 года фактически отпала от России.

Зимой «Временные правительства» образовались в Сибири (Томск), на Урале (Екатеринбург). В Забайкалье свою власть установил атаман Семенов (бывший комиссар Временного правительства России). На Дальнем востоке сформировалось свое правительство.

Таким образом, Гражданская война в России была неизбежно обусловлена распадом Российской империи, на что сознательно шли большевики, которые вели свою войну до победы Мировой революции.

Заметную роль в Гражданской войне (особенно в ее начале) сыграли «интернациональные отряды», созданные большевиками. Несмотря на свою «процентную» немногочисленность, «интернационалисты» стали опорой советского режима, явившись (добровольно) основным составом карательных отрядов против крестьянских восстаний. В 1919 г. «интернационалисты» составляли 55 % аппарата ВЧК.

Всего в Красной армии воевало до 300 тысяч «интернационалистов», из которых большую часть составляли поляки и венгры, затем – чехи, словаки, австрийские немцы, латыши, эстонцы и китайцы. Большинство из них были жестокими наемниками (воевавшими за деньги).

Часто они даже не знали русского языка, но, как отмечал В. Кожин, «они были символами мировой революции и в перспективе должны были стать ее авангардом в своих странах» [3].

Между тем именно интернациональный состав Красной армии и «русофобские» декларации большевистского руководства были использованы пропагандой «Белого движения».

Абсолютной ложью является большевистское клише «белогвардейцев» как «реваншистов», стремившихся к восстановлению монархии.

В. Кожин утверждал, что никак нельзя оспорить того факта, что все главные создатели и вожди Белой армии были по самой своей сути «детьми Февраля», у них не было «и тени каких бы то ни было реставрационных вожелений». Идеи монархизма не были в среде «белогвардейцев» популярными. Борьба между «красными» и «белыми» вовсе не была борьбой между «новой» и «старой» властями. Это была борьба между Февральской революцией и «Октябрьским» мятежом, борьба между Русской революцией и «Мировой революцией» [3].

Вместе с тем, советскими историками чрезмерно преувеличена роль так называемой «Интервенции», которая была якобы осуществлена против «молодого» Советского государства странами «Антанты» и другими бывшими союзниками России. На самом деле – это очередной миф.

Прежде всего, следует отметить, что союзные войска «Антанты» пребывали в течение 1918 года (после заключения «Брестского мира») в ряде морских портов России на территориях, где были сосредоточены огромные запасы военного снаряжения (поставленное в свое время воюющей России

союзниками), но которые не контролировались центральной Советской властью. Можно себе только представить если бы все это вооружение оказалось бы в распоряжении смл «контрреволюции»! Всего на протяжении 1918-1919 годов на этих территориях находилось 217 500 иностранных военнотружущих иностранных армий.

Однако «оккупационные» войска «Антанты» (в отличие от прямой интервенции войска Германии и Польши) никогда не вступали в непосредственные военные действия с частями Красной армии. Кроме того, следует признать, что страны «Антанты» политически не поддерживали «Белое движение», (за исключением Колчака), требуя от его лидеров «договориться» с «красными». Американского президента Вудро Вильсона республиканцы называли «большевиком» за его открытые симпатии к новой России. 10 января 1919 года президент обратился ко всем политическим силам России с предложением собраться на Принцевых островах (Турция) для переговоров. Большевистское правительство согласилось. Лидеры «Белого движения» отказались [1, с. 317].

Не было, на самом деле, и никаких «договоров» с лидерами «Белого движения» о расчленении России. Так Деникин позже заявлял: «Никогда за все время моего правления и командования на юге России я не давал державам Согласия ни устно, ни письменно никаких политических, территориальных и экономических обязательств за счет России...» [1, с. 338].

Премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж в письме Черчиллю (министру вооружений) писал: «Я убедительно прошу вас не ввергать Англию в чисто сумасшедшее предприятие из-за ненависти к большевистским принципам. Дорогая агрессивная война против России будет служить делу укрепления большевизма в России и создания его у нас в Англии» [1, с. 314].

В апреле 1919 года Верховный Совет стран-победительниц принял решение о скорейшем выводе всех войска из России и о не вмешательстве вооруженным путем в ее внутренние дела. При этом союзники отобрали у Германии 320 млн. марок золотом, выплаченных Советской Россией по «контрибуции».

Но еще в конце марта «интервенты» стали покидать российские порта. Оставить оружие «белым» и перебросить их из Новороссийска в Крым они отказались. К сентябрю последние войска покинули территорию России. Остались только англичане в Средней Азии и на Кавказе, а японцы – на Дальнем Востоке. Но эти территории официально уже не принадлежали РСФСР.

В связи с этим следует еще раз подчеркнуть: обладая, после разгрома Германии и ее союзников, огромной военной силой в Европе и потеряв в результате «Русской смуты» свои большие инвестиции и собственность, правительства стран «Антанты», однако, совсем не были заинтересованы в свержении Советской власти в России, (даже, если их лидерам очень «не нравились» большевики). Да, безусловно, они руководствовались отнюдь не «демократическим» принципами, а своими национальными интересами, но, среди которых не было цели уничтожения России.

Советский миф об «интервенции» был создан сразу же после окончания Гражданской войны с целью перевода ее в «Мировую Гражданскую войну» (о которой в свое время мечтал В. И. Ленин).

С этой целью уже 2-6 марта 1919 года состоялся Учредительный съезд «Коминтерна» (III Интернационала), на котором присутствовали представители 30 стран. «Манифест к мировому пролетариату» (написанный первым председателем Исполнительного комитета Л. Д. Троцким) гласил: «Наша задача состоит в том, чтобы... объединить усилия всех истинно революционных партий мирового пролетариат и тем облегчить и ускорить победу коммунистической революции во всем мире» [1, с. 320]. На Втором съезде Коминтерна Троцкий заявил: «Гражданская война во всем мире поставлена в порядок дня. Знаменем ее является Советская Власть» [1, с. 320].

И это была не пустая декларация! Гражданская война велась отнюдь не только на территории бывшей Российской империи, но и за пределами *юрисдикции* Советской власти, то есть на территории других государств: Венгрия, Германия (Бавария), «Туркестан», Персия (Гилянская республика) и проч. Потерпела поражение и попытка развязать гражданскую войну с «белофиннами».

Но кроме этого был еще один фронт Гражданской войны – «Крестьянский фронт», с которого эта война и началась еще весной 1918 года. Только за этот год произошло 344 крестьянских восстаний. Эта Гражданская война, после разгрома «Белого движения», оказалась значительно более важной для большевиков. Почти по всей стране прокатилась волна крестьянских и рабочих восстаний, охватившая Центральную Россию, Сибирь, Северный Кавказ, Украину, Белоруссию.

Кульминацией антибольшевистского сопротивления стал мятеж моряков в Кронштадте, начавшийся 2 марта 1921 года в поддержку выступлений рабочих Петрограда. Мятеж был подавлен 18 марта. При этом погибло 18 тысяч, расстреляно свыше 2 тысяч, 6,5 тысяч были сосланы в лагеря и погибли.

Так закончилась четырехлетняя Гражданская война. Таким образом, большевики окончательно решили вопрос о политической оппозиции в Советской России.

Общая цифра человеческих потерь за годы Гражданской войны достигает до 13 миллионов человек (в 2,5 раза больше, чем за четыре года Первой Мировой войны). Кроме этого – 1 миллион 200 тысяч эмигрантов, покинувших Россию (185 тысяч из них позже вернулись, и большинство погибло в концентрационных лагерях). Такова цена, которую заплатила Россия за «бескровную» Великую Октябрьскую революцию. Как признавался Лев Троцкий: «Чтобы выиграть Гражданскую войну, мы ограбили Россию» [1, с. 506].

Гражданская война свидетельствует о распаде государства, основанного на определенной системе гражданских ценностей, о разрушении морального и духовного уклада жизни общества, об уничтожении культурного фундамента цивилизации. Поэтому гражданская война не бывает «справедливой» или «несправедливой». Гражданская война всегда – Трагедия народа!

Список литературы

1. Веллер, М. Гражданская история безумной войны / М. Веллер, А. Буровский. — М.: «АКТ». — 2010. — 639 с.
2. Верт, Н. История Советского государства. 1900 – 1991 / Никола Верт. — 2-е изд., испр. — М.: Инфра-М; Весь мир, 2000. — 542 с.
3. Кожин, В. О русском национальном сознании // В. Кожин — М.: Алгоритм, 2002. — 384 с.
4. Ленин, В. И. Война и Российская социал-демократия / В. И. Ленин // Полное собрание сочинений (ПСС). Т. 26 : Июль 1914 – август 1915 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Изд. 5-е. — М.: Политиздат, 1969. — С. 13–23.
5. Ленин, В. И. Г. И. Зиновьеву 26 июня 1918 г. / В. И. Ленин // ПСС. Т. 37 : Июль 1918 – март 1919 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Изд. 5-е. — М.: Политиздат, 1969. — С. 106–107.
6. Ленин, В. И. Проект резолюции левых социал-демократов к первой международной социалистической конференции / В. И. Ленин // ПСС. Т. 26 : Июль 1914 – август 1915 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Изд. 5-е. — М.: Политиздат, 1969. — С. 282–285.
7. Ленин, В. И. Социализм и война (Отношение РСДРП к войне) / В. И. Ленин // ПСС. Т. 26 : Июль 1914 – август 1915 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Изд. 5-е. — М.: Политиздат, 1969. — С. 307–350.
8. Ленин, В. И. Тезисы об Учредительном собрании / В. И. Ленин // ПСС. Т. 35 : Октябрь 1917 – март 1918 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Изд. 5-е. — М.: Политиздат, 1969. — С. 162–166.
9. Ленин, В. И. Тезисы по текущему моменту / В. И. Ленин // ПСС. Т. 36 : Март – июль 1918 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Издание 5-е. — М.: Политиздат, 1969. — С. 374–376.
10. Ленин, В. И. Товарищи–рабочие! Идем в последний и решительный бой! / В. И. Ленин // ПСС. Т. 37 : Июль 1918 – март 1919 / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Изд. 5-е. — М.: Политиздат, 1969. — С. 36–42.
11. Монтефиоре, Симон С. Сталин: двор Красного монарха / Симон Монтефиоре; Пер. с англ. С. Манукова. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. — 767 с.

Kolesov, M. S. Civil war in Russia: objective and subjective factors

Civil war is examined out of doctrine of class struggle as the objective phenomenon and subjective idea.

Keywords: war, terror, intervention, national separatism.

Статья поступила в редакцию 30.01.2016

ПОЛИТИКА И ГЕОПОЛИТИКА

УДК 342.56

Анализируются процессы формирования информационной политики судебной власти как фактора укрепления независимости правосудия, рассматриваются основные направления государственной политики в области информатизации судебной власти, исследуются критерии и механизмы оценки информационной открытости правосудия, определены мероприятия для эффективного решения информационно-аналитических задач в сфере обеспечения деятельности судов.

Ключевые слова: информационная политика, судебная информация, судебная система, информатизация судов, информационная открытость правосудия.

И. Е. Севостьянова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: turkinaira@yandex.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В ИНФОРМАЦИОННОМ ФОРМАТЕ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Одним из главных стратегических приоритетов политики Российской Федерации является развитие информационного общества и внедрение новейших информационно-коммуникационных технологий во все сферы общественной жизни и в деятельность органов государственной власти. От простой совокупности управленческих структур механизм государства отличается внутренним единством и одновременно иерархичностью составляющих. Судебная власть выступает одним из основных и обязательных элементов механизма, посредством которого государство реализует свои функции. Судебно-правовая реформа в Российской Федерации ставит своей задачей утверждение судебной власти в механизме государства как влиятельной силы, независимой от двух других ветвей власти.

Объективные причины интереса к проблемам судебной власти вызваны происходящими значительными изменениями в мире, управление которыми требует принципиально новых инструментов. Изменение самой конструкции власти влечет модификацию сущности судебной системы. Решение проблемы создания сильной, эффективной, авторитетной и независимой судебной власти невозможно без глубокого теоретического анализа её институтов, проблем реализации новых форм осуществления и принятия соответствующих мер организационного и законодательного характера по отправлению правосудия.

В настоящее время мы соглашаемся с обоснованным выводом о том, что сложности проведения судебной реформы, утверждения подлинно независимого и самостоятельного правосудия в стране не находят адекватного отражения в общественном сознании и средствах массовой информации.

Состояние политического порядка и правового регулирования в информационном формате институционализации судебной власти не соответствует требованиям граждан по расширению информационной открытости правосудия. В целом ряде случаев судебная система остается в информационной блокаде, что лишает ее возможности публично отстаивать свои интересы, делает уязвимой и, в известной степени, зависимой от интересов, как отдельных социальных групп, так и конкретных лиц. В конечном счете, все это противоречит интересам общества, подрывает веру граждан в справедливость судебной власти.

Решение данного задания, в принципе, неэффективно без концептуального осмысления существующих реалий, научного прогноза развития ситуации, как в политическом, так и правовом аспектах.

Целесообразность формирования институциональных основ информационной открытости судебной системы определяет необходимость структурирования данного процесса. Это объясняется множеством причин: реальное несовпадение правовых интересов субъектов информационных отношений; недостаточная формализация правил поведения участников в информационной сфере; низкий уровень научного обеспечения этого процесса; произвольное толкование свободы массовой

информации, свободы доступа к информации о работе судов (судей) и т.п. [3, с. 27].

На сегодняшний день в обществе нет полного представления об остроте проблем, с которыми сталкивается судебная система, понимания необходимости путей их решения. Во многом это объясняется тем, что информационная работа внутри самой судебной системы до настоящего времени ведется разобщенными силами и средствами, которыми располагают ее органы и система Судебного департамента.

Для деятельности информационных структур судебной власти (пресс-служб высших судов, Судебного департамента, пресс-секретарей отдельных арбитражных судов, судов общей юрисдикции, территориальных органов Судебного департамента) в целом характерно недостаточное взаимодействие между собой, замкнутость исключительно на проблематику судов и органов, которые осуществляют руководство их деятельностью, слабая техническая и материальная оснащенность. Обучение и повышение квалификации работающих сотрудников не имеет плановой основы.

Тенденции глобализации информационных отношений, существующая логика развития судебной системы в информационной сфере не стали еще объектом широкого научного исследования. Однако, на сегодняшний день в России уже накоплен определенный эмпирический и теоретический опыт правового регулирования информационной среды.

Вопросы правовых и методологических аспектов, относящихся к информационно-правовой деятельности государственных органов, в том числе судебной власти, освещались в работах А. И. Брызгалова, М. С. Еременко, А. В. Иванова, Д. А. Керимова, А. Р. Маргарян, Л. С. Мамут, Н. Н. Матузова, А. В. Малько, А. В. Полякова, Е. В. Цыгановой, Р. В. Шагиевой и др.

В условиях становления информационного законодательства в Российской Федерации особую актуальность приобретает проблема формирования системного терминологического аппарата, при помощи которого осуществляется характеристика информационного формата судебной деятельности. Использование в законодательстве специальной терминологии в процессе отправления правосудия в условиях внедрения непрерывного совершенствования информационных технологий не вызывает сомнения, более того, оно неизбежно для регулирования новых информационных отношений в судебной системе.

Под информационной политикой судебной системы следует понимать проведение комплекса мероприятий нормативно-правового, организационного, научно-исследовательского, издательского и иного характера, который направлен на гармонизацию отношений судебной власти и общества, понимание гражданами сложности проводимой в государстве судебной реформы, пропаганду идей правосудия, а также на объективное освещение деятельности судов в средствах массовой информации.

Информационные технологии расширяют возможности эффективного управления, поскольку предоставляют новейшие методы обработки и анализа информации, необходимой для принятия решений. Современные технологии призваны на новом уровне обеспечить закрепленный в Конституции Российской Федерации принцип публичности судебного разбирательства через увеличение степени доступности и открытости правосудия, повышения доверия к нему со стороны общества [5, с. 48]. Минимально необходимый объем информации об организации и функционировании судебной системы включает следующие вопросы: – процессуальные нормы (при условии, что данная информация не содержит юридических советов по существу дела); – порядок обращения в суд и сроки, в течение которых такое обращение возможно; – процессуальные требования и необходимые в этой связи документы; – средства выполнения решения суда и, по возможности, издержки по его выполнению [1, с. 375].

К базовым критериям оценки информационной открытости правосудия следует отнести качественный уровень реализации права граждан на информацию о судебной деятельности; степень доверия граждан к судебной деятельности и уровень авторитета судебной власти в обществе; уровень обеспечения права граждан на информацию о судебной деятельности; степень удовлетворения интересов судейского сообщества в информационной сфере (см. рис. 1).

Центральным и базовым понятием в процессе нормативно-правового регулирования информационных отношений в сфере отправления правосудия является понятие «судебная информация».

Судебная информация определяется как целенаправленный процесс минимизации энтропии (неопределенности) относительно возможного, дозволенного и запрещенного поведения субъектов общественных отношений в сфере процессуальной и внепроцессуальной деятельности судов общей

юрисдикции [3, с. 68]. Основной идеей создания системы информационного обеспечения судебной власти является структурирование и объединение ее ресурсов в информационной сфере, приоритетное разрешение в ней общих проблем судебной власти, координация информационной деятельности на основе выработанных единых подходов к работе со средствами массовой информации.

Важнейшими интересами судебной системы в информационной сфере является объективное освещение деятельности судов в средствах массовой информации, возможность представителей органов судебной власти свободно доводить до широкой общественности через СМИ свои взгляды по актуальным вопросам развития судебной реформы и иным проблемам, затрагивающим законные интересы граждан (см. рис. 2).

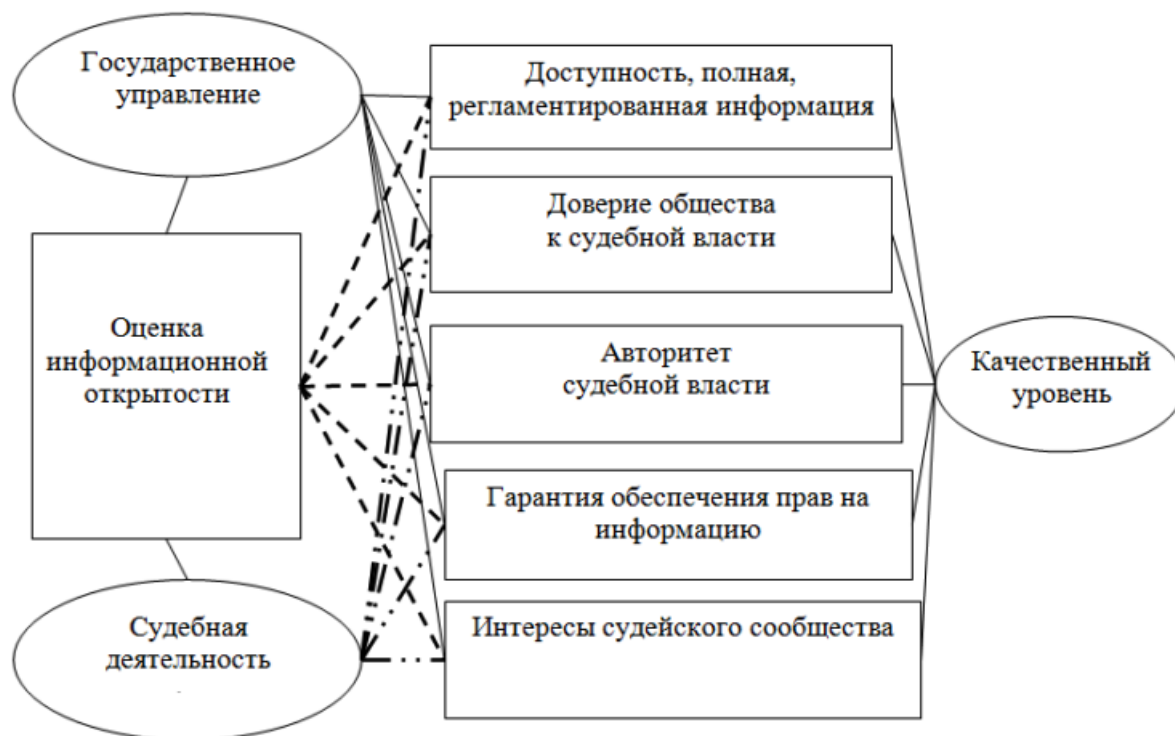

Рис. 1. Система базовых критериев оценки информационной открытости правосудия

Рис. 2. Интересы судебной системы в информационной сфере

Необходимо исходить из того, что интересы судебной системы и гражданского общества в информационной сфере не противоречат друг другу и должны определяться сбалансированностью взаимных интересов, которая заключается в:

- реализации конституционных прав человека и гражданина на доступ к информации, в том числе о деятельности судебной системы; использование информации о деятельности судебной системы в интересах осуществления физического, духовного и интеллектуального развития;
- реализации конституционных норм о нераспространении информации о частной жизни граждан без их согласия;
- осуществлении контроля органами государственной власти за соблюдением порядка освещения деятельности органов судебной власти в государственных средствах массовой информации;
- беспрепятственном осуществлении профессиональной деятельности работников средств массовой информации по формированию и распространению информации о деятельности судебной власти;
- беспристрастном и достоверном освещении деятельности судебной системы;
- соблюдении журналистами обязанностей, установленных законодательством о средствах массовой информации.

Реализация этих интересов судебной системы достигается:

- а) созданием системы информационного обеспечения деятельности судов, органов судейского сообщества и системы Судебного департамента;
- б) осуществлением нормативно-правового регулирования взаимоотношений судов и средств массовой информации;
- в) информационной работой судебной системы, осуществляемой уполномоченными к этому органами и службами [2] (см. рис.3).

Рис. 3. Сбалансированность взаимных интересов судебной системы и гражданского общества

Принцип свободного доступа граждан к правосудию является одним из важнейших демократических гарантий и закреплён в Конституции Российской Федерации и общепризнанных нормах международного права. Этот факт имеет прямое отношение к порядку работы представителей СМИ во время судебных разбирательств. Средства массовой информации являются основными источниками сведений о судебной деятельности, существуя вместе с судебной системой в одном информационном пространстве, объективно влияя на институциональное становление правосудия, на общественное восприятие хода и итогов судебной реформы.

Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах: «Каждый имеет право при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, или при определении его прав и обязанностей в любом гражданском процессе на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона. Печать и публика могут не допускаться на всё судебное разбирательство или часть его по соображениям

морали, общественного порядка или государственной безопасности в демократическом обществе или когда того требуют интересы частной жизни сторон, или – в той мере, в какой это, по мнению суда, строго необходимо, – при особых обстоятельствах, когда публичность нарушала бы интересы правосудия; однако любое судебное постановление по уголовному или гражданскому делу должно быть публичным, за исключением тех случаев, когда интересы несовершеннолетних требуют другого или когда дело касается матримониальных споров или опеки над детьми» [4].

Вследствие этого, необходим специальный режим защиты информации в сфере судебной власти, поскольку судебная информация содержит персональные данные, сведения, составляющие государственную, служебную и иную охраняемую законом тайну. Свободный доступ к этой информации может затруднить отправление правосудия, сделать его невозможным и нанести непоправимый ущерб участникам судебного процесса. Одним из основных направлений в данной области является преобразование пресс-служб высших судов в самостоятельные структурные подразделения, введение института штатных пресс-секретарей в органах судебной системы. Функциональной направленностью деятельности пресс-служб судебных органов должно быть облегчение доступа представителей средств массовой информации к информации о деятельности судов, вызывающей повышенный общественный интерес, а также улучшение взаимопонимания судей и журналистов.

Исходя из оценки ситуации, необходимо признать, что для эффективного решения задач, в целом стоящих перед судебной системой на современном этапе, требуется особое внимание судебной власти к работе в информационной сфере, значение которой в повышении авторитета судебных органов объективно возрастает.

Информатизация судебной деятельности включает процесс по созданию и организации условий для доступа к хранению, обработке и передаче в электронной форме судебной информации в целях повышения эффективности правосудия. Основные положения государственной политики в области информатизации судебной деятельности сформулированы в концепциях информатизации высших судов России, в Концепции информатизации судов общей юрисдикции и системы Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы», утвержденной постановлением Правительства РФ от 27.12.2012 № 1406.

Целями информатизации судебной системы являются: доступность всего объема информации о законодательстве РФ и судебной практике для судей и работников аппаратов судов; полнота и достоверность информации о деятельности судов; повышение оперативности сбора и обработки соответствующих статистических данных и обеспечение объективного анализа правоприменительной практики; повышение эффективности кадрового, организационного, материально-технического и ресурсного обеспечения деятельности судов; качественная информационно-аналитическая поддержка принятия решений во всех сферах обеспечения судебной деятельности.

Государственная политика информатизации как важнейший компонент жизнедеятельности общества направлена на рациональное использование научно-технического потенциала в целях формирования соответствующей современной, информационной, социально ориентированной инфраструктуры судебной власти. Политика информатизации судов будет эффективной лишь в случае, если она носит комплексный, системный характер. В интересах решения комплекса текущих и перспективных задач развития независимой судебной власти, политика информатизации судебной системы должна опираться на следующие базовые принципы государственной информационной политики:

1. Принцип открытости политики – все основные мероприятия судебной политики в информационной сфере открыто обсуждаются специалистами и их мнение учитывается;

2. Принцип равенства интересов – политика в равной степени учитывает интересы всех участников информационной деятельности независимо от их положения в обществе (единые для всех «правила игры»).

3. Принцип системности – предполагает декомпозицию системы на составные части (компоненты), которые дают возможность их автономной разработки и внедрения при обеспечении единства технической политики.

4. Принцип социальной ориентации – основные мероприятия судебной политики должны быть направлены на обеспечение социальных интересов российских граждан.

Реализация целей и задач политики информатизации при комплексном подходе осуществляется посредством различных форм воздействия на следующие объекты информационной сферы судебной системы, включая научно-техническую и образовательную сферы:

– система формирования и использования судебных информационных ресурсов в рамках единой информационной инфраструктуры судебной системы;

– научно-технический и производственный потенциал, необходимый для формирования единой информационной инфраструктуры судов;

– правовая база информационных отношений в судебной сфере;

– система подготовки и переподготовки кадров для работы в условиях информационного общества;

– сегменты рынка компьютерных и телекоммуникационных средств, информационных продуктов и услуг для органов судебной власти;

– объекты международного сотрудничества судейского сообщества;

– система обеспечения информационной безопасности единой информационной инфраструктуры судов [4].

Государственная политика как важный компонент жизнедеятельности общества, формирует соответствующую систему и механизмы функционирования социально ориентированной судебной власти. Поэтому актуальным и необходимым является совершенствование процесса реализации государственной политики в информационном формате судебной деятельности. Функциональная ценность информационно-правовой деятельности судебной системы выражается в расширении границ доступности правосудия, что актуализирует политико-правовое участие органов правосудия в информационном пространстве России. Реализация принципа открытости судебного разбирательства должна обеспечивать свободный доступ всех заинтересованных лиц, и, прежде всего, представителей СМИ, к необходимой информации, что, в свою очередь, ставит ход судопроизводства под контроль общественности, способствует формированию правовой культуры граждан и усиливает воспитательное воздействие суда на общество. Информационная открытость институтов судебной власти имеет ярко выраженную инструментальную ценность в обеспечении политико-правовой целостности правосудия в информационном взаимодействии государства и гражданского общества.

Список литературы

1. Еременко, М. С. Стандарты Совета Европы в области гражданского судопроизводства и проблема доступа к правосудию / М. С. Еременко // Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Москва 31 января – 1 февраля 2001 г. — М.: Лиджист, 2001. — С. 370–384.
2. Концепция информационной политики судебной системы : Принята Постановлением Совета судей Российской Федерации № 60 от 16 ноября 2001 года // Управление Судебного департамента в Орловской области : сайт. – URL: http://usd.orl.sudrf.ru/modules.php?name=norm_akt&id=18 (дата обращения: 31.12.2015).
3. Маргарян, А. Р. Институты судебной власти в информационно-правовом пространстве / А. Р. Маргарян // Право. — 2007. — №18. — С. 65–71.
4. Международный Пакт от 16.12.1966 «О гражданских и политических правах» // "КонсультантПлюс" : сайт. - URL : <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=5531;fld=134;dst=1000000001,0;rnd=0.019403960031842193> (дата обращения: 31.12.2015).
5. Цыганова, Е. В., Информационные грани арбитражной судебной системы / Е. В. Цыганова, А. В. Иванов // Арбитражные споры. — 2009. — № 3. — С. 44–50.

Sevostyanova, I. E. Public policy in the information format of the judiciary

The article analyzes the processes of formation of information policy of the judiciary as a factor of strengthening of judicial independence, discusses the main directions of state policy in the field of Informatization of the judiciary, investigates the criteria of the evaluation mechanism of information openness of the judicial system, measures to effectively address the information and analytical tasks in the sphere of ensuring activity of the courts.

Keywords: information policy, judicial information, judicial system, computerization of courts, informational openness of justice.

Статья поступила в редакцию 1.01.2016

УДК [323.15:327.5]:316.722

Проводится анализ концептуальных оснований цивилизационной теории для ее использования при изучении политических и этнополитических процессов, обосновывается необходимость применения цивилизационного подхода, рассматриваются центральные положения данного подхода в работах основоположников теории.

Ключевые слова: цивилизация, цивилизационная теория, этнополитические и политические процессы, этнополитические конфликты.

Т. В. Вакулова, доцент, канд. полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: vakulo1@yandex.ru

ИССЛЕДОВАНИЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В СВЕТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПОДХОДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ

Изучение процессов в современной политологии и этнопологии связано с достижениями использования цивилизационной теории. Специфика цивилизационного подхода к изучению этих процессов напрямую связана с пониманием предмета и объекта политической науки.

Предметом политологического исследования являются закономерности, которые управляют процессами и явлениями в политической жизни обществ и оказывают на них влияние. Объектом такого исследования является определённая область социальной реальности, политическая система, политические явления, отношения и процессы. Вместе с тем, в современных политологических школах нет единого представления о том, что составляет предмет политологического исследования [10, с. 186]. Применительно к предметно-объектной области этнополитической конфликтологии можно согласиться с А. Аклаевым, что объектом изучения этнополитической конфликтологии является этнополитический конфликт как особая форма проявления этнической политики. По А. Аклаеву, предмет этнополитической конфликтологии включает источники и причины, проявления и контексты, закономерности динамики и последствия этнополитического конфликта [2, с. 20-21].

В отечественных исследованиях цивилизационную теорию долгое время не использовали для изучения политических и этнополитических процессов, цивилизационный фактор также не являлся предметом политической науки, не считался определяющим в политических процессах. Часто его рассматривали в качестве подчинённого экономическим и политическим причинам, а анализ политических явлений проводился преимущественно при помощи формационного подхода. Это было связано с тем, что обществознание в СССР развивалось исключительно в рамках марксистско-ленинской идеологии. Однако, уже в конце XX – начале XXI века интерес исследователей к цивилизационным различиям и цивилизационной теории значительно возрос, а цивилизационный фактор стал рассматриваться в качестве предмета политологических исследований.

Суть цивилизационного подхода к изучению этнополитических конфликтов, невозможно понять без научной категории «цивилизация». Термин «цивилизация» (от лат. *civilis* – гражданский, государственный) впервые был введён в научный оборот в XVIII веке французскими просветителями для обозначения гражданского общества, в котором царствуют свобода, справедливость, правовой строй [14, с. 9-12]. В XX в. этот термин прочно вошёл в научный оборот, но не получил единого общепринятого толкования. Представитель французской исторической школы «Анналов» Ф. Бродель считал, что цивилизация – это совокупность экономик и обществ, которые продолжают жить во взаимодействии. Чаще всего современные исследователи для раскрытия сущности категории «цивилизация» используют базовый термин «культура». Понятия «цивилизация» и «культура» имеют общее, интегрирующее начало. Культура выступает в качестве центробразующего ядра, благодаря которому реализуется та или иная цивилизация. Цивилизация же представляет собой широкую социокультурную систему, общность людей, имеющих сходную культурную идентичность, которая становится базисной предпосылкой для цивилизационного самоопределения и самоутверждения отдельной нации или общности национальных государств.

Основоположником цивилизационной теории является Н. Я. Данилевский. В своей работе «Россия и Европа» он впервые ввёл в научный оборот понятие «культурно-исторический тип», под которым понимал «своеобразный план религиозного, социального, бытового, промышленного, политического, научного, художественного, одним словом, исторического развития общности людей и человечества в целом». У автора понятие «культурно-исторический тип» используется как синоним поня-

тия «цивилизация». В цивилизациях он видел исторические организмы, характеризующиеся отдельным языком или группой языков, особым образом жизни, непохожими нравами. Согласно Данилевскому, цивилизации состоят из политических единиц, подразделений, то есть государств, а также народов [6, с. 113].

Согласно Данилевскому, важным условием существования цивилизаций является экспансия [6, с. 119-122]. Цель экспансии – насильственная передача своей цивилизации покорённым народам. Н. Данилевский уделял особое внимание вопросу о войнах между государствами, которые, в свою очередь, являются представителями и выразителями цивилизационных интересов.

О. Шпенглер изложил основы цивилизационной теории в книге «Закат Европы» [21]. В понимании Шпенглера цивилизация – это заключительная стадия развития любой культуры, её закат, её неизбежная судьба. Шпенглер считает, что каждая культура развивается, проходя определённые периоды: детство, юность, зрелость и старость [21, с. 183]. На завершающем этапе каждой цивилизации присуще стремление к экспансии, т.е. каждая цивилизация несёт в себе конфликтную составляющую, и эта составляющая у Шпенглера называется «принцип экспансии». Именно в экспансии проявляется судьба западной цивилизации. Она осуществляется проводимой государством политикой, которая ставит своей целью территориальные, сырьевые и финансовые завоевания. Автор убеждён, что конфликты являются неотъемлемым элементом цивилизаций. Конфликты – это внешние проявления культурного кризиса, их начало находится в глубине культурно-духовной действительности, причины конфликтов нельзя обнаружить только в политике воюющих государств.

Таким образом, О. Шпенглер, вслед за Н. Данилевским, подчеркивает решающее значение цивилизационного фактора в военных конфликтах, которые сопровождают развитие государств.

Цивилизация для А. Тойнби – это «региональная, выделенная в пространстве и времени, самодостаточная и автономная, способная к саморазвитию надэтническая социокультурная непрерывная система, которая является оптимальной единицей осмысления историко-культурного процесса» [15].

А. Тойнби создал теорию локальных цивилизаций, положения которой изложены в книге «Постижение истории». Согласно Тойнби, цивилизации – это динамические системы эволюционного типа. Тойнби связывает развитие цивилизаций с мировыми религиями: христианством, буддизмом, исламом, индуизмом – высшими ценностями цивилизаций. Государства являются частным выражением цивилизаций. Для А. Тойнби основной вопрос – это вопрос конфликта цивилизаций, который выражается в стремлении подчинить одни цивилизации другим. Войны, экспансия, конфликты – одна из форм взаимодействия между цивилизациями. Основным средством распространения внешнего влияния цивилизации в концепции Тойнби являются войны. Война отражает человеческую историю как «чередующуюся череду непрекращающихся военных конфликтов»; мы не знаем цивилизации, в жизни которой война не была бы установленным и господствующим инструментом [15, с. 346].

Причину конфликтов Тойнби видит в осознании собственного превосходства одной цивилизации над другой, а поскольку цивилизации различны по своей силе, то конфликт между ними будет существовать всегда [15, с. 346-347]. При этом конфликт цивилизаций Тойнби рассматривает как конфликт политический, так как цивилизация реализует себя посредством таких политических инструментов, как государство, армия и войны.

В цивилизационной теории Тойнби рассмотрены группы факторов, побуждающие цивилизацию к экспансии. Рассматривая эти факторы, автор использует дихотомию «Вызов-Ответ». Тойнби выделяет следующие типы вызова: 1) вызов суровых стран; 2) вызов новых земель; 3) вызов ударов; 4) вызов давления; 5) вызов ущемления. Вызов активизирует рост, а ответ дает решение проблемы. Средства, которые использует общество для ответа на вызов окружающей среды, – это «мощные военные и социальные инструменты», при этом «выбирается сила для борьбы с силой» [15, с. 126].

Таким образом, мы видим, что авторы рассматривают проблемы генезиса и противоборства цивилизаций, механизмы экспансии и военных конфликтов. На наш взгляд, использование цивилизационного подхода, основы которого были заложены в трудах классиков цивилизационной теории, при исследовании этнополитических конфликтов делает понимание экономических, политических и культурных факторов конфликта более полным и обоснованным.

Наряду с этим следует отметить, что особое значение для выявления механизмов влияния цивилизационного фактора на развитие этнополитических конфликтов имеют положения цивилизационной теории, разработанные российскими исследователями XIX–XX вв.

На формирование цивилизационного подхода в российской истории политической мысли повлияли общественные дискуссии славянофилов и западников, которые рассматривали судьбу мира через призму отношений восточной и западной цивилизаций. Основные идеи, которые сформировали

теоретический пласт цивилизационной теории в русской философии, были заложены в трудах П. Чаадаева, А. Хомякова, И. Киреевского, К. Леонтьева, Ф. Достоевского, Н. Бердяева, Е. Трубецкого, С. Булгакова, В. Эрн, С. Франка.

П. Чаадаев полагал, что значение народов определяется их духовной мощью, зависит от их нравственного влияния в мире, а интересы всегда следуют за идеями [20, с. 30].

А. Хомяков, на наш взгляд, впервые сформулировал основной критерий цивилизационной идентичности, заключающийся в религиозной принадлежности. «Вера составляет предел внутреннему развитию, – считал Хомяков. – Из её круга он (человек) выйти уже не может, потому что вера есть высшая точка всех помыслов, тайное условие его желаний и действий, крайняя черта его знаний» [19]. Мыслитель утверждал, что политические, экономические и природные факторы подчинены духовному началу, хотя существует и обратное воздействие. Религия является главной составляющей любой цивилизации. А. Хомяков подчёркивал: «Выньте Христианство из истории Европы и Буддизм из Азии, и вы уже ничего не поймёте ни в Европе, ни в Азии» [19]. Именно этот фактор, характеризующий цивилизационные различия, становится основным для русских философов XIX–XX веков, которые обосновали с позиций христианской веры концепцию смысла войны в развитии православной цивилизации и мировой истории.

И. Киреевский считал православную религию «святее и чище католической», а православную цивилизацию прогрессивнее. Ф. Достоевский, указывая в качестве причины войны на столкновение цивилизаций, писал, что Запад потерял веру, погряз в алчности с его идеей всеобщего братства и единения [7].

В. Соловьёв анализирует борьбу западной и исламской цивилизаций и приходит к выводу, что цивилизационные различия в войнах играют важную роль. В работе «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории» [13] он предсказывает, что на Востоке мусульмане, китайцы и японцы объединятся. Запад создаст Соединённые Штаты Европы, и Россия войдёт в это объединение. Решающим фактором в таком объединении Соловьёв считал цивилизационный. Согласно Соловьёву, война как конфликт – это не столько социально-политическое явление, сколько духовно-культурное, главная причина войн – во внутренних изменениях нравственно-духовной жизни общества, его цивилизационных основах.

С. Булгаков видел причины войн в конфликте цивилизаций, при этом он неоднократно указывал на духовный кризис европейской культуры, причинами которого являлись: 1) секуляризация; 2) механизация жизни, развитие капитализма; 3) материализм теоретический и практический; 4) отвлечённое просветительство, рационализм, эгоцентризм [5]. В. Эрн также считал, что начался процесс секуляризации западноевропейской цивилизации, её кризис, что война по своей сути является столкновением интересов цивилизаций, войной «меча» и «креста» [22].

Цивилизационной концепции придерживался и Е. Трубецкой [16]. Он полагал, что Германия и вся западноевропейская цивилизация возвысили себя над другими государствами, народами и цивилизациями. В межцивилизационной войне он видел возможность возрождения России.

Н. Бердяев своё отношение к войне как к взаимодействию цивилизаций выразил в статье «К спорам о германской философии» [3]. Для него война между разными цивилизациями является духовным конфликтом двух непохожих культур за главенство в мире. Вся экономическая жизнь человечества имеет духовный базис, духовную основу [4].

Концепция «Ноосферы» В. Вернадского является новым этапом осмысления цивилизационной проблематики, она открывает перспективу органической связи биологической эволюции и истории цивилизации.

Цивилизационная проблематика обрела новое звучание во многом благодаря появлению в 1993 г. статьи (а затем и книги) С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций?» [18].

С. Хантингтон конструирует определение «цивилизация», основываясь на взглядах Данилевского и Тойнби. «Цивилизация представляет собой некую культурную сущность, – пишет он, – культурную общность наивысшего ранга, как самый широкий уровень культурной идентичности людей». Цивилизация предполагает наличие общих черт объективного порядка – это язык, история, религия, обычаи, институты и субъективная самоидентификация людей. Американский политолог акцентирует внимание на реальном существовании цивилизационных различий, он подчёркивает, что «границы между цивилизациями редко бывают чёткими, но они реальны» [18, с. 34]. Исследователь утверждает, что цивилизационные различия более фундаментальны и существенны, чем различия политические и идеологические. Эти различия вызывают конфликты и войны: «самые затяжные и кровопролитные конфликты порождались именно различиями между цивилизациями» [18, с. 35].

Проектируя развитие межкультурных взаимодействий на будущее, С. Хантингтон утверждает, что мировая война между цивилизациями возможна. Этому способствует, по мнению исследователя, ослабление роли нации-государства как источника идентификации. В результате ослабления роли государства усиливается роль религии, усиливаются цивилизационные признаки: «Религия разделяет людей ещё более резко, чем этническая принадлежность» [18, с. 36].

В подтверждение своего понимания войны как конфликта цивилизаций С. Хантингтон вводит новое понятие – «линии разлома» между цивилизациями. Он считает, что конфликты происходят не вдоль политических и идеологических, а именно вдоль цивилизационных границ. Американский политолог полагает, что острые конфликты будут происходить и внутри самих государств, т.к. «линии разлома» проходят внутри государства. Описывая современные очаги конфликтов, таких как: Югославия, Северный Кавказ, Закавказье, Пакистан, Индия, Китай, Нигерия, Таиланд, Япония, Филиппины, Индонезия, Палестина, Судан [18, с. 38-39], исследователь приходит к выводу, что мусульманская цивилизация наиболее активна в современном мире, а следующая мировая война будет между Западом и другими странами, при этом основным фактором влияния станет цивилизационный [8, с. 186]. Размышляя над этой гипотезой, Хантингтон выделяет два источника конфликтов: возрождение ислама и подъём Китая. «Таким образом, – пишет Т. Сенюшкина, – на теоретическом уровне разрабатывается идеологическая концепция, под которую в течение всех последующих лет «подтягиваются» геополитические стратегии США. Исламские страны, как известно, богатые энергетическими ресурсами, приобретают ореол врага не только для Запада, но для всех «немусульман»» [11, с. 79].

По мнению выдающегося политолога А. Панарина, современное противоборство миров интерпретируется посредством разных понятий, в том числе «конфликта цивилизаций» (запада) с «восточным варварством», с «фундаментализмом и терроризмом», наконец, как борьба современного «открытого общества» с архаикой национал-патриотизма и изоляционизма [9, с. 238-239].

После провозглашения С. Хантингтоном теории цивилизационных войн и конфликта западного мира с незападным последовала целая череда невиданных ранее по своим масштабам террористических актов [12, с. 205]. Известно, что идеи могут управлять миром, воодушевляя массы. В этой связи Т. Сенюшкина вполне резонно задает вопрос: «А не играют ли идеи Хантингтона роль катализатора для опасных политических игр?». По мнению Т. Сенюшкиной, было бы безумием искать корни терроризма в цивилизационных различиях.

Наряду с концепцией С. Хантингтона в современной цивилизационной теории особое значение имеет подход Ф. Фукуямы. В книге «Конец истории» [17] он развивает мысль о том, что для различных цивилизаций характерны различные идеологии. Ф. Фукуяма пишет о конце социалистической цивилизации, которой присущ авторитаризм, и обосновывает положение о том, что либеральная демократия логически связана с капитализмом, который присущ западной цивилизации.

Говоря о «конце истории», автор подразумевает победу либерализма над авторитаризмом. По мнению Фукуямы, конфликт, который существовал между социализмом и капитализмом, закончился. Однако политические противоречия сопровождают развитие любого государства, а поскольку формируется глобальная цивилизация, то конфликты в таком мире неизбежны. Фукуяма в связи с этим подчеркивает, что конфликт между государствами, принадлежащими к различным типам цивилизаций, будет по-прежнему возможен [17].

В. Авксентьев считает, что «интерес к «конфликту цивилизаций» сохраняется в мире благодаря действиям различных групп людей, принадлежащих к разным культурно-цивилизационным типам. В условиях всеобщей глобализации формируются крупные и сложные противоречия, которые не поддаются объяснению с точки зрения рационалистического подхода. Трансгрессивность современной науки предусматривает и иррациональность, ведь не только через материальные, а и через духовные ценности человек определяет своё место в мире. Такие понятия, как цивилизация, цивилизационный фактор, цивилизационная идентичность, в современных теоретических исследованиях начинают занимать уже ведущее место, претендуя на роль альтернативы рационалистическому объяснению или на равный с ним статус [1, с. 147].

Данное положение имеет особое значение, так как этнополитический конфликт всегда содержит иррациональные компоненты. К примеру, историческая память не может быть интерпретирована рациональным образом, однако она сохраняется в сознании нескольких поколений и может иметь принципиально разные смысловые оттенки у разных этнических групп, проживающих на одной территории. В свою очередь, основные элементы исторической памяти встроены в механизм цивилизационной идентификации, что может оказывать существенное влияние на развитие этнополитического конфликта.

Список литературы

1. Авксентьев, В. А. «Конфликт цивилизаций» в региональном преломлении: Кавказ и Балканы / В. А. Авксентьев, Б. В. Аксюмов // Полис. — 2007. — № 4. — С. 146–157.
2. Аклаев, А. Р. Этнополитическая конфликтология: анализ и менеджмент : учебное пособие / А. Р. Аклаев. — М. : Дело, 2005. — 472 с.
3. Бердяев, Н. А. К спорам о германской философии. Падение священного русского царства : публицистика, 1914–1922 гг. / Н. А. Бердяев. — М. : Астрель : АСТ, 2007. — 1179 с.
4. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. — М. : Наука, 1990. — С. 43–271.
5. Булгаков, С. Н. Война и русское самосознание / С. Н. Булгаков. Русские философы о войне. — М. : Кучково Поле, 2005. — 495 с.
6. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. — М. : Ин-т рус. цивилизации, 2008, — 816 с.
7. Достоевский, Ф. М. Дневник писателя: в 2-х т. / Ф. М. Достоевский. — М.: Книжный клуб 36.6, 2011. — Т. 2. — 751 с.
8. Киселёв, С. Г. Основной инстинкт цивилизаций и геополитические вызовы России / С. Г. Киселёв. — М. : Изд-во «Известия», 2002. — 368 с.
9. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI веке / А. С. Панарин. — М. : Алгоритм, 2003. — 560 с.
10. Сенюшкина, Т. А. Национальные школы политической науки / Т. А. Сенюшкина, К. В. Темненко // Политическая наука в Украине: становление и перспективы / под ред. О. А. Габриеляна, А. Д. Шоркина. — Симферополь, 2002. — 344 с.
11. Сенюшкина, Т. А. Через конструирование идентичности – к столкновению цивилизаций? / Т. А. Сенюшкина // Христианство и ислам – диалог культур и цивилизаций: тезисы докладов международной научной конференции, 16–20 мая 2011 г., Севастополь / под ред. Ю. А. Бабинова. — Севастополь : Рибэст, 2011. — С. 78–79.
12. Сенюшкина, Т. Концептуальное обоснование философии нации в цивилизационной теории Н. Я. Данилевского / Т. А. Сенюшкина // Наукові записки Інституту політичних і етнонаціональних досліджень НАНУ. — К. : ІПіЕНД, 2003. — Вип. 24. — С. 204–211.
13. Соловьёв, В. С. Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории / В. С. Соловьёв. — М. : Мысль, 1989. — 780 с.
14. Сравнительное изучение цивилизаций / Сост., [авт. вступ. ст., с. 8–35, и ред.] Б. С. Ерасов. — М. : Аспект Пресс, 2001. — 556 с.
15. Тойнби, А. Дж. Постижение истории / А. Дж. Тойнби; пер с англ. Е. Д. Жаркова. — М. : Айрис-пресс, 2006. — 640 с.
16. Трубецкой, Е. Н. Избранное / Е. Н. Трубецкой. — М. : Канон. — 1995. — 480 с.
17. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Френсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. — М. : АСТ : ЛЮКС, 2004. — 349 с.
18. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций? / Самуэль Хантингтон // Полис. — 1994. — № 1. — С. 33–48.
19. Хомяков, А. С. Собрание сочинений / А. С. Хомяков. — Париж: YMCA-Press, 1989. — 714 с.
20. Чаадаев, П. Я. Сочинения. Философские письма / П. Я. Чаадаев — М.: Правда, 1989. — 656 с.
21. Шпенглер, О. Закат Европы: в 2-х т. / пер. с нем. И. М. Маханькова. — М. : Айрис пресс, 2004. — Т. 1. — 528 с.
22. Эрн, В. Ф. Сочинения / В. Ф. Эрн. — М. : Правда, 1991. — 576 с.

Vakulova, T. V. The study of ethno-political processes in the light of the civilizational approach: theoretical background

In the article the analysis of the theoretical foundations of civilizational theory, for use in the study of political and ethno-political processes, the rationale for the use of the civilizational approach, discusses the Central position of this approach in the works of the founders of the theory.

Keywords: civilization, civilization theory, ethno-political and political processes, ethnic conflicts.

Статья поступила в редакцию 22.01.2016

Обосновывается актуальность применения SWOT-анализа для определения положения и роли России в БРИКС. С помощью SWOT-анализа были построены матрицы оценки возможностей и угроз, которые существуют для РФ в БРИКС. Результаты исследования показывают, что участие России в проекте БРИКС приносит как преимущества, так и некоторые риски.

Ключевые слова: БРИКС, SWOT-анализ, развивающиеся страны, геополитический проект, многополярность.

Р. И. Шевченко, соискатель

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского

E-mail: radmila_mila_sh@mail.ru

SWOT-АНАЛИЗ РОЛИ РОССИИ В БРИКС

Участие Российской Федерации в таком глобальном проекте, каким является проект БРИКС, содержит в себе как определённые выгоды, так и риски, сопряжённые с этим участием. Именно поэтому важно выявить роль Российской Федерации в БРИКС. Для этого необходимо определить текущее состояние дел в объединении государств-лидеров развивающегося мира, а также спрогнозировать ближайшее будущее России в БРИКС. Это возможно при использовании метода SWOT-анализа.

SWOT-анализ – это метод стратегического планирования, который может быть использован для оценки факторов и явлений, влияющих на существование объединения БРИКС. SWOT-анализ предполагает оценку общей ситуации в странах-участницах БРИКС, оценку сил объединения в целом, и России – в частности. Основанием для этого служит исследование слабых и сильных сторон, с оценкой потенциальных угроз и возможностей. Данная методология предполагает разделение факторов, описывающих объект исследования, на четыре категории: сильные стороны или преимущества (Strengths), слабые стороны или недостатки (Weaknesses), возможности (Opportunities), угрозы (Threats). Российский исследователь О. С. Майсак предложил выделить в современном SWOT-анализе три этапа: «1) выявление перечня факторов, характеризующих внутреннюю и внешнюю среду объекта; 2) оценка и ранжирование выявленных факторов; 3) формулирование стратегий развития объекта на основе пересечений пар факторов SWOT» [2, с. 152]. Именно этот поэтапный подход и был избран для проведения анализа. В ходе исследования были выделены шесть основных параметров или элементов анализа: экономическое поле, политическое поле, демографическое поле, территориальное поле, военное поле и социальное поле. В данных полях может оказываться реальное влияние на развитие объединения государств БРИКС.

Для исследования шести параметров конструирования обзора в таблице 1 выделены наиболее значимые факторы внешней и внутренней среды, которые существуют на данный момент или могут проявиться.

Таблица 1

Характеристика параметров конструирования геостратегического обзора

Название параметра	Наиболее значимый фактор	Описание фактора
1	2	3
Экономический параметр	Россия – крупнейший экспортер энергоресурсов в мире	Отрасль энергетики является ключевой для РФ. Рост поставок энергоресурсов на международном рынке повлечет за собой рост ВВП России и, как следствие, укрепление экономики
	Рост товарооборота России во внешнеэкономических отношениях со странами БРИКС	Рост ВВП. Реализация стратегии импортозамещения и как следствие стабилизация баланса рынка
	Укрепление системы финансового сотрудничества стран БРИКС	Создание странами БРИКС НБР, подписание Договора о создании Пула условных валютных резервов БРИКС, планирование других финансовых проектов

1	2	3
Экономический параметр (продолжение)	Экономическая рецессия в России, в связи с отрицательным влиянием западных санкций на Россию	Спад товарооборота во внешнеэкономических отношениях с бывшими партнёрами – странами ЕС и США
	Экономическое сотрудничество стран БРИКС с США	Высокий уровень товарооборота с США, в особенности у Китая, затрудняет вступление России в более тесные рыночные отношения со странами БРИКС
	Снижение экономического роста в странах БРИКС	Продолжающийся мировой кризис может негативно сказаться на экономических системах стран
Политический параметр	Основной лейтмотив стран БРИКС – неприятие однополярного мира во главе США	Общность ряда геополитических интересов благоприятствует консолидации стран БРИКС, их более тесному сотрудничеству и, как следствие, взаимодействию
	Усиление взаимодействия государств БРИКС по всем глобальным вопросам	
Социальный параметр	Отсутствие институализации (недостаточная формализованность)	Наличие формального объединения и, на его основании, различных функциональных институтов, могло бы увеличить уровень взаимодействия стран
	Социальное неравенство во всех странах БРИКС	Как следствие, угроза возникновения социальных волнений
Демографический параметр	Суммарная численность населения стран БРИКС	Общая численность населения стран БРИКС составляет 43% от населения всего мира. Таким образом, механизм сотрудничества между ними играет важную роль в обеспечении мира, безопасности и стабильности во всем мире, а также продвижении глобального экономического роста
	Снижение численности населения России	Хоть на данный момент демографический фактор России стабилизировался, согласно прогнозам, в ближайшем будущем может случиться значительный спад численности населения
Территориальный параметр	РФ – самое большое государство в мире по занимаемой территории	Является уникальной особенностью страны, которая подразумевает ресурсный потенциал страны
	Существование неразрешенного территориального спора между Индией и Китаем	Рост конфликта между странами негативно отразится на БРИКС в целом и на России, в частности
Военный параметр	Высокий уровень военной мощи России	Является основным инструментом влияния России на международной арене, а также одной из предпосылок для сотрудничества со странами БРИКС
	Рост потенциала военно-технического сотрудничества стран БРИКС	Высокий уровень обмена между странами военным вооружением, техникой и обучением может вывести страны на новую ступень сотрудничества

Также следует отметить, что существует ряд дополнительных, но не менее значимых факторов. К ним относятся:

– возможность сотрудничества между странами БРИКС в сферах энергетики, науки, технологий и инноваций, здравоохранения, спорта;

– угроза роста влияния Китая на формирование экономической и финансовой политики БРИКС.

Все указанные выше факторы перераспределяются в список слабых и сильных сторон участия России в БРИКС, а также список угроз и возможностей для России, обусловленных этим участием (см. таб. 2).

Таблица 2

Матрица сторон, возможностей и угроз

Сильные стороны: – Россия – крупнейший экспортер энергоресурсов в мире – Основной лейтмотив стран БРИКС: неприятие однополярного мира во главе с США (противостояние чрезмерному влиянию США) – Суммарная численность населения стран БРИКС – Самая большая в мире площадь занимаемой территории – Высокий уровень военной мощи России	Слабые стороны: – Экономическая рецессия в России, в связи с отрицательным влиянием западных санкций – Экономические связи стран БРИКС с США – Социальное неравенство во всех странах БРИКС – Отсутствие институализации (недостаточная формализованность)
Возможности: – Рост товарооборота России во внешнеэкономических отношениях со странами БРИКС – Укрепление системы финансового сотрудничества стран БРИКС – Усиление взаимодействия государств БРИКС по решению ключевых глобальных проблем – Сотрудничество в сферах энергетики, науки, технологий и инноваций, здравоохранения, спорта – Рост потенциала военно-технического сотрудничества стран БРИКС	Угрозы: – Снижение численности населения России – Существование неразрешенного территориального спора между Индией и Китаем – Снижение экономического роста в странах БРИКС – Влияние Китая на формирование экономической и финансовой политики БРИКС

Следующим шагом построения SWOT-анализа является оценивание факторов. Сильным и слабым сторонам присваивается оценка A_i по шкале от 0 до 5 (максимальному баллу соответствует значимое проявление фактора).

Для оценки угроз и возможностей используются два показателя:

– вероятность достижения события p_j по шкале от 0 до 1, где единице соответствует максимальная вероятность появления события;

– значимость фактора K_j , характеризующая степень влияния фактора на деятельность государства или объединения по шкале от 0 до 5, где максимальным баллам соответствует высокая степень влияния [1, с. 53].

Для построения взаимосвязей между наиболее влиятельными слабыми и сильными сторонами, угрозами и возможностями внешней среды строится матрица SWOT. Установление этих связей – заключительный этап процесса построения матрицы SWOT. Таким образом, для каждой пары факторов вводится бальная оценка их взаимодействия a_{ij} , (от -5 до 5): при прямой (обратной) зависимости оценка положительная (отрицательная) и чем сильнее зависимость, тем выше оценка по модулю [1, с. 54] (см. таб. 3).

Оценки формируют комплексные параметры A_{ij} :

$$A_{ij} = A_i \times K_j \times p_j \times a_{ij},$$

где A_i – бальная оценка сильной (слабой) стороны компании;

K_j – степень влияния возможности или угрозы;

p_j – вероятность проявления фактора внешней среды;

a_{ij} – степень взаимодействия факторов парного анализа [1, с. 55] (см. таб. 4).

Таблица 3

Матрица SWOT

		Бальная оценка сторон (A _i)	ВОЗМОЖНОСТИ					УГРОЗЫ			
			Рост товарооборота России со странами БРИКС	Укрепление системы финансового сотрудничества в БРИКС	Усиление взаимодействия в БРИКС по решению ключевых глобальных проблем	Сотрудничество в энергетике, науке, технологиях, здравоохранении, спорте	Рост потенциала военно-технического сотрудничества в БРИКС	Снижение численности населения России	Неразрешенный территориальный спор между Индией и Китаем	Снижение экономического роста в БРИКС	Влияние Китая на экономическую и финансовую политику БРИКС
Степень влияния возможностей (угроз) (K _i)			5	4	3	3	2	3	4	4	4
Вероятность проявления фактора (p _j)			0,7	0,6	0,8	0,7	0,8	0,7	0,3	0,6	0,5
СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ	Россия – крупнейший экспортер энергоресурсов в мире	4	4	2	2	3	0	0	0	1	2
	Неприятие однополярного мира странами БРИКС (противостояние чрезмерному влиянию США)	2	4	5	1	3	3	0	2	-3	2
	Суммарная численность населения стран БРИКС	4	2	0	2	1	1	2	1	-1	0
	Площадь РФ – самая большая в мире из занимаемых территорий	5	3	0	0	0	0	-2	0	0	0
	Высокий уровень военной мощи России	5	-1	0	4	2	5	-2	0	-1	0
СЛАБЫЕ СТОРОНЫ	Усиление экономической рецессии в России, в связи с западными санкциями	4	3	-2	-2	-1	-1	-2	0	-2	-3
	Экономические связи стран БРИКС с США	4	-4	-3	-1	-2	-2	0	-1	-3	-1
	Социальное неравенство во всех странах БРИКС	3	-1	0	1	0	0	-1	0	-2	0
	Отсутствие институционализации (низкая формализованность)	1	-2	-4	-1	-1	-3	0	-2	-1	-2

Таблица 4

Матрица комплексных параметров

56	19,2	19,2	25,2	0	0	0	9,6	16
28	24	4,8	12,6	9,6	0	4,8	-14,4	8
28	0	19,2	8,4	6,4	16,8	4,8	-9,6	0
52,5	0	0	0	0	-21	0	0	0
-17,5	0	48	21	40	-21	0	-12	0
42	-19,2	-19,2	-8,4	-6,4	-16,8	0	-19,2	-24
-56	-28,8	-9,6	-16,8	-12,8	0	-4,8	-28,8	-8
-10,5	0	7,2	0	0	-6,3	0	-14,4	0
-7	-9,6	-2,4	-2,1	-4,8	0	-2,4	-2,4	-4

Следующим шагом является вычисление суммы взвешенных оценок. Выбор в пользу наиболее значимого с точки зрения стратегии квадранта делается исходя из максимальных по модулю количественных оценок. Интегральные оценки возможностей, угроз, сильных и слабых сторон представлены в таблице 5.

Интегральные оценки SWOT-анализа

Элементы SWOT-анализа	Интегральная оценка
Сильные стороны	
Россия – крупнейший экспортер энергоресурсов в мире	145,2
Основной лейтмотив стран БРИКС – Неприятие однополярного мира во главе США (противостояние чрезмерному влиянию США)	77,4
Суммарная численность населения стран БРИКС	64,4
Высокий уровень военной мощи России	58,5
Площадь РФ – самая большая в мире из занимаемых территорий	31,5
Слабые стороны	
Экономические связи стран БРИКС с США	-165,6
Экономическая рецессия в России, связанная с отрицательным влиянием западных санкций	-71,2
Отсутствие институализации (недостаточная формализованность)	-34,7
Социальное неравенство во всех странах БРИКС	-24
Возможности	
Рост товарооборота России во внешнеторговых отношениях со странами БРИКС	115,5
Усиление взаимодействия государств БРИКС по решению ключевых глобальных проблем	67,2
Сотрудничество в сферах энергетики, науки, технологий и инноваций, здравоохранения, спорта	39,9
Рост потенциала военно-технического сотрудничества стран БРИКС	32
Укрепление системы финансового сотрудничества стран БРИКС	-14,4
Угрозы	
Снижение экономического роста в странах БРИКС	-91,2
Снижение численности населения России	-48,3
Влияние Китая на формирование экономической и финансовой политики БРИКС	-12
Существование неразрешенного территориального спора между Индией и Китаем	-7,2

Таким образом, SWOT-анализ показал, что для стран БРИКС существует ряд возможностей в различных направлениях деятельности, но доступных при условии достаточного взаимодействия пяти государств на различных уровнях. С другой стороны, рост такого сотрудничества имеет свои негативные последствия, связанные с угрозами как внутренними, так и внешними.

В настоящее время в БРИКС уже происходят определенные процессы. Одни из этих процессов можно отнести к преимуществам, другие – к недостаткам. Соприкоснувшись с изучаемыми возможностями и угрозами, парное взаимодействие показателей оказалось, в некоторых случаях, обратным. Так в случае с сильной стороной России – ее военной мощью, и возможностью роста товарооборота со странами БРИКС – была проставлена хоть и незначительная, но отрицательная оценка. Это связано с тем, что часть расходов на развития военной отрасли могли бы пойти на развитие, к примеру, производственных мощностей страны. К обратному случаю можно отнести все ту же возможность увеличения уровня экономических отношений России с «развивающимися странами», но в корреляции уже с отрицательной стороной – экономической рецессией, в связи с отрицательным влиянием западных санкций. В данном случае была проставлена положительная

парная оценка, так как из-за прекращения товарооборота с западными странами России приходится искать новые рынки. Несмотря на то, что для России это недостаточно положительно, на данном этапе рассматривался отдельный фактор – рост импорта /экспорта со странами БРИКС и его взаимосвязь с негативным влиянием экономических санкций.

Наиболее значимой сильной стороной России является наивысший уровень экспорта энергоресурсов во всем мире. Это связано с тем, что энергетическая отрасль является одной из наиболее важных на мировой арене, позволяя Российской Федерации в разных мерах использовать возможности роста сотрудничества во всех сферах (кроме военной).

Следующим по значимости преимуществом для России является то, что основной лейтмотив стран БРИКС – неприятие однополярного мира во главе США (противостояние чрезмерному влиянию США). Данная сильная сторона, как и предыдущая, усиливает большинство возможностей реализации сотрудничества в различных областях и даже способствует защите от нескольких угроз. Неприятие однополярного мира во главе США является основной предпосылкой для укрепления системы финансового сотрудничества стран БРИКС. С другой стороны, снижение экономического роста в странах БРИКС может повысить их экономическую зависимость от США, что может негативно сказаться на сотрудничестве между «развивающимися странами».

Наивысшая значимость экономических факторов является подтверждением важности наличия в международных отношениях, в первую очередь, не геополитической, а геоэкономической стратегии. На данном этапе, экспортной специализацией России является только энергетическая отрасль. Несмотря на то, что в данной сфере страна занимает лидерские позиции, это не является надежным основанием конкурирования на международной арене. Российской Федерации необходимо осваивать новые рынки, путем наращивания собственных производственных мощностей, модернизируя их, применяя инновационные технологии. Такая ориентация геоэкономической стратегии государства позволит получить ему больше преимуществ от сотрудничества со странами БРИКС, а также укрепить сотрудничество за счет роста уровня экономического взаимодействия между государствами группы БРИКС.

Список литературы

1. Арутюнова, Д. В. Стратегический менеджмент / Д. В. Арутюнова. – Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2010. – 122 с.
2. Майсак, О. С. SWOT-анализ: объект, факторы, стратегии. Проблема поиска связей между факторами / О. С. Майсак // Прикаспийский журнал: управление и высокие технологии. – 2013. – № 1 (21). – С. 151–157.

Shevchenko, R. I. The SWOT-analysis of the role Russian Federation within BRICS

The article summarizes the relevance of the use of the SWOT-analysis to determine the current status and role of Russia in the BRICS. As a method of strategic planning, SWOT-analysis is needed to assess the factors affecting the present situation and prospects for the group of developing countries. As a result of the SWOT-analysis were built assessment matrix in which it was concluded on the importance of different factors, as well as the opportunities and threats that exist for the Russian Federation in BRICS. Also, it is determined that Russia's participation in the project as the BRICS brings certain advantages and risks associated with others. The most powerful strength of Russia is the highest level of energy exports worldwide. This is due to the fact that the energy industry is one of the most important on the world stage, thereby allowing the Russian Federation to the various measures the growth opportunities of cooperation in all areas (except military).

The next significant advantage for Russia is that the main leitmotif of the BRICS countries – opposition to a unipolar world led by the United States (US opposition to undue influence). The highest importance of economic factors is a confirmation of the approval of the importance of having international relations, first and foremost, not a geopolitical and geo-economic strategy.

Keywords: BRICS group, SWOT-analysis, developing countries, geopolitical project, multipolarity.

Статья поступила в редакцию 26.01.2016

УДК 327.39:114(477)

Рассматриваются причины упущенных возможностей в сфере российской «мягкой силы» на Украине. Авторская концепция объяснения проигрыша России информационной войны на Украине включает обоснование необходимости выдвижения нового российского цивилизационного проекта, без которого Москва проигрывает и информационную и цивилизационную войну одновременно. В этих условиях любые, даже огромные материальные и технологические ресурсы, брошенные на формирование положительного имиджа России в мире, будут неэффективными.

Ключевые слова: Россия, Украина, конкуренция, «мягкая сила», цивилизационный проект.

А. А. Ирхин, доцент, д-р полит. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: alex.irhin@mail.ru

БОРЬБА ЗА «УМЫ И СЕРДЦА» НАРОДА УКРАИНЫ: РОССИЙСКИЕ ПОЗИЦИИ И ПРИЧИНЫ УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

В основе современной конкуренции ведущих держав мира лежат два основных пространства борьбы – борьба за ресурсы и конкуренция за смыслы и идеи, которые формируют власть над умами народов и целых цивилизаций. Под цивилизацией в исследовании будет пониматься высшая культурно-политическая общность, в основе которой лежат три основных фактора – Бог, одинаковое и общее отношение к истории и язык коммуникации и смыслов. Смыслы стали современным базисом информационных войн, в основе которых лежат много раз апробированные методы пропаганды, которые, однако, благодаря глобализации информационного пространства, стали оружием массового поражения. Принципиальная цель любой информационной войны – это разум каждого человека. Зачем агрессору уничтожать туземные народы, а затем заселять и осваивать эти территории, если их можно заставить относительно бесплатно работать на себя?

И здесь позиции современной России представляются весьма неопределенными. Проблема в том, что в информационном, а шире – в цивилизационном противоборстве – Россия не предлагает ничего своего, а конструирует свою позицию исходя из логики защиты и вторичной идентичности – «Мы не Запад», «Мы не Восток» [3]. Такой подход изначально ставит нас в убыточные рамки в данной конкуренции. Впервые от такой позиции отказался президент В. В. Путин, повысив эмоциональный уровень субъектности РФ в пространстве смыслов: «Это не Россия находится между Востоком и Западом, а Запад и Восток находятся слева и справа от России». Однако сильная харизма российского президента не снимает сути актуальной проблемы, которая заключается в отсутствии геополитического и цивилизационного проекта, упирающегося в концепцию новой российской идентичности.

После целенаправленного развала советского проекта российское государство и общество столкнулось с нерешенной до настоящего времени проблемой идентичности. Констатация того, что попыток сформулировать новую российскую идентичность не было, была бы неверным фактом. Бывшие коммунистические лидеры-атеисты ударились в дикий капитализм, внедряя реформы по разгосударствлению советской экономики, и стали глубоко верующими людьми. Новая Россия приняла в качестве господствующей идеологии демократию западного образца. Все это сопровождалось масштабным ограблением российского населения, масштабным переписыванием истории и внедрением различных информационных технологий и реформ, разрушающих общество и остатки побежденного в «холодной войне» государства. Затем были попытки сформулировать особую форму российской «суверенной демократии», как бы западной, но с российскими особенностями. После – Россия буквально оказалась в ситуации раскола между двумя непримиримыми идеологиями белой и красной России.

Современные белый и красный проекты скорее можно отнести к российской консервативной идеологии, однако примирение между ними возможно только в случае внешней прямой агрессии. Внутреннего общего поля для компромисса между ними не существует. В настоящее время сторонники белого пути России призывают вернуть государство и общество к дореволюционному пути развития, то есть зовут нас в позапрошлый век, где церковь, царь и Отечество были столпами Российской империи. Сторонники красного проекта призывают возвратиться к советской модели развития, пересмотреть итоги приватизации 1990-х, отдать под суд чиновников, которые проводили «рыночные» реформы. Одним из отражений конкуренции белого и красного проектов является противостоя-

ние российской элиты и российского народа. Ведь основная проблема, вокруг которой «ломаются копья», – это вопрос распределения экономических благ. В итоге Россия оказалась в состоянии гражданской войны. Белые и красные элиты по-разному понимают историю России, интерпретируя под себя исторические факты, на которых основывается политическая идеология. Основными проблемами в этом дискурсе являются: Великая Октябрьская социалистическая революция или Октябрьский переворот, вопрос о личности И. Сталина, как об отце народов или кровавом тиране, проблема победы в Великой отечественной войне, как великого достижения или запредельной цены за нее, вопрос о развале СССР, как о великой геополитической катастрофе или неминуемой гибели «Империи зла».

И косвенно, и напрямую белая элита играет в пользу либерального прозападного проекта. Ведь именно либеральные политики и историки всеми силами дискредитировали достижения советского периода. При этом противопоставление белого и либерального проектов выглядит в России неумело – во всех ключевых позициях по истории XX века они имеют практически схожие точки зрения, различаясь в косметических нюансах.

В подавляющем большинстве российская как политическая, так и экономическая элита полностью интегрирована в западный проект, поэтому по своей природе она либеральна: она эвакуирует свои финансы на Запад, покупает там недвижимость, посылает туда учиться и жить своих детей. Сама модель российской современной экономики, несмотря на начавшееся холодное противостояние с Западом, остается подсистемой западной экономики. Противостояние с конкурентом в такой модели выиграть невозможно. Такая раздвоенность российских военно-политических и экономических интересов порождает проектную неопределенность России. Она же порождает и противостояние между элитой, которая пытается сохранить свои ресурсы, и российским народом, который пытается вернуть России былую славу великой державы после двух с половиной десятилетий унижений. Получается интересный социально-политический парадокс внутри России, когда российская элита различными теневыми схемами буквально обворовывает свой народ (правда, сейчас это называется, зарабатывает) и пытается спрятать эти ресурсы в банковских системах исторического врага этого же народа, увеличивая, по сути, ресурсные возможности Запада в борьбе против своего же народа и себя.

История в этих условиях становится основным идеологическим полем войны за умы и сердца россиян в условиях несформированной российской идеологии. Исторический сегмент присутствует во всех сферах информационной конкуренции. К примеру, в 2015 году вопрос отношения к победе СССР в Великой Отечественной войне стал разделительным между Украиной и Россией. Любая великая нация нуждается в символах победы. У России этот символ, 9 мая 1945 года, остался едва ли не единственным. Более того, этот исторический факт является объединительным для народов СССР. Факт победы был размыт информационно-политическими технологиями на Украине. Посредством новых исторических мифов украинский народ за 24 года проходил процесс перекодировки, кульминацией которого стал Майдан 2014 года. При этом информационной политики России в Украине не было с момента развала СССР. Исходя из имеющихся на сегодняшний день результатов, Россия на Украине проиграла информационную войну практически «в сухую», в том числе историческое измерение этой войны: любой исторический факт от древнерусского периода до современности имеет как минимум антироссийскую интерпретацию.

В чем фундаментальные причины такого проигрыша России? Основой такого положения дел является проигрыш Россией цивилизационной войны внутри страны. Отказавшись от Советского проекта, российская элита приняла в качестве господствующей идеологии демократию западного образца, не предложив ничего своего. Именно это положение сохраняется и по сегодняшний день. Объективно сам исторический процесс, сама история как наука, находится в методологических рамках интерпретации, которые существенно варьируют возможности получения, трактовки и прикладного применения исторических знаний в качестве политической идеологии.

Кроме уже хорошо разработанных принципов исторической науки: историзма, объективности, альтернативности, можно выделить три закона исторической науки, предлагаемые автором:

1) История является основой любой политической идеологии.

2) Историю пишут победители, то есть элиты, которые победили в политической борьбе с внешними или внутренними конкурентами.

3) Нет предела интерпретации исторического факта.

Данные законы существуют в тесной взаимосвязи друг с другом. История и ее интерпретация являются столпом определения цивилизации как наивысшей культурной общности. В этом контексте исторический сегмент новых российских смыслов должен будет однозначно интерпретировать факты истории России и истории международных отношений под разработанную политическую идеологию, не допуская возможности неоднозначных суждений.

Без выдвижения цивилизационного проекта Россия проигрывает и информационную и цивилизационную войну одновременно, так как первая соотносится с последней, как часть и целое. Любые, даже огромные, материальные и технологические ресурсы, брошенные на формирование положительного имиджа России в мире, будут неэффективными. Справедлив будет и вывод о том, что российская «мягкая сила» (то есть, культурное и информационное влияние) в принципе не может быть эффективной в таких условиях. Даже в странах третьего мира или периферии мирового капитализма, где уровень антиамериканизма достаточно высок из-за системы ограбления, построенной США, Москва может только играть на этих антиамериканских мироощущениях, однако она не может ничего предложить взамен, будучи материальной и идейной периферией США. А из этого следует, что отсутствие субъектности России в отношении Запада делает опрометчивым любой антизападный и пророссийский выбор для зарубежных элит, когда такой выбор будет стоять перед ними.

Итак, Россия подошла к этапу очередного передела мира на условиях размытой внутренней идентичности между красным, белым и либеральным проектами, и набирающим вес проектом исламского государства ИГИЛ, что делает ее внутреннюю консолидацию маловероятной, а внешнюю политику, по крайней мере ее информационную часть, неконкурентоспособной в отношении других субъектов, которые являются одновременно носителями цивилизационных ценностей и проектов формирующегося нового мирового порядка.

Поэтому, на данном историческом этапе развития Россия должна выдвинуть с одной стороны концептуально насыщенный, а с другой – понятный и доступный в пространстве смыслов проект для объяснения для себя и за рубежом следующих направлений: Кто мы? Куда мы идем? Во имя чего? Без этой мироустроительной российской концепции невозможно иметь по настоящему успешную внешнюю политику и ее информационное измерение в условиях, когда западная цивилизация намерена построить новый мир за счет побежденной в холодной войне стороны.

Какие же запросы на смыслы существуют в современном российском обществе?

На этот вопрос отвечают данные панельного исследования ВЦИОМ 2013 года, в ходе которого были получены следующие ответы на несколько предложенных альтернатив:

- перемены надо проводить «сверху», «жесткой рукой», власть должна показать свою силу и решительность – 62,8 %;
- перемены надо проводить «снизу», опираясь не только на власть, сколько на инициативных людей, здоровые силы внутри самого общества – 29,7 %;
- России необходима «твердая рука», которая наведет в стране порядок – 69,2 %;
- политические свободы и демократия – это то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах – 23,1 %;
- необходимы укрепление роли государства во всех сферах жизни, национализация крупнейших предприятий и отраслей, жесткое подавление коррупции, ограничение вывоза капитала и потребительского аппетита элиты – 70,7 %;
- необходима либерализация всех сфер жизни, освобождение бизнеса от власти чиновников, усиление конкурентности, высвобождение инициативы граждан – 21,8 %.

Таким образом, либеральный путь развития поддерживает немногим более 20 % россиян. Гораздо больше – примерно 70 % – тех, кто высказывается за иной, довольно жесткий сценарий с целью мобилизации ресурсов для решения стратегических задач страны, радикального обновления российского политического класса [1, с. 168].

Примечательно, что приведенные данные полевой социологии относятся к периоду до присоединения Крыма, то есть, можно предполагать, что в условиях обострения отношений с Западом, запрос на авторитарную, социально-справедливую, консервативную эволюцию в обществе усилился.

При этом необходимо учитывать, что идеи должны подкрепляться в материальном мире. И здесь анализ успехов внешней политики России связан с двумя методологическими подходами – Екатерины II и И. В. Сталина.

К примеру, в период развития капитализма Российская империя в экономическом отношении и разделении труда была периферией Запада, но при этом Екатерина II решила три внешнеполитические задачи: возвращение украинских и белорусских земель, закрепление России на Черноморском побережье (Крым, Кубань) и на прибалтийских берегах (современные страны Балтии). Ее успех объясняется, кроме прочего, и тем, что в течение «долгого восемнадцатого столетия» с 1688 по 1815 годы Британия и Франция постоянно воевали между собой преимущественно за пределами Европы (разброс фронтов был от Западного полушария до Юго-Восточной Азии). Они боролись за статус мировой державы номер один, который оставила за собой Британия. Континентальными же вопросами были заняты Пруссия, Австрия и Россия, именно они делили Польшу. Затем конкуренция

переместилась в Европу, и Россия формировала Венскую систему международных отношений, которая просуществовала до Крымской войны.

Модель политики Екатерины II показывает, что Россия может успешно противостоять Западу, будучи его экономической периферией, и возвращать русские земли, при условии, что Запад разобщен, а наибольший эффект достигается, когда он занят внутренними конфликтами между ведущими державами западной цивилизации, как во время «длинного восемнадцатого столетия». История наполнена подтверждающими примерами этой модели и после эпохи Екатерины II, но «прорыв» в продвижении российских интересов в периферийном положении российской экономики произошел именно при Великой императрице. На методологическом уровне в этой модели система связей, союзов и колоний Запада была заорганизована внутренними конфликтами, что явилось главной причиной успехов Екатерины II. Хотя, при Великой Императрице у России существовали смыслы, которые она несла за пределы своих границ – Греческий проект, который имел высокий уровень идентичности и внутри государства.

Модель политики И. В. Сталина предполагала проектную экономическую, военно-политическую, технологическую, культурно-духовную и смысловую автаркию (самодостаточность) и, как следствие, большую возможность в реализации своих интересов в независимости, или, по крайней мере, в меньшей зависимости от силы или слабости Запада [4, с. 12].

Украинский сегмент российских смыслов необдуманно игнорировался последние 25 лет. В итоге Россия получила враждебное антирусское 40 миллионное население, готовое умереть за исторические мифы, разработанные и привитые американскими «мозговыми центрами». Из 1776 «фабрик мысли» США над украинской проблематикой в той или иной мере работает 600 правительственных и частных аналитических институтов, которые вносят свой вклад в разработку и реализацию антироссийской политики Украины. Американцы достигли молекулярного понимания украинской проблемы за счет привлечения к исследованиям экспертов-выходцев из разных частей Украины и из американских и канадских украинских диаспор. Ключ к пониманию современных украинских мифов лежит в плоскости украинского национализма, зародившегося на западной Украине в XIX веке. Первоначально он носил пророссийский и антиавстрийский характер. Однако после присоединения Восточной Галиции к СССР в 1939 году этот же национализм стал сугубо антироссийским. Во время оккупации Германией, украинские националисты сначала были ее верными союзниками, однако вскоре стали антисистемным элементом для Третьего Рейха. Таким образом, по своей природе украинский национализм является антисистемным в отношении любой государственной системы, в которую он интегрируется. Проблема для России обнаруживается в том, что в условиях отсутствия собственно российских смыслов, украинский национализм предложил эти смыслы для Украины, даже если считать эту территорию временной потерей для «Русского мира».

Для России Украина исторически являлась ключом к Польше. В средние века и в начале нового времени Польша была экзистенциальной угрозой для России. Овладев украинским коридором для вторжения в российские земли, она не раз угрожала самому существованию российской державы. Поэтому для русских царей в украинском вопросе всегда стояли две проблемы – создание союзного польского государства и возвращение украинских земель. При возвращении украинских земель за счет разделов Польши это были две взаимоисключающие задачи. Две проблемы смог решить только И. В. Сталин, возвратив западно-украинские земли в 1939 году, а в 1945 году создав просоветский режим в Польше. До И. В. Джугашвили всегда удавалось решить только одну задачу – ведущие державы западной цивилизации не отдавали Западную Украину России, тем самым удерживали исконно русские земли в своем смысловом поле. В то же время, разделы Польши и создание Варшавского воеводства поглощали массу российской имперской энергии для решения польского национального вопроса, а сама Польша стала коридором для вторжения западных государств в Россию – от Наполеона до Гитлера – и Варшава продолжает сохранять такое положение до сегодняшнего дня. По сути, такой региональный расклад сил отражает узел современных российско-украинских отношений. В этом контексте необходимо отметить, что решение двух задач стало возможным при выдвигании Советской Россией цивилизационного смыслового проекта, подкрепленного успешной экономической моделью развития. По всем стратегическим направлениям экономики советская модель имела самодостаточное положение с передовыми показателями, а суммарный ВВП составлял от 20 до 25 % от мирового. Для сравнения, современная Россия – это 1,5 % от данного показателя.

В самые короткие сроки Россия должна предложить Украине конкурентные смыслы развития и отказаться от вторичной западной идентичности, в рамках которой она и проиграла Украину. И при этом необходимо однозначно признать, что размытые идеи «Русского мира» оказались неконкурентоспособными на Украине. Идеи Новороссии не стали критической массой для запуска процесса федерализации. Инерция смыслов общей победы в Великой Отечественной войне уже не

работает, особенно на уровне массового сознания поколения, которое реализовывало идеи второго украинского Майдана.

Формула мироустроительных российских смыслов должна гармонично сочетать Российские имперские и украинские национальные интересы. На первый взгляд трудноразрешимая задача, однако, исторический опыт показывает, что она успешно решалась российской элитой не один раз. Но без модернизации российских смыслов и экономики России не выиграть конкуренцию великих держав на Украине. Системный подход в борьбе за «украинские умы и сердца» должен включать элементы прямых и косвенных действий. Косвенными действиями должны стать процессы, ускоряющие демонтаж нынешнего украинского политического режима, и шире – смысловой матрицы. Украина стремиться последние 25 лет стать частью Запада. Самым эффективным ударом по этой матрице было бы создание угрозы со стороны западных соседей. Выдвижение территориальных претензий со стороны Польши, Венгрии, Румынии, Словакии на «исконно национальные земли» данных этнических меньшинств послужит сильнейшим катализатором разрушения прозападной смысловой матрицы существования Украины. Данный эффект носил бы косвенно пророссийский характер. Ведь решение двух исторических задач Украины – выход к Черному морю и возвращение правобережных и западных земель было осуществлено в рамках единой Российской империи, то есть за счет всей России. Однако косвенные меры должны дополняться прямыми воздействиями России в выдвижении собственных смыслов развития. Далее будет предложена смысловая интеграционная модель России и Украины, которая может быть успешно реализована российской элитой при переходе от вербального к реальному курсу консервативной модернизации. При этом необходимо учитывать, что Украина является ключом к евразийской интеграции и именно через нее на неопределенное время торпедирован этот внешнеполитический курс России.

Первым условием реализации интеграционного проекта является отказ от двойной зависимости российской и украинской экономических систем и выхода их из положения полупериферии и периферии соответственно: отказ от экспортной зависимости исключительно в энергетической и сырьевой сфере и отсоединение от мирового финансового центра. Это условие в настоящее время разделяет постсоветские элиты и общества. Первые получают максимальные прибыли, а условия сырьевой специализации были основой интеграции экономических систем постсоветских государств в мировую экономику. Основная же часть населения столкнулась при этом с колоссальной деградацией социально-экономической системы и сбрасыванием элитой основных социальных обязательств. Общим результатом такого сценария стало катастрофическое падение рождаемости и продолжительности жизни.

Такая зависимость постсоветских экономик делает практически невозможной интеграцию, обнуляя субъектность интеграционного центра и делая справедливым следующий вывод – нельзя реализовать интеграционную модель, противоречащую интересам геополитического конкурента, будучи его экономической и смысловой периферией. Положение полупериферии дает определенный шанс, однако и в этой парадигме интеграция может быть только контролируемой извне, что делает проект исключительно уязвимым. В данном контексте интеграция постсоветского пространства будет проходить исключительно как внешний контролируемый проект, который в любой момент может быть обвален как ценами на сырье на мировых рынках, так и финансовыми манипуляциями. Первое условие предполагает также создание через модернизацию экономической модели, способной обеспечить выживаемость в конкурентной борьбе, технологических условий, которые будут сформированы в ближайшие несколько лет при попытках выхода из мирового экономического кризиса. Исторический опыт депрессии 30-х гг. XX в. показывает, что СССР в это время сформировал авторитарную модель организации своего пространства, которая была максимально защищена от внешнего деструктивного экономического и военно-политического влияния. Таким образом, современная Россия как интеграционный центр должна стать привлекательной для постсоветских государств, прежде всего, в социальном аспекте.

Неизбежным в таком сценарии является проведение наиболее дорогого в стоимостном отношении процесса инновационной и индустриальной модернизации. Экономические исследования показывают, что минимальная емкость рынка, оправдывающая технологические инвестиции, составляет 200 млн. потребителей и, таким образом, Украина, Беларусь, Россия и Казахстан – это ядро, которое формирует указанное условие емкости рынка – 203 млн. потребителей. В случае сохранения положения полупериферии и периферии, в модернизации будет нуждаться энергетический сектор. Этот вариант дешевле, однако, он не дает продолжительных и системных перспектив, и государственные системы будут и дальше сбрасывать социальные обязательства и терять демографический потенциал пространства.

Вторым элементом долговременной и успешной идеи интеграции является создание военно-политического блока, задача которого состояла бы в обеспечении защиты социально-экономического проекта. Данная организация могла бы быть развернута в расширенном формате ОДКБ.

Третьим условием является выдвижение конкурентоспособной идеи в пространстве смыслов, которая бы аргументировала для внешних центров необходимость существования интеграционного проекта, но основная её задача должна состоять в формировании наднациональной идентичности внутри имперского Большого пространства. Мироустроительная идея должна в сущностном плане подходить под местные интересы, соединяя их с общеимперскими, то есть экзистенциально объяснять будущее объекта и субъекта интеграции. Для Украины – это объединение национального проекта и российского общеимперского.

Четвертой необходимой составляющей российско-украинского интеграционного проекта как ключа евразийской интеграции является внедрение механизмов по контролю над материальным потреблением элиты и выдвижение социального проекта. Россия и Украина, в сущности, небогатые страны. Их социально-экономические системы не в состоянии удовлетворять одновременно сверхпотребление олигархических слоев, обеспечивать социальные обязательства, развивать конкурентоспособный ВПК и армию, инвестировать в экономический и технологический комплексы. Причем такое положение относительной бедности России по сравнению с Западом воспроизводилось в исторической ретроспективе, как в положении полупериферии, так и в короткий период советского авторитарного проекта. Однако последний, за счет ограниченности потребления элиты, обеспечивал более равномерное распределение экономических благ по всей вертикали социального потребления, инвестиции в ВПК, армию и научно-технологический сектор.

Пятый элемент интеграционной модели неразрывно связан с предыдущими, – разработка и реализация широкого социального проекта. Социальный проект является стержневой идеей, способной дать мощнейший импульс реинтеграции постсоветского пространства «снизу». Сама по себе идея социальной справедливости всегда была популярной на Большом евразийском пространстве, на этой концепции создавался СССР, который сам являлся воплощением конкурентоспособной идеи в пространстве смыслов – парадигмы социальной справедливости. Представляется, что в современных условиях, идея социальной справедливости должна начать реализовываться именно в России. Формы её воплощения могут быть разными – от реприватизации самых прибыльных и конкурентоспособных предприятий, которые были отторгнуты от государственной собственности в 90-е гг. XX в., до внедрения системы более равномерного распределения ВВП в стране.

В пространстве смыслов идея социальной справедливости способна успешно конкурировать с националистическими идеологиями, которые активно эксплуатируют постсоветские элиты. На общем уровне данная эксплуатация имеет прямое материальное измерение – местные элиты не желают делиться с центром доходами для поддержания общеимперской системы, но взамен предлагают своему населению националистическую, а не социально ориентированную идеологию развития с пояснениями, что «за свободу» необходимо платить капиталистической эксплуатацией и отказом государства от социальных обязательств перед населением: от системы ЖКХ до медицины и сферы образования. В настоящее время, лидером по неравномерности распределения национального дохода является Россия («коэффициент Джини» составляет более 40 %, а в Украине чуть более 28 %).

Украина в цивилизационном отношении является разделенным государством. Сохранение её территориальной целостности возможно в рамках независимого государства при слабой централизации либо при вхождении в интеграционную модель, которая будет «замораживать» различные противоречия в рамках системы Большого пространства. При современной экономической и политической модели развития постсоветского пространства перед украинской элитой, за исключением узкой перспективы совместных решений, стоит дилемма выбора. Как для российской, так и для элиты других постсоветских республик центром политической и экономической легитимности является Запад. Перед украинскими лидерами стоит вопрос о сомнительности интеграционных моделей, выдвигаемых Россией, элита которой, наряду с украинской, имеет один и тот же источник политической и финансово-экономической легитимности.

Украина, Беларусь, Россия и Казахстан составляют интеграционное ядро постсоветского пространства. При этом исторический опыт показывает, что интеграция и кластеризация регионального экономического и военно-политического блока Большого евразийского пространства возможны как в условиях полупериферии экономики, так и при изменении этого состояния в пользу формирования самодостаточной экономической модели.

Преимущества интеграции Украины в Евразийское пространство могут быть обоснованы исходя из следующих факторов.

Во-первых, Украина имеет долговременный исторический опыт интеграции с Россией. Оценивая его с различных точек зрения, необходимо отметить, что сам факт современного существования украинского государства, по территории сопоставимого с французским, а этноса – по численности крупнейшего из восточнославянских народов, является объективным положительным индикатором совместного интеграционного проекта в составе России и Украины.

Во-вторых, Украина в системе Евразийского пространства получала привилегированное положение исходя из своего географического положения и более мягкого климата, поэтому здесь размещались сборочные цеха, наукоемкие производства и сельскохозяйственные ресурсы, которые были инкорпорированы в общеимперскую систему экономических связей, находя потребителя в рамках обширного рынка. Такое положение связано с реализацией восточных имперских традиций.

В-третьих, украинская культура является восточнославянской, родственной российской, однако отличающейся своим колоритом и звучанием. Она находила основного потребителя не на Западе, а на Востоке Евразии.

В-четвертых, последний в хронологическом отношении этап интеграции Евразийского пространства позволил создать на его территории самодостаточную в военно-политическом, экономическом и социальном плане систему. Украина в составе советской экономической системы производила почти четверть ВВП СССР, обладала развитым научно-технологическим комплексом с автономным культурным положением. Независимое украинское государство, равно как и другие республики бывшего СССР, включая Россию, существуют на инерции его распада, однако ресурсы, которые были заложены прочной советской системой, в настоящее время находятся на стадии исчерпания. Новый рывок в развитии может быть достигнут при регионализации и расширении человеческих и общественных возможностей, выходящих за рамки национальных государств и глобального проекта, вступившего в 2008 г. в стадию глубокого кризиса.

В-пятых, одним из основных преимуществ участия Украины в постсоветской интеграции является принадлежность к одной цивилизации с Беларусью и Россией. Культурная близость со Средней Азией, прежде всего, с Казахстаном, предполагает более комфортную синхронизацию общественных процессов в пространственном проекте на уровне элит и населения, чем участие в интеграционном проекте с государствами, принадлежащими к другой цивилизации.

В-шестых, украинский экономический рост начала 2000-х гг. был связан с архаизацией производства в промышленности и переходом на экспорт продукции с низкой добавочной стоимостью. За узким исключением военных технологий Украина потеряла свой научно-технологический потенциал. В России произошли тождественные изменения, однако Москва изначально, включая советский период, ориентировалась на фундаментальные научные исследования (долговременность и меньший уровень капитализации), тогда, как Киев на прикладные (среднесрочные и краткосрочные прикладные исследования с высоким уровнем капитализации). В итоге, после деградации промышленного производства, Россия сохранила подушку технологической безопасности, а начавшийся переход РФ к инновационной модели дает украинскому государству шанс получить место в едином научно-технологическом пространстве и восстановить возможности государственной системы обеспечивать фундаментальные потребительские блага для населения Украины, выправив кривую социально-экономической деградации [2, с. 253].

Таким образом, стрессовым условием для достижения Россией победы в борьбе за «умы и сердца» народа Украины является модернизация российской экономической системы и российских смыслов развития.

Список литературы

1. Бызов, Л. Г. Современная Россия: в поисках новой национальной субъектности / Л. Г. Бызов // Россия и мир: анатомия современных процессов / под ред. Е.А. Нарочницкой. — М.: Международные отношения, 2014. — С. 147–169.
2. Ирхин, А. А. Геополитические циклы Евразии и национальные интересы Украины / А. А. Ирхин. — Севастополь: Ребест, 2011. — 321 с.
3. Ирхин, А. А. О российской государственной идеологии / А. А. Ирхин // Крымская газета : (online). — 2016. — 10 февраля. — № 19787. — URL: <http://gazetacrimea.ru/news/o-rossiiskoi-gosydarstvennoi-ideologii-21549> (10.02.2016).
4. Ирхин, А. А. Россия и Запад: методологический уровень конкуренции / А. А. Ирхин // Запад – Восток: научно-практический ежегодник / под ред. Г. А. Рокиной. — Йошкар-Ола, 2015. — С. 9–15.

Irhin, A. A. The struggle for «hearts and minds» of the people of Ukraine: the Russian position and the reasons for missed opportunities

The article discusses the reasons of Russian missed opportunities in the sphere of «soft power» in Ukraine. The author's conception of losing Russian information war in Ukraine includes the grounding of advancing the new Russian civilization project, without which Moscow is loosing information and civilization war at the same time. In these circumstances, even the enormous material and technological resources, aimed at creating a positive image of Russia in the world, will be ineffective.

Keywords: Russia, Ukraine, competition, «soft power», civilization project.

Статья поступила в редакцию 11.02.2016

ИСТОРИЯ. КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).02:902.2

Проведен исторический анализ древнеславянских языческих традиций и обычаев, связанных с личной гигиеной и медицинской практикой наших предков как языческой, так и раннехристианской эпох.

Затронута малоисследованная сегодня тема существования и практической деятельности волхвов-лекарей конца X в. – середины XIII в., в частности проанализировал исторический эпизод, связанный с излечением самого известного древнерусского былинного богатыря Ильи Муромца.

Главным источником исследования стали отечественные и зарубежные письменные источники VI-XIII столетий, материалы археологических раскопок Плесского языческого святилища X-XIII вв., древнерусский былинный фольклор.

Ключевые слова: верования, культы, обряды, традиции, лекари, волхвы, бани.

М. Н. Козлов, профессор, д-р ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: kmn_75@mail.ru

ВОЛХВЫ – ЛЕКАРИ (К ВОПРОСУ ЛИЧНОЙ ГИГИЕНЫ И МЕДИЦИНЫ В ЯЗЫЧЕСКОЙ РУСИ)

В исторической науке сложилось представление о языческой Руси как регионе с низким уровнем культуры и отсутствием элементарных представлений о медицине и гигиене. Во многом этому способствовал летописный рассказ о современных Нестору язычниках кривичах и вятичах, которые якобы жили «скотским образом». Летописную легенду с восторгом подхватили ученые, создавшие в свою очередь миф об отсталости и низком культурном развитии древних славян-язычников. Первые элементарные медицинские знания возникли у наших предков, якобы под влиянием христианства и византийской культуры лишь в XI столетии [18, с. 8].

Исторический анализ древнеславянских языческих традиций и обычаев, связанных с личной гигиеной и медицинской практикой наших предков языческой и раннехристианской эпох основная цель данной статьи.

Медицине в раннехристианской Руси посвящено немало интересных научных исследований, в которых современные ученые убедительно показали, что уже в XI-XII столетиях уровень медицинских знаний и навыков был существенно выше, чем в тогдашней Западной Европе [9, с. 106-116].

Известно, что уже в раннехристианскую эпоху у наших предков существовали больницы при христианских монастырях, продавались в специальных лавках лекарства, существовала система карантин в случае возникновения эпидемий. Вся эта система не могла быть слепо заимствована у других народов, поскольку никаких аналогов у соседей Киевской Руси на то время не существовало. Скорее всего, медицина в раннехристианской Руси опиралась на собственные еще языческие традиции.

В частности, у древних славян на высоком уровне была развита личная гигиена. Так, согласно дошедших до нашего времени письменных источников, наши предки отличались исключительной чистоплотностью. Согласно свидетельствам византийских хронистов, которых трудно заподозрить в симпатиях к своим заклятым врагам, славяне выделялись среди соседних народов чистотой своего тела и одежды. Так, Феофилакт Симмокатта, например, упомянул в своей «Хронике» VII века неких северных славян, которые поразили византийцев своей чистотой и добродушием [17, с. 61].

Лев Диакон, описывая бесчеловечные поступки князя Святослава, тем не менее, посчитал нужным сообщить, что древнерусский князь даже во время военных походов отличался от других чистотой тела и одежды [8, с. 32].

Арабский путешественник Ибн-Фадлан, считавший славян бесчеловечными дикарями, также упоминал в своих «Записках путешественника», что славянские купцы и путешественники часто моются в реке. Знатным же людям рабыня каждое утро приносит воду для умывания. После чего они причесывались, брились и мыли голову [2, с. 74,79].

Сведения письменных источников подтверждают и данные археологии. Исследователи языческих курганов и древних поселений часто фиксируют костяные и деревянные гребни для расчесывания волос, ножницы и даже специальные бритвы [1, с. 10; 7, с. 7].

Данные иностранных источников подтверждают и древнерусские летописи. Так, в «Повести временных лет» содержится рассказ о путешествии святого Андрея по Древней Руси. Согласно данному источнику, святой проповедуя христианство на Руси, приехал к новгородским словенам, где увидел странную с его точки зрения картину всеобщего купания местного населения в банях: «И приде въ Словѣны, идѣже нынѣ Новѣгородъ; и видѣ ту люди сущая, како естъ обычаи имѣ, и како ся мыють, хвощуться, и удивися имѣ... и приде въ Римѣ, и рече имѣ дивно видя бани древяны, и пережгутъ е румяно, совлоку, будутъ назѣ, и облыются квасомъ уснянымъ, и возьмутъ на ся прутіе младое, бьются сами себя добияють, егла влезуть ли живи, и облыются водою студеною, тако оживуть...» [13, с. 4].

По мнению современных исследователей, данный летописный рассказ сложился не позднее начала XI ст. Скорее всего, автором летописной легенды стал кто-то из византийских священнослужителей, наводнивших Киевскую Русь в период христианизации. Византийские клирики, в отличие от католического духовенства также отличались чистоплотностью, но с древнерусской баней они ранее не сталкивались. Жуткие впечатления кого-то из византийских священнослужителей и стали основой летописной легенды.

Интересные данные находим в том же источнике под 911 годом. Согласно «Повести временных лет» князь Олег во время своего победоносного похода в Византию поставил одним из главных условий перемирия возможность восточнославянским купцам мыться по приезду в Византию: «да приходятъ Русь, хлѣбное емлють, елико хотять, и иже придуть гостѣ, да емлють мѣсячину на 6 мѣсяць, и хлѣбъ, и вино, и мяса, и рыбы, и овощемъ, и да творять имѣ мовь, елико хотять» [13, с. 13].

О том, что посещение бани после долгой дороги было необходимой традицией у наших предков свидетельствует и летописная легенда о второй мести княгини Ольги древлянам. Согласно данному источнику, Ольга повелела перед тем, как принять у себя древлянскую делегацию гостям «мовь створити... а измывшеся придите ко мне» [13, с. 24].

Согласно последним археологическим исследованиям, уже в языческую эпоху древний Новгород имел деревянные настилы. Они дополнялись водосточными сооружениями по сторонам, позволяющие нечистотам и дождевой воде стекать в близлежащие водоемы [11, с. 89].

Эта первая своеобразная канализация защищала жителей города от грязи и помоев и мешала распространению эпидемий. В современных тогдашнему Новгороду городах западной Европы нечистоты скапливались в городских канавах и лужах. В них жили полчища крыс, разносивших чуму и другую заразу. Интересно, что уже в XI столетии в Новгороде существовал и водопровод, обслуживающий княжеский двор. Вода из нескольких родников самотеком распространялась по деревянным трубам и доходила до непосредственных владений местных князей [11, с. 91-92].

Баня, согласно данным археологии, была обязательной составной частью древнерусской усадьбы наряду со срубной избой и ямой-овином. Вероятно, помимо своей основной функции она играла роль и своеобразного языческого храма у наших предков. В банях рожали младенцев, обмывали покойников. Бани были и местом повиновения умерших предков – навьев. Не случайно в древнерусском языке созвучны слова «мовница» – «баня» и «могила» – «место захоронения» [19, с. 632].

Православная церковь, искоренявшая языческие обряды, сурово осуждала почитания умерших предков в банях. Вместе с тем, само ежедневное посещение бань нашими предками не только не осуждалось православной церковью, но и всячески поощрялось. Так, в «Словах» и «Поучениях» против язычества первых древнерусских христианских авторов содержится призыв «Содержать душу и тело в чистоте» [6, с. 187]. Абсолютно иным было отношение к личной гигиене у представителей католического духовенства, не видевшего ценности в человеческом теле. Личная гигиена представлялась в Западной Европе чем-то постыдным, близким к греху. Все это способствовало возникновению в католических странах чудовищной антисанитарии и частым эпидемиям инфекционных заболеваний.

Существовал у наших предков-язычников и своеобразный карантин. Так, согласно данным Ибн-Фадлана, если кто-то из славянских купцов заболел, то ему строили шалаш далеко от своего жилья, оставляли в нем заболевшего и запас еды и питья. Если несчастный выздоравливал, то возвращался к остальным, если умирал, то тело его сжигали вместе с шалашом [12, с. 80].

Во время эпидемий в крупных городах было запрещено даже выходить на улицу. Городские власти и местное духовенство распространяло миф о неких страшных бесах, бродящих по городу и

убивающих всех любопытных горожан, осмеливающихся выйти на улицу. Так, интересное описание эпидемии чумы находим в «Лаврентьевской летописи» под 1093 годом: «В лето 6600 предивно бысть Полотьске: въ мечтъны ны бываше въ нощи тутънь, станяше по улице, яко человецы ришуще бесы; аще кто вылеъше изъ хоромины, хотя видети абъе узъвень будяше невидимо отъ бесовъ язвою, и съ того умираху...» [13, с. 92].

У древних славян уже в дохристианскую эпоху существовали особые врачеватели. Согласно данным письменных источников, это были служители языческого культа. Так, арабские авторы IX – X столетий упоминают в своих произведениях неких лекарей-волхвов, обладающих властью над жизнью и здоровьем людей. Волхвы-лекари хорошо знали свойства многих трав и минералов, аккумулируя свои знания на протяжении веков. Вероятно, существовали у древних славян-язычников и зачатки хирургии. Так, при раскопках славянских могильников дохристианской эпохи исследователи фиксировали останки покойников со следами лечения сложных переломов конечностей и ребер и даже черепа со следами трепанации [1, с. 37].

Использовали в своей практике служители языческого культа и наркотические вещества. Ими опаивали людей, приносимых в жертву во время погребальных или поминальных обрядов. Так, Ибн-Фадлан в своих «Записках путешественника» сообщает о том, что девушка, предназначенная в жертву недавно умершему древнерусскому князю во время похорон «смеялась и пела» [2, с. 97]. Во время поминальных обрядов в честь погибшего князя Игоря в Киеве жертвы, которых несли к месту казни также согласно «Повести временных лет», «веселились гордяшеся» [13, с. 29].

Согласно сообщению Прокопия Кесарийского, древние славяне использовали в бою отравленные стрелы. Раненные такими стрелами славянские воины тотчас же бежали к своим лекарям или принимали противоядие [14, с. 103].

Есть основания предполагать, что у наших предков в языческую эпоху существовали и больницы. Так, чрезвычайно важные данные о языческой лечебнице в старой Ладоге сообщаются в исландской саге «О Стурлауге Трудолюбивом». Согласно этому источнику один из норманнских конунгов по имени Стурлауг встретил в Альденборге (Ладоге) дочь конунга Гардарики (Руси) Игоря на имя Ингиберг. Девушка, согласно источнику, была жрицей в местном храме. Она считалась хорошим врачом и со своими служанками лечила жителей города и путешественников, попавших в город, в больнице при святилище. В этой больнице лечились и приезжие викинги [15, с. 140].

В данном источнике замечания о медицинских навыках Ингиберг включено в ее портретное описание, что нетипично для древнеисландских саг. Обычно в них рассказывается о прекрасной внешности, красивых белокурых волосах, иногда сообщается о том, что девушка была искусна в вышивании или других подобных ремеслах, то есть перечисляются элементы, характеризующие средневековый западноевропейский идеал женщины из высшего общества, в который медицинские навыки не входили. Вполне возможно, что описание Ингиберг как врача не был общим местом в саге, а отражал реальные исторические события. Таким образом, возможно, что в Ладоге в первой половине X века действительно существовала больница, в котором девушки-жрицы из состоятельных семей лечили горожан и гостей города.

Предположение о существовании у восточных славян языческих лечебниц неожиданно нашло подтверждения в ходе раскопок языческого святилища XII-XIII вв. в российском городе Плеск. Недалеко от основной ямы (собственно святилища) археологи зафиксировали другую, меньшую по размерам. Кроме обломков глиняных горшков здесь нашли также фрагмент бронзового цепи, накрытый куском переплавленного железа. По мнению ученых, вторая яма представляла собой нечто вроде больницы. В этом городе жрецы святилища «изгоняли болезни из местных жителей» и «закрывали их в святилище» [16, с. 52-53].

В раннехристианскую эпоху волхвы-лекари вполне успешно продолжали заниматься врачебной деятельностью. Так, в древнеславянской Кормчей книге конце XI ст. категорически запрещается призывать волхвов, которые «в помощь себе бесов призываютъ в оуставления страдания и немочи» [4, с. 1106]. О том, что подобная практика существовала в XI веке даже в Киеве, свидетельствует «Житие Спиридона Проскурника и Олимпия Иконника». Согласно данному источнику, некий киевский вельможа (в период правления князя Всеволода Ярославовича) заболел проказой и неоднократно обращался за медицинской помощью к киевским волхвам [5, с. 174].

Известны случаи, когда в христианскую эпоху за помощью к волхвам обращались и древнерусские князья. Так, согласно первой Новгородской летописи, волхвы лечили полоцкого князя Брячеслава и его жену от бесплодия. Вероятно, по этой причине летописи сообщают, что родившийся вскоре после лечения сын Брячислава Всеслав родился от «волхования». Кроме того, на голове у него

была язва «язвена», которую лечили те же волхвы. В частности, известно, что именно они надели на него повязку и велели никогда не снимать [10, с. 151].

Особый интерес в отношении изучения языческой медицины в Древней Руси вызывает летописная былина «Исцеление Ильи Муромца». Согласно данному источнику русский богатырь Илья после того, как «тридцать лет пролежал сиднем сидячи не вставаючи» был исцелен некими бродячими лекарями «калеками прохожими» [3, с. 104-106]. Предположение о том, что былинного богатыря излечили христианские монахи, не выдерживает никакой критики. Во всех списках данной былины полностью отсутствующие атрибуты христианства. Гости богатыря не крестятся и не божатся, а вспоминают лишь «мать сырую землю». В конце былины они исчезают, «как бы их и не бывало». Все это что больше напоминает поведение языческих волхвов, чем монахов-христиан.

Сюжет былины об исцелении Ильи Муромца неожиданно нашел подтверждение в ходе экспертизы мощей преподобного Ильи комиссией Минздрава УССР в 1990 году. Так, в поясничном отделе исследуемых останков было зафиксировано искривление позвоночника вправо, вспомогательные отростки на позвонках защемляли нервы спинного мозга. Былинный богатырь мог действительно долгое время «лежать на печи» из-за болезни позвоночника. Вместе с тем, вторую половину жизни он провел в военных походах, на что указывают многочисленные травмы, рук, ног и ребер. Погиб Илья Муромец также вследствие удара в грудь стрелы или копья [20, с. 162].

Все это полностью соответствует многочисленным былинным рассказам о подвигах Ильи Муромца. Таким образом, парализованного юношу Илью некие лекари-калики перехожие излечили от тяжелой болезни и дали ему возможность совершить свои многочисленные подвиги. Болезнь былинного богатыря практически не поддается лечению и в современных условиях. Этот факт подразумевает наличие в Древней Руси довольно квалифицированных врачей, обладающими определенными представлениями о строении тела человека и даже некоторыми навыками хирургии.

Таким образом, можно прийти к выводу, что древние славяне-язычники имели собственные традиции гигиены человеческого тела и сложную систему врачебной помощи. Уже в дохристианскую эпоху у наших предков существовали специальные лечебницы при языческих храмах. Роль врачей играли служители языческого культа, лечившие свою паству не только от простейших заболеваний, но и сложных переломов, бесплодия, болезней позвоночника.

Список литературы

1. Беляшевский, Н. Ф. Случайные находки на Княжей горе в 1893 г. / Н. Ф. Беляшевский – К.: Типография Г. Т. Корчак-Новицкого, 1894. – 314 с.
2. Из "Записки" Ахмеда ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада (писал в 20-х годах X века) // Гаркави, А. Я. Сказания мусульманских писателей о Славянах и Русских : (с половины VII в. до конца X в. по Р. Х.) / собр., пер. и объясн. А. Я. Гаркави. – СПб., 1870. – С. 82–116.
3. Калеки перехожие. Сборник стихов и исследования П. Бессонова. – М., 1864. – 532 с.
4. Качановский В. В. Славянская Кормчая / В. В. Качановский // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. — СПб., 1897. — Т. II. — Кн. 4. — С. 1068–1108.
5. Києво-Печерський Патерик. – Репр. відтворення вид. 1931 р. / під ред. Д. І. Абрамовича. – К.: Час, 1991. – 230 с.
6. Кирило Туровский. Притча о человеческой душе и о теле и нарушении божьей заповеди и воскресении тела человеческого и о страшном суде и мучении / Кирило Туровский // Златоструй. Древняя Русь X-XIII веков. – М.: Наука, 1990. – С. 183–202.
7. Колчин, Б. А. Раскоп на улице Кирова / Б. А. Колчин, Е. А. Рыбина // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. – М.: Наука, 1982. – С.20
8. Лев Диакон. История / Лев Диакон; Пер. М. М. Копыленко; Отв. ред. Г. Г. Литаврин; Ст. М. Я. Сюзюмова; Коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова; [АН СССР]. – М.: Наука, 1988. – 237 с.
9. Мирский, М. Б. Медицина в средние века на Руси / М. Б. Мирский // Вопросы истории. – 2000. – № 11–12. – С. 106–116.
10. Новгородская первая летопись старшего и младшего извода. – М., Л.: Наука, 1950. – 642 с.
11. Порфиридов, Н. Г. Древний Новгород. Очерки из истории русской культуры XI – XV вв. / Н. Г. Порфиридов. – М., Л.: Изд-во АН СССР. – 1947. – 307 с.
12. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Пер. и комментарий под ред. И. Ю. Крачковского; АН СССР, Ин-т истории и Ин-т востоковедения. – М., Л.: Изд-во АН СССР. – 1939. – 194 с.
13. ПСРЛ – Т.1.: Лаврентьевская и Суздальская летописи по Академическому списку. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 578 с.

14. Прокопий Кесарийский. Война с готами; О постройках / Прокопий Кесарийский; [Перевод С. П. Кондратьева]. – М.: Арктос, 1996. – 300 с.
15. Сага о Стурлауге Трудолюбивом Ингольвссоне // Исландские викингские саги о Северной Руси : Тексты. Перевод. Комментарий / Т. В. Глазырина; [Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории]. – М.: Ладомир, 1996. – С. 117–199.
16. Травкин, П. Н. Язычество древнерусской провинции; Малый город / П. Н. Травкин. – Иваново, 2007. – 312 с.
17. Феофилакт Симокатта. История / Феофилакт Симокатта; [Пер. с греч. проф. С. И. Кондратьева; Лит. обработка перевода и примеч. канд. ист. наук К. А. Осиповой Отв. ред. и вступ. статья чл.-кор. АН СССР Н. В. Пигулевской] [АН СССР. Ин-т истории. Ин-т славяноведения]. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 224 с.
18. Русские простонародные травники и лечебники : Собр. мед. рукописей XVI и XVII столетия / [Соч.] Проф. В. М. Флоринского. – Казань. – 1879. – 229 с.
19. Фасмер, Макс. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б. А. Ларина. – Т. 2. – М.: Прогресс, 1967. – 671 с.
20. Хведченя С. Б. Святыни и святыне Киево-Печерской лавры / С. Б. Хведченя. – К.: Географика. – 2001. – 190 с.

Kozlov, M. N. Magi – healers (personal hygiene and medicine in pagan Russia)

Conducted historical analysis of old Slavic pagan traditions and customs associated with personal hygiene and health practices of our ancestors of both pagan and early Christian eras.

The author touched the little explored issue of today, the existence and practices of the Magi-con healers. Article X – ser. Article XIII, in particular reviewed the historical episode associated with the cure of the most famous old Russian epic hero Ilya Muromets.

The main source of study of domestic and foreign written sources VI-XIII centuries, the archaeological excavations in Plyos pagan sanctuary X-XIII centuries, the ancient Russian epic folklore.

Keywords: beliefs, cults, rituals, traditions, healers, Magi, baths.

Статья поступила в редакцию 28.01.2016

Рассматриваются ряд элементов родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья, связанные с бездетностью и традиционными представлениями о ее природе, средствами народной медицины для ее излечения.

Ключевые слова: греки Крыма и Приазовья, родильно-крестильная обрядность, бездетность, религиозные представления, народная медицина.

В. В. Дмитриева, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: viktoriadmitrieva2010@mail.ru

К ИЗУЧЕНИЮ РОДИЛЬНО-КРЕСТИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ ГРЕКОВ КРЫМА И ПРИАЗОВЬЯ

Одним из народов с древности населяющих наш Крымский полуостров были греки. В конце XVIII в. крымские греки были переселены в Приазовье. Сейчас в рамках этноса существует две этнографические группы, выделяемые исследователями по языковому признаку: румеи, говорящие на диалектах крымскорумейского языка (близок к новогреческому) и урумы, чей язык схож с крымскотатарским. В данной статье речь идёт о некоторых элементах предродильного цикла родильно-крестильной обрядности греков Крыма и Приазовья.

У греков Крыма и Приазовья бездетность – «есенкам», «теш валайве» у греков-румеев, «хисырк» у греков-урумов, считалась величайшим несчастьем для семьи. Об этом мы можем узнать из народных пословиц и поговорок: «У бездетного человека жизнь пуста» – «Ушаги олмиянын яшамаси бошдур», «Человеку без потомков для чего богатство?» – «Зюриети олмиана не лазым вар – вариат?» [21, с. 189].

У греков Крыма и Приазовья считалось, что бездетная женщина греховна, что она «чем-то прогневила небеса». Об отношении греков к таким женщинам мы можем узнать из пословицы, которая гласит: «Женщина без детей, что дерево без плодов» [9, с. 175].

Положение бездетной женщины в новой семье было нелегким. Свекровь упрекала такую невестку за то, что бог наказал ее за грехи, свекор – что из-за нее не продолжается род. О тяжелой психологической атмосфере в доме мы можем узнать из пословиц приазовских греков: «Без детей нет в доме шуток» – «Дихос балайда пес спит тен хуратайда», «Дом, наполненный детьми – радость, дом без детей – тюрьма» – «Ту спит юмату балайда – хара, ту спит дихос балайда – турму» [7, с. 89].

К тому же молодая женщина до рождения ребенка не считалась полноправным членом семьи, семейного коллектива. Она выполняла самую тяжелую работу, на нее долгое время распространялись обычаи «избегания». Так у греков Крыма, Приазовья, Закавказья невестка не имела права разговаривать со старшими родственниками мужа до пяти лет со дня свадьбы. Начинала она общаться со свекром и свекровью только после того, как получала от них на это разрешение. Своеобразным символом для «развязывания языка» – «сулятиму» был подарок (кольцо, золотая монета, платок, платье) [14, л. 35].

Бездетные гречанки старались не терять надежду, искали средства лечения от бесплодия. Вера бездетных женщин в свое исцеление способствовала методическому исполнению ими ритуалов и обрядов, обращению к приемам народной медицины, божественным силам, языческим святыням. Нам удалось зафиксировать описание некоторых из способов, которые использовали приазовские гречанки, чтобы вылечиться от бесплодия. Именно материалы, собранные нами во время полевых исследований, являются главным источником, который освещает эту проблему, потому что в этнографической литературе XVIII – начала XXI вв., она практически не рассматривалась ввиду интимности темы. Все известные народные средства исцеления от бесплодия у греков Крыма и Приазовья, были разделены нами на три группы:

- 1) связанные с почитанием христианских святынь,
- 2) методы народной медицины, которые практиковались знахарками и повитухами,
- 3) средства, связанные с почитанием святых мест, что имеют языческо-христианскую природу.

Во время первой и третьей приазовских экспедиций местные жители рассказывали нам, что бездетные женщины часто посещали храмы. С особым почтением они относились к церкви Рождества Богородицы, которая была основана выходцами из Крымского Карасубазара, Успенской церкви (в которой хранилась икона Божьей Матери – Одигитрии). Во время переселения христиан из

Крыма в Приазовье в конце XVIII в., греки забрали икону Божьей Матери в Мариуполь [11, с. 339]. Эта икона, считавшаяся чудотворной, находилась в Успенском скиту, и к ней приходили молиться не только крымские христиане, но и татары [17, с. 6].

Урумки Грузии также обращались с молитвами и просьбами об исцелении к Божией Матери, они торжественно отмечали день Успения Богородицы (15 августа). В этот день святую особо почитали не только бездетные, ей благодарили и те женщины, которым она «помогла» иметь детей [12, с. 110]. Бездетные приазовские гречанки в церкви перед иконой давали священный обет, в случае своего исцеления, пожертвовать деньги на нужды храма, помогать больным и нищим [14, л. 45]. Данное «средство» исцеления от бесплодия присуще не только грекам, известно, что его также использовали украинки, албанки, народы Югославии. Наибольшее количество культовых сооружений, оставленных христианами после переселения из Крыма в Приазовье, была посвящена святому Георгию (11 из общего количества 38). Он пользовался особым уважением и урумов Грузии, которые обращались к нему в разных случаях: при болезни кого-то из семьи, с просьбой дать хороший урожай, помочь излечиться от бесплодия [12, с. 107]. Ю.В. Иванова отмечала, что святой Георгий является одним из самых популярных христианских святых в Восточной и Юго-Восточной Европе [2, с. 66], который, в народном представлении, был связан с магией брака и плодородия, как земли, так и людей.

В период работы второй приазовской экспедиции мы узнали от респондентов, что бездетные женщины, пытаясь излечиться от бесплодия, также обращались за помощью к знахаркам. В урумском селе Богатырь их называли – «бахтаджи хачлай» [15, л. 28]. Знахарки применяли в своей практике, как «иррациональные» средства лечения от бесплодия: чтения заговоров; так и рациональные: изготовления лекарственных отваров, горячие ванны из молока или лекарственных трав. Практически те же средства, что и греческие повитухи, использовали болгары, албанцы, крымские татары, турки, гагаузы. Так, у болгар знахарки лечили бездетных женщин травами и заговорами [10, с. 104]. А у албанцев знахарские приемы заключались в большинстве случаев в прогревании тела и массажах [5, с. 145]. У крымских татар знахарки лечили бездетных женщин, как и у греков используя массажи, горячие ванны [13, л. 6]. Турецкие повитухи – «эбе», так же как и греческие, советовали женщинам, стремящихся вылечиться от бесплодия: 1) прогреваться над паром кипящего молока или отвара трав, 2) посещать горячие источники, 3) держать ноги в тепле, ходить в теплой обуви, тепло одеваться. Однако, среди приемов, что применялись турецкими знахарками, главное место занимали иррациональные средства. Особенно верили турецкие женщины в целебные свойства амулетов, купленных у мусульманских ходжей [19, с. 165].

К третьей группе традиционных средств лечения от бесплодия мы отнесли посещение святых мест, имеющих христианско-языческую природу. Одним из таких чудотворных мест, что почиталось бездетными женщинами, была церковь святой Анастасии у источника Анастасии в Качи-Кальоне. М. Протопопов писал о том, что большая часть монастырей и церквей Крыма возникли, как и церковь святой Анастасии, именно, рядом с горными источниками. Потому что, в борьбе с языческими пережитками христианская церковь, приспособляясь к местным традициям, зачастую прибегала к разного рода обходным маневрам. Например, богослужения проводили в лесу, храмы и алтари строили вблизи деревьев, что обожествлялись людьми, чудотворных погребальных комплексов, возле святых источников [3, с. 26].

Кроме святого источника гречанки, которые приходили к церкви святой Анастасии, также поклонялись дереву черешни, легенда, о котором приводится крымским краеведом В. Х. Кондараки [3, с. 28]. Люди прикрепляли на ветки черешни небольшие кусочки своей одежды, в надежде исцелиться от всех болезней, в том числе и бесплодия. Эти своеобразные жертвоприношения делали как греки, так и татары признавали целебную силу водных источников, деревьев [18, с. 28]. Не только церковь Святой Анастасии, но и православные монастыри Феодосии, Кизил-Таша, Козьмодемьяновский монастырь, Успенский скит, пользовались славой среди крымских татар, которые верили в силу святых источников, расположенных возле монастырей. В этих местах татары, иногда даже во время храмового праздника, молились по ночам и оставляли на деревьях кусочки одежды, что по их мнению помогало исцелиться от любых заболеваний. Кроме черешни, у татар, славился своими целебными качествами – карагач. Особенно его почитали бездетные женщины [22, с. 13].

То есть, у греков Крыма и Приазовья, как и у крымских татар, с которыми они имели тесные контакты во время проживания в Крыму, сохранились пережитки языческих верований, проявлявшиеся в поклонении предметам природы – деревьям, источникам. Характерно, что бездетные женщины у греков Крыма и Приазовья, других перечисленных народов поклонялись именно плодовым деревьям, то есть, в данном обычае переплелись приемы контактной и имитативной магии.

Турецкие женщины, которые не имели детей, посещали могилы святых «мезаров». Их культ, как мы уже отмечали, существовал у многих этносов, исповедующих ислам [1, с. 88]. Обычно, в подобного рода паломничество отправлялись только женщины. За день до путешествия о нем сообщали родственникам, соседям. Группа паломников состояла не более чем из пяти – десяти человек. В ночь перед дорогой посещали баню, стирали белье, потому что особое значение придавалось чистоте тела и одежды; готовили плов на бульоне из мяса молодого барана, пекли лепешки, запасались сладостями и орехами. Прибывая на место с этой едой, женщины делали молитву и приступали к трапезе. Остатки пищи брали домой, и раздавали, как чудодейственное средство. Женщины, желавшие исцелиться от бесплодия, бросали на гробницу камешки, завернутые в кусок материи, вроде кукол.

Таким образом, прослеживается параллель между действиями гречанок и крымских татарок, турчанок – вера в сверхъестественные силы отдельных предметов и вещей (источников, деревьев) – фетишизм, а также обращение за помощью к знахаркам и повитухам. Кроме того, существовали и локальные методы и средства исцеления от бесплодия: у мусульман (турок, татар, киргизов, дагестанцев и др.) – посещение могил святых «мезаров», использование амулетов, изготовленных муллой; у христиан (греки Крыма и Приазовья, украинцы, болгары) – обращение к Пресвятой Богородице, молитвы в церкви, материальная помощь храмам. Все перечисленные средства связаны с тем, какую религию исповедует народ, элементы родильной обрядности которого нами изучаются.

Также стоит отметить, что среди обычаев и традиций свадебной обрядности греков Приазовья важное место было отведено ритуалам, главной целью которых было содействие деторождению. На первом месте среди них стоял ритуал родительского благословения на здоровое и богатое потомство, выполнявшийся родителями невесты перед венчанием молодой пары [14, л. 23]. Кроме того, существовали символические способы влияния на деторождение, воспроизводящиеся во время свадьбы. Их можно подразделить на две группы: 1) профилактические мероприятия (средства защиты от «сглаза», воздействия нечистой силы) и 2) побудительные меры (главным образом воспроизводящие).

Данные обычаи существовали и у многих других народов Европы. Например, среди обрядов первой группы мы можем назвать ритуал покрывания головы невесты. У некоторых народов Кавказа, крымских татар, турок, сербов, лужичан голову невесты покрывали различными предметами: шалью, платком, фатой, скатертью. Так, у сербов было принято, на голову невесты набрасывать «дувак» – красный прозрачный конусообразный мешок, так она передвигалась во время прохождения свадебной процессии по улицам [23, с. 474]. Сравним слово «дувак» с названием, что бытовало у крымских и приазовских греков – «ал дуван», «дувах», они очень похожи и имеют одинаковое тюркское происхождение, что может быть свидетельством влияния турецких традиций на греческую культуру. Этот обряд крымских и приазовских греков также перекликается с давним обычаем покрывания головы невесты и ее лица, что, как известно из этнологической литературы, был одним из наиболее распространенных свадебных обычаев всех времен и народов, начиная с Древней Месопотамии, Древней Греции, Древнего Рима. На его древнее происхождение, по мнению Ф. Ф. Велишского указывает этимология слова невеста – νύμφη, nupta, то есть, закрытая покрывалом [4, с. 284]. У греков Приазовья человек мог увидеть лицо жены только после переезда в свой дом, где происходил ритуал снятия покрывала с ее головы. Этот ритуал выполняла крестная мать невесты возле брачного ложа молодой пары, при помощи двух деревянных ложек, перевязанных розовой лентой [14, л. 40]. Следует отметить, что в этнографической литературе существуют различные концепции первоначального значения этого обряда: а) магическая символика; б) стремление временно отделить невесту от родни мужа; в) желание скрыть невесту от взгляда присутствующих; г) обряд очищения [6, с. 164].

Из обрядов второй группы, сохранных у греков Приазовья до наших дней, мы можем назвать:

1) осыпание молодых зерном, орехами, конфетами, монетами матерью жениха на пороге дома, после венчания и перед свадебным пиром. Этот обычай объяснялся в народе, как пожелание молодым иметь много детей, сладкую, богатую и сытую жизнь [14, л. 4]. Обряд выполнялся многими народами, входящими в историко-этнографическую область «Юго-Восточная Европа» – анатолийскими греками, греками материковой Греции, болгарскими, сербами, народами Югославии, а также украинцами, крымскими татарами, народами Кавказа. Был такой обычай и у древних греков – невесту осыпали зерном и разными лакомствами [4, с. 286]. Данный факт свидетельствует о древности указанной традиции. В этнографической науке существуют различные гипотезы толкования значения описанного обычая. Так, по мнению Н. Ф. Сумцова, этот обряд должен был: а) сделать молодых богатыми и здоровыми; б) способствовать продолжению рода; в) уберечь от сглаза и влияния злых сил [20, с. 18].

В качестве доказательства, того, что этот обряд должен был способствовать богатству и продолжению рода молодой пары, мы можем привести тезис, что зерно и изделия из него у многих народов с древнейших времен были символом плодородия, богатства и использовались в этом качестве во многих обрядах семейного цикла. Уже позже к зерну, в обряде обсыпания, в частности, у приазовских греков, добавились орехи, монеты, конфеты. В подтверждение того, что этот обряд имел целью, предохранить молодую пару от сглаза мы можем вспомнить цитату из работы В.Н. Ксенофоновой-Петренко: «Мать жениха после того, как посыпала головы молодым, бросала тарелку через их головы, так, чтобы она разбилась и при этом приговаривала: «Пусть в ваших врагов ослепнут глаза, пусть расколются их головы!» [9, с. 179].

2) Расстилание шкуры барана на пороге дома родителей жениха. Наступив на нее, молодые входили в дом на свадебный пир, при этом мать жениха желала им иметь столько же денег и детей, сколько завитков на этой шкуре [16, с. 23]. Этот обряд характерен для народов Юго-Восточной и Восточной Европы. Например, встречается он у болгар, а также у некоторых народов Кавказа, у них принято считать шерсть символом богатства и плодородия. Приписывание шерсти домашних животных магической силы, использование ее в традиционных обрядах греков Приазовья и других перечисленных народов, связано, на наш взгляд, с тем, что наиболее развитой отраслью сельского хозяйства у них было скотоводство.

3) Обряд купания невесты накануне венчания. Этот обряд в этнографической среде трактуется двояко, как: а) очистительный обряд и б) «банное действие» – пережиток древнего бракосочетания невесты с духом бани, а раньше с духом воды.

По сообщению Псевдо-Эсхина, невесты в Троаде входили в реку Скамандр, молясь при этом: «Возьми у меня, Скамандр, девственность». Обряд бракосочетания с божеством реки обеспечивал, по мнению греков, плодovitость невесте. Феофрат называет воду – «детородною» – παιδοῦρον. По свидетельству Сенеки, источники и реки дарят женщинам плодovitость. Подобное представление можно встретить у народов Индии [6, с. 172-173], это может быть свидетельством появления данных верований во времена существования индоевропейской этнической общности.

4) Невеста мазала медом косяки дверей дома мужа, который с момента свадьбы становился и ее домом [9, с. 179]. Этот обычай существовал не только у греков Приазовья, но и у греков материковой Греции [20, с. 190], сербов, болгар. В некоторых районах Болгарии мед, которым молодая мазала порог и дверь своего нового жилья, считался не только символом благополучия и любви, но и символом плодородия. Вероятно, второй символ более древний [10, с. 104].

5) Сажание на колени невесты мальчика (в основе обычая – контактная магия). Этот обряд занимает особое положение среди обрядов данной группы, он появился на базе народных представлений о превосходстве появления на свет ребенка мужского пола. Сыновья считались продолжателями фамилии, наследниками имущества семьи, опекунами родителей в старости. Подобный обычай существовал у сербов, болгар, украинцев, осетин, армян и других народов.

Бездетные семьи считались несчастными, неполноценными. Поэтому те люди, у которых по разным причинам не было своих детей, очень часто находили выход в том, что усыновляли чужих (преимущественно мальчиков), чаще всего сирот. Случалось и так, что многодетные родственники отдавали одного из своих детей на воспитание бездетным семьям. Были также случаи, когда бездетные семьи брали на воспитание крестника или крестницу. Довольно часто в документах в качестве «некровных детей» встречается такая категория, как «воспитанники». Данный факт наводит нас на мысль о существовании у греков института аталычества. Подобный институт бытовал у многих народов Крыма и Кавказа, в частности, и у крымских татар. Так, известно, что в них было принято новорожденных детей отдавать на попечение кормильцу – «аталыку», у которого ребенок воспитывался до 7 – 8-летнего возраста. Как и дети простых татар, сыновья и дочери крымских ханов воспитывались также вне стен родного дома (сыновья – у черкесов) [8, с. 10]. Не следует забывать о том уважении, с которым относились греки Крыма и Приазовья к аталыкам, крестным родителям своих детей. В народе даже говорили: «Чем больше у тебя крестников, тем больше грехов простит тебе Господь» [14, л. 83].

Греки Крыма и Приазовья считали, что бездетная женщина, которая использовала средства и методы народной медицины, молилась Богу, посещала святые места, брала на воспитание чужих детей, должна вылечиться и стать способной рожать. В психологическом плане подобного рода средства, действительно, положительно влияли на женщину, она начинала верить в свое исцеление, но в медицинском плане это редко когда приводило к положительным результатам, то есть к излечению.

Список литературы

1. Абрамзон, С. М. Рождение и детство киргизского ребенка (из обычаев и обрядов тянь-шаньских киргизов) / С. М. Абрамзон // Сборник Музея Антропологии и Этнографии. — М.—Л. : Изд-во АН СССР, 1949. — Т.12. — С. 78–138.
2. Араджиони, М. А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории (80-е гг. XVIII – 90-е гг. XX вв.) / М. А. Араджиони. — Симферополь : Амена, 1999. — 132 с.
3. Веймарн, Е. Корабль на Каче / Е. Веймарн, М. Чореф. — Симферополь : Таврия, 1976. — 88 с.
4. Велишский, Ф. Ф. Быт греков и римлян / Ф. Ф. Велишский. — Прага, 1878. — 670 с.
5. Иванова, Ю. В. Албанцы / Ю. В. Иванова // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. — М. : Наука, 1999. — С. 141–161.
6. Кагаров, Е. Г. Состав и происхождение свадебной обрядности / Е. Г. Кагаров // Сборник Музея Антропологии и Этнографии. — Л. : Изд-во АН СССР, 1929. — Т.8. — С. 152–195.
7. Кір'яков, Л. Тисяча перлин. Афоризми, прислів'я та приказки приазовських греків (Грецькою та російською мовою) / Л. Кір'яков, Д. Патрича. — Донецьк : Донбас, 1993. — 143 с.
8. Косвен, М. О. Аталычество / М. О. Косвен // Советская этнография. — 1935. — №11. — С. 3–46.
9. Ксенофонтова-Петренко, О. Н. Семейные обряды в селе Сартана / О. Н. Ксенофонтова-Петренко // Культурно-бытовые процессы на юге Украины. — М. : Наука, 1979. — С. 173–185.
10. Маркова, Л. В. Болгары / Л. В. Маркова // Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. — М. : Наука, 1999. — С. 98–124.
11. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Екатеринославская губерния / сост. В. Павлович. — СПб.: Типография Департамента Генерального Штаба, 1862. — 396 с.
12. Пашаева, Л. Некоторые календарные праздники урумов : [Урумы – греки – проживающие в Цалкском, Дманисском, Тетрицкаройском районах ГССР] / Л. Пашаева // Известия Академии Наук Грузинской ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусства. — 1983. — №1. — С. 100–112.
13. Полевые материалы по родильной обрядности крымских татар : полевая тетрадь № 1, 2010. — Л. 1–7. (лич. арх. авт.)
14. Полевые материалы по семейной обрядности греков Приазовья (ПМСОГП) : полевая тетрадь № 7/1, 1997. — Л. 2–80. (лич. арх. авт.)
15. ПМСОГП : полевая тетрадь № 1/1, 1998. — Л. 7–77. (лич. арх. авт.)
16. ПМСОГП : полевая тетрадь № 1, 1999. — Л. 3–30. (лич. арх. авт.)
17. Попов, А. Н. Вторая учебная экскурсия симферопольской мужской гимназии в Бахчисарай и его окрестности / А. Н. Попов. — Симферополь, 1888. — 131 с.
18. Протопопов, М. Чуфут-Кале, Тепе-Кермен, монастырь Святой Анастасии и Качи-Кальон, близ Бахчисарая / М. Протопопов. — Севастополь, 1905. — 35 с.
19. Серебрякова, М. Н. Семья и семейная обрядность в турецкой деревне / М. Н. Серебрякова. — М.: Наука, 1979. — 166 с.
20. Сумцов, Н. Ф. К вопросу о влиянии греческого и римского ритуала на украинскую свадьбу / Н. Ф. Сумцов. — К., 1886. — 24 с.
21. Чакалов, И. В. Пословицы и поговорки цалкинских (триалетских) греков/ И. В. Чакалов. — Салоники, 1997. — 202 с.
22. Энвер, Ш. Доисламские религиозно-культурные представления, сохранившиеся в семейном быту крымтатар / Ш. Энвер // Къасевет. — 1989. — №2 (17). — С. 8–9.
23. Ястребов, С. И. Обычаи и песни турецких сербов. Из путевых заметок / С. И. Ястребов. — СПб., 1886. — 498 с.

Dmitrieva, V. V. To the study of maternity-christening rite of Crimean Greeks and of Greeks of the Sea of Azov

Examined row of elements of maternity-christening rite of Crimean Greeks and of Greeks of the Sea of Azov, related to the childlessness and traditional pictures of its nature, by facilities of folk medicine for its recovery.

Keywords: Crimean Greeks and of Greeks of the Sea of Azov, maternity-christening rite, childlessness, religious presentations, folk medicine.

Статья поступила в редакцию 25.01.2016

УДК 303.446.4:908(1-924.71)

Рассматриваются особенности развития историографии Крыма в XIX-XX вв. На основе архивных и современных материалов показан вклад исследователей в развитие историографии Крыма. Выделены основные группы источников по историографии Крыма и дан их всесторонний анализ.

Ключевые слова: грамоты, катакомбы, фемный строй, крымские древности, города-полисы, подвижник.

И. В. Рыбак, доцент, канд. ист. наук

Севастопольский государственный университет

E-mail: i32437@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КРЫМУ: РАЗВИТИЕ И МЕТОДЫ В XIX-XX ВЕКАХ

Изменение общественно-политической ситуации в Крыму в феврале – марте 2014 года, повлекло за собой коренные преобразования политического статуса территории и проживающего на ней населения. События этого времени актуализировали вопросы исторической принадлежности Крыма и его роли в становлении и развитии южных земель России.

В настоящей статье автор предполагает показать вклад исследователей в развитие историографии Крыма, выделить основные группы источников по историографии Крыма и дать их всесторонний анализ.

История – «это важно для нас, это важно для будущих поколений. Поэтому ваша работа связана ... не только с историей: она связана с укреплением нашего Отечества сегодня и созданием благоприятных условий для развития в будущем» [7] – сказал президент РФ В. В. Путин на встрече в Старой Руссе. Оттого исследование исторических источников всегда не только актуально, но и полезно.

История Крымского полуострова богата важными историческими событиями, сложна и многогранна. Территория Крыма издревле была зоной активных контактов населения. Многие народности оставили здесь следы своей деятельности: в античную эпоху – тавры и скифы, греки и сарматы, аланы и готы; в средние века – греки, гунны, хазары, печенег, половцы, русские, армяне, евреи, венецианцы, генуэзцы, татары и турки.

Первоначально исследования Крыма зависели от международных отношений многих стран с крымскими ханами. Исследователи пользовались непечатными источниками, в которых были архивные сведения, главным образом из дипломатических донесений, более же всего устные данные, получавшиеся им от бывавших в Крымском ханстве негоциантов, дипломатов, военных, путешественников и т. д., что в последствие подтвердили археологические раскопки, проводимые в Крыму представителями разных народов. Это привело к необходимости проводить исследования археологических памятников, связанных с историей полуострова, силами не любителей и меценатов истории, а профессиональных историков. Со второй половины XIX в. исследования по истории Крыма принимают регулярный характер.

Первыми его исследователями были ученые Академии наук, которые имели сугубо научный интерес. В 1785 г. состоялась экспедиция Академии наук во главе с «обсерватором титулярным советником» Ф. Черным. Венцом академических исследований Крыма стало путешествие и работа академика П. С. Палласа (1741–1811).

Основной массив историографической базы составили труды исследователей Крыма конца XVIII – начала XX века. Эти исследования можно подразделить на три основных группы:

- **первая группа** – отчеты научных экспедиций Петербургской Академии Наук (ПАН);
- **вторая группа** – записки путешественников о Крыме;
- **третья группа** – научные исследования.

Особенностью материалов первой группы был их универсальный характер. В них были рассмотрены природные условия, археологические и этнографические памятники, экономика, перспективы развития региона. Для отчетов были характерны сухость, лаконичность изложения, систематизация материала, придерживаясь при этом суровой схемы, утвержденной ПАН. Несмотря на их недостатки, отчеты сыграли значительную роль в дальнейшем исследовании Крыма. Эти описания стали первыми в историографии универсальными крымоведческими работами.

В этих работах самым ценным было то, что в них были зафиксированы интересные краеведческие материалы по сохранению памятников культуры, этническому составу населения и т.п. Эти работы были в основном объективными, основная неточность во многих из них выявлена при определе-

нии количества населения Крыма, в первую очередь в определении количества крымских татар. Исследователи определяли количество населения крымских татар на «глаз» не используя в них имеющиеся данные статистики. В развитии историографии Крымского ханства XIX века огромное значение имеет работа известного крымско-татарского историка и поэта, потомка крымского династического дома Халим Гирая (1772-1823 гг.) – «Гюльбюн-и Ханан». Халим Гирай родился в Румелии, отличился в русско-турецкой войне 1806 – 1812 гг., умер и погребен в городке Чаталджа.

В 1785 г. экспедицией Академии наук во главе с Ф. Черным определены точные географические координаты наиболее крупных городов Крыма. Ф. Черный считал, что из Крыма эмигрировало в Турцию от 2 до 3 тыс., татар, а академик П. Палас – 300 тыс. [2, с. 374].

Петер Симон (Пётр-Симон) Паллас (нем. *Peter Simon Pallas*; 1741-1811) – немецкий и русский учёный-энциклопедист, естествоиспытатель и путешественник XVIII–XIX вв. Прославился научными экспедициями по территории России во второй половине XVIII в., внёс существенный вклад в мировую и российскую науку: биологию, географию, геологию, филологию и этнографию.

В 1796 году Паллас был командирован в Симферополь, где императрица пожаловала ему имение Шулю – обширные поместья и дом. Поселившись в Крыму, Паллас обследовал почти всё Южное побережье полуострова.

Победа Российской империи над Османской Портой и присоединение Крыма к России в 1783 г. положили начало его планомерному изучению.

Документы второй группы – записки путешественников о Крыме. Особенность описаний: субъективный характер описаний, отсутствие стандартов в структуре трудов, неравномерность в изложении материалов, не всегда ссылаясь на источник информации, исследователи знакомились со специальной литературой, в их трудах составлялись исторические справки по исследованному материалу. При описании Бахчисарая шел экскурс в историю Крымского ханства, детально исследовались события Крымской войны 1853-1856 гг. Эти труды, несмотря на их недостатки, содержали в себе информацию о состоянии древностей, культуры и быта народов Крыма. Одним из известных исследователей этой группы был профессор М. Н. Бережков. Он интересовался историей дипломатических отношений Крымского ханства с Великим княжеством московским в XVIII в. Исследуя проблему взаимоотношений Крымского ханства и московского царства, он пришел к выводу, что Крымское ханство было основным дипломатическим центром, через которое московское царство вело диалог с мусульманским миром. Он выделил два периода в отношениях между Крымским ханством и Киевской Русью:

- когда Русь была в зависимости от Золотой Орды;
- когда освободились от ига и стремились подчинить татар себе.

Основным источником, подтверждающим отношения между Крымским ханством и Московским царством, были дипломатические грамоты. Автор дал им характеристику, показал их значение в отношениях между Крымским ханством и Московским царством.

Свои работы Бережков посвятил судьбе, условиям жизни пленных в Турции, формам их выкупа, или освобождения, фактам принятия ими Ислама [1, с. 26]. Публикации продемонстрировали совершенные знания автором необходимых источников, которые были впервые использованы в научном обороте.

Третья группа материалов – научные исследования, которые в свою очередь, делятся на три на подгруппы: монографические труды, расшифровки и публикации этнографического материала, статистические издания.

Монографические труды – они посвящены отдельным вопросам изучения истории Крыма, работы узкой проблематики (освещается отдельный вопрос), археографические труды (публикации с комментариями документов по истории Крыма). В первой половине XIX в. исследователи занимались изучением археологических памятников, например, П. И. Кёппен, А. Б. Ашык, Отто Ф. Ретовский и др. [1, с. 5].

Особенностью материалов этой группы было наличие ошибочных выводов в связи с недостаточным изучением проблемы, неразвитой методологией исследования, невозможностью использовать весь материал исследования, поскольку он был недоработан.

Известным исследователем первой половины XIX ст. был академик Петербургской Академии Наук (1839) П. И. Кёппен, харьковчанин, немец по происхождению. Его считают пионером исторического крымоведения. Первый его этнографический труд появился в 1821 г., когда был опубликован очерк его пребывания в Крыму (в поселках Туак и Кучук-Узень).

Он не только описал пещеру, где местные жители находили останки первобытных поселений, но

и дал этнографическую характеристику крымским татарам, грекам, которые проживали в местах экспедиции. Характерной особенностью этого труда было то, что в отличие от других историков этого периода, Кёппен в исследовании анализирует не только труды античных авторов, но и западноевропейскую литературу, труды российских исследователей. Самым главным было то, что он изложил свое видение различных этапов истории Северного Причерноморья и дал им свою оценку. Одним из самых известных его трудов был «Крымский сборник», где проводится описание археологических памятников, которые сохранились в Тавриде, с указанием сведений о них, которые встречаются в античных авторов. Академик исследует историю введения христианства, вспоминает о древних христианских памятниках в Крыму, не забывает о развитии Южного берега Крыма во время Османской империи в период средневековья. Значение этого исследования заключается в том, что оно было первым системным описанием географических памятников Крыма. Автор первым зафиксировал средневековые некрополи, провел первое в истории сравнительно-архитектурно-археологическое исследование христианских культовых построек в Крыму (греческих, армянских).

Высоко оценивали «Крымский сборник» и его современники. Оценивая его работу, историк Б. Кёне отметил: «Книга содержит превосходные известия о Крыме» [3, с. 10]. Другой исследователь Крыма А. Маркевич писал: «Крымский сборник» представляет собой незаменимое пособие для всех занимающихся древностями и историей Крыма» [6, с. 235]. Среди всех положительных оценок была одна отрицательная оценка историком В. Кондараки, который называл П. И. Кёппена «малодарным тружеником». Время показало, что можно дать только положительную оценку его деятельности, поскольку он действительно создавал такие значительные, масштабные труды внес значительный вклад в развитие исторической науки.

Известным исследователем Крыма был учитель немецкого языка Отто Ф. Ретовский – немец по происхождению. Будучи директором Феодосийского музея древностей, он исследовал исторические памятники Феодосии. Этому исследованию он посвятил ряд своих этнографических и монографических работ. Среди них монография исследователя «Монеты Гази Гирея Хана II, бен Девлета». В ней представлена характеристика коллекции из 40 серебряных монет периода пребывания при власти татарского хана Гази Гирея, Хана II Девлета. В этой работе Ретовский сделал попытку по составлению характеристики нумизматики Гиреев. Но это ему не удалось, поскольку отсутствовали специальные научные исследования, и не была разработана специальная археологическая база.

Ретовский, интересуясь проблемой нумизматики, исследовал не только нумизматику крымских татар, но и генуэзцев. В этом исследовании он разделил все описываемые монеты на четыре группы. Первые две – аспры, которые чеканились при ханах Мухаммеде и Девлет-Берди, третья – аспры с тамгой Гиреев, четвертая группа – медные монеты Кафы.

Большая заслуга О. Ретовского была в том, что ему удалось открыть акрополь древней Феодосии.

На расшифровке и публикации этнографических материалов второй группы ученые акцентируют внимание со второй половины XIX ст. Среди исследователей можно выделить историков В. Латышева, Ю. Кулаковского и других.

Значительный вклад в развитие крымоведения сделал Ю. Кулаковский, изучая археологию Крыма периода средневековья. Он расширил источниковедческую базу исследования. Первые произведения историка появились в начале 1880-х годов. Он изучил современные тому периоду труды западноевропейских исследователей о Северном Причерноморье [4, с. 118].

В начале 1900 г. Ю. Кулаковский занимался археологическим исследованием Керчи. Основное внимание в своем рукописном отчете уделил изучению открытой им керченской христианской катакомбы, сооруженной в 491 г. Ее описание он опубликовал в материалах по археологии России. Материал содержит обзор результатов раскопок автора в августе 1890 г. На склоне горы Митридат ему удалось открыть катакомбу, которая была примером катакомбной пещеры. В фонде «Императорской археологической комиссии» сохранились документы, которые подтверждают заинтересованность историка этой археологической памяткой еще с 1855 г. Опубликованные данные были обобщающим трудом, который включал не только результаты практических исследований, но и обзор работ других археологов.

Крымская тематика была доминирующей в его выступлениях на всероссийских съездах историков. В трудах X Археологического съезда в Риге (1896) зафиксировано его сообщение о раскопках крымских курганов.

Объектом исследования Ю. Кулаковского были отдельные сюжеты по истории крымского полуострова и источниковедение Крыма. В «Заметках по истории и топографии Крыма» [5, с. 4] он

остановился на использовании целебных возможностей грязей Крыма. Его источником исследования стало письмо испанского министра Иосафа хазарскому кагану Ибн-Хаздату о времени и причинах появления пещерных городов в Тавриде.

На основе фрагментов «Жизни Иосифа Готского», Ю. Кулаковский пытался установить период основания средневековых городов Южного берега Крыма – Гурзуфа и Карасана (современная Алушта).

Во время исследования истории Крыма Ю. Кулаковский вместе с другими историками занимался подготовкой справочно-энциклопедической работы о крымских древностях. Основная цель его исследования – создание археологической картины Крыма. Для достижения поставленной цели он собирал материал в течение 1895-1912 гг. Проект поддерживала Академия Наук России и Археологическая комиссия. Помогал ему в этом известный историк А. И. Маркевич. Ученым удалось создать археологическую картину крымских древностей. Но опубликовать эту работу им не пришлось, так как финансирование справочно-энциклопедической работы велось по остаточному принципу.

В архивных фондах эта работа, к сожалению, отсутствует, сохранилась лишь «Объяснительная записка к археологической карте Крыма», подготовленная Ю. Кулаковским, которая содержит только общую характеристику археологических эпох и описание обнаруженных древностей.

В апреле – мае 1903 г. Ю. Кулаковский был представителем университета св. Владимира на I Всемирном Конгрессе исторических наук в Риме, где выступал с докладом «Об окрашивании костей».

В докладе историк обосновал свое утверждение о том, что разный цвет костей, обнаруженных при раскопках поселений в Крыму, зависит от способа народов, проживающих в разных частях полуострова, снимать мясо с костей. Проводя с помощью микроскопа анализ найденных древних костей, Ю. Кулаковский пришел к выводу, что проникновение краски в кости после их разложения происходит постепенно.

Некоторые свои труды Ю. Кулаковский посвятил изучению отношений средневекового Крыма и Византийской империи. При изучении истории Византии Кулаковский много внимания уделял особенностям военного дела, возникновению и развитию феодального строя в Византии. Феодальный строй – система военно-административной организации Византийской империи в VIII-XI вв., основанная на владении земельными участками.

Одним из фундаментальных исследований ученого был труд «Прошлое Тавриды», который увидел свет в 1906 г. В нем изложены события, начиная с основания на берегах Черного моря греческих поселений до распространения христианства.

Кроме Ю. Кулаковского изучением истории средневекового Крыма занимался известный историк Н. Н. Мурзакевич, который исследовал историю итальянских поселений на полуострове, борьбу Генуи и Венеции за господство на Черном море. Он подробно описал историю дипломатических отношений генуэзцев, причины упадка Кафы.

Он посвятил много времени изучению истории Херсонеса Таврического. Н. Мурзакевич изучал историю древнего и средневекового Херсонеса, предпосылки принятия христианства князем Владимиром.

На основании изучения трудов исследователей второй группы, современные историки определили основные:

- формы и методы их работы;
- приоритеты этнографического изучения Крыма в дореволюционный период;
- вклад этих подвижников в изучении истории полуострова.

Документы третьей подгруппы – статистические издания, к которым относят:

- памятные книги,
- календари, исторические письма,
- ежегодные статистические данные Таврической губернии;
- земские статистические сборники.

В этих источниках прослеживается четкий статистический подход к изложению информации, всесторонний обзор края. К ним относят работы В. Кондараки, И. Кавалерова, И. Юновина и др. Тематика публикаций была посвящена истории археологических исследований, истории преобразований в Тавриде в древний период истории, эмиграционным процессам, истории городов, этнографии народов, которые жили на полуострове.

Одним из известных крымских этнографов был В. Кондараки. Он, коренной крымчанин, внес значительный вклад в развитие истории, географии, этнографии края. Работая по разным аспектам истории Крыма, он в 1871 г. в Одессе издал «Историю христианства в Тавриде до присоединения к России» отдельной книгой. На основе библейских легенд, летописи монаха Нестора, он исследовал историю проникновения христианства в Крым, рассказал о принятии христианства князем Владимиром. Особое внимание уделил состоянию христианства во время существования Крымского ханства.

Этот труд В. Кондараки имел один недостаток. Описывая историю христианства в Крыму, автор опирался только на труды древних историков, забыв о работах историков XVIII-XIX вв. Одним из фундаментальных трудов Кондараки является четырехтомное издание «Универсальное описание Крыма». Это первое фундаментальное описание истории и этнографии Крыма. Несмотря на ее достоинства, эта работа страдает однобокостью, неумелым использованием достижений других наук. Автор не сумел раскрыть весь творческий потенциал историков своего времени. Хотя, детально изучая народы Крыма в период Великого переселения народов во II-I тыс. до н.э., описывает господство киммерийцев в Северном Причерноморье, знакомит нас с бытом и занятиями скифов и тавров.

Необходимо отметить, что при описании занятий скифов, он отводит одному из их основных занятий – военному искусству – второстепенное место. А упоминая об оружии, остановился только на наконечниках для стрел. Хотя мы знаем, что военный арсенал скифов был значительно шире.

При описании греческой колонизации Крыма он не указывает причины греческой колонизации. Ошибочно утверждает, что греки случайно обнаружили южный берег Крыма, где основали свои города-полисы. Он останавливается только на политической истории городов-полисов и не дает характеристики социально-экономическому аспекту.

Одна из основных заслуг В. Кондараки – его этнографические исследования. Он изучал быт, язык, традиции крымских татар. Самостоятельно изучал татарский язык и учился лечить людей, используя татарские методы лечения. О лечении людей он вспоминает в одной из своих статей, в которой рассказывает о приобретении у одного из крымских татар средства для лечения кожи.

Одним из известных исследователей Крыма, был И. Кавалеров. Он изучал этнографию Крыма. Изучал традиции и обычаи крымских татар. Большое внимание уделял методам лечения у татар. Эта тема была малоизученной. Исследователь доказывал, что источники Крыма были наделены целебными качествами, и именно их в лечении использовали крымские татары. Известным был фонтан Савокуло в дореволюционном Симферополе. Согласно легенде в Симферополе жил слепой грек Савокуло, и этот фонтан вылечил его от слепоты, поскольку он промыл глаза этой водой. В духовной жизни Симферополя этот фонтан сыграл большую роль. Татар этот источник лечил также от лихорадки. Татары его называли «Ай-Керо», «Азис-Чегиле», что в переводе означает «Святая вода», «Святой фонтан». Татары, как и славяне и другие народы, верили в святых и поклонялись им. Поэтому и фонтан они выбрали не случайно. Татары считали, что рядом с фонтаном находится могила святого «Салгир-баба». Эту могилу посещали верующие и оставляли на кустах сирени куски ткани. Они верили, что с ней их оставят все болезни. После этого умывались святой водой из источника, считая, что она их излечит от лихорадки. Почитаемым был также фонтан поблизости от кладбища Кырк-Азизлер в пригороде Бахчисарая, где покоилось несколько мусульманских святых.

Интересные свадебные обряды татар были описаны подвижником М. Погребенюком. К сожалению, некоторые из них, сейчас забыты. Одним из интересных обрядов был обряд, согласно которому накануне свадьбы в присутствии родственников и сватов жениха, после угощения, разводили хну и ею красили невесте кончики пальцев рук, ног и волосы. Хной, которая оставалась, красили пальцы всем девушкам, считая, что после этого они обязательно встретят своего суженого. Обряды караимов описал И. Юновин. Он считал, что поскольку территория проживания караимов входила в состав Хазарского каганата, у них остались элементы древней языческой веры: культы земледелия, домашних животных, светил, птиц, зверей. Отзвуки язычества сохранились в фольклоре, в быте, в религиозных обрядах. Материалы исследований средневековых поселений юго-западной Таврики, и наблюдения краеведов, изучающих особенности представлений аборигенов Крыма, указывают на их связь с элементами язычества крымских караимов. Такой же точки зрения придерживается И. Юновин. У караимов, как и у язычников, был развит культ земледелия, что мы видим и у славян. Они почитали небесные светила, деревья, растения. Например, округлые, плоские, пресные пасхальные хлебцы они покрывали изображениями месяца и звезд. У караимов сохранился культ дубов. Интересно, что колыбели они изготавливали из дубовых досок, без железных гвоздей,

«поскольку ими забивали гробы». Поэтому, забивать железными гвоздями колыбель считалось плохой приметой, Они считали, что железные гвозди принесут в дом смерть, болезни или горе. Особенности путеводителей – односторонний подбор информации, который зависит от интересов составителя. Автор был заинтересован с одной стороны в привлечении туристов, с другой стороны описывал объективную картину жизни курортов, историко-этнографические очерки были содержательными, поскольку авторы хотели обеспечить себе спрос на книжном рынке. К ним относят труды нумизмата, исследователя О. Бертье-Делагарда и представителя тюркоязычной «бардовской» поэзии О. Ашыка.

Традиционными библиографическими изданиями были некрологи. При работе с источниками обнаружены некрологи М. Прокопенко, В. Латышева, П. Кёппена и других. Характерная особенность некрологов – идеализация личности. Некрологи можно разделить на несколько групп:

- воспоминания об умершем человеке;
- подробное изложение биографии.

Богатая историко-этнографическая сокровищница и ее систематизация позволяет выделить еще неизученные проблемы, которые не были объектом исследования предыдущих поколений историков. Использование оставленных ими сведений, безусловно, будет благоприятствовать дальнейшему развитию исторических исследований. Среди «темных пятен», которые существуют в историографии Крыма можно выделить поселения древних людей в период раннего железного века, Гражданскую войну в Крыму и ряд других.

Знание истории родного края имеет огромное воспитательное значение. «От того, как мы воспитаем молодёжь, зависит, сможет ли Россия сберечь и приумножить саму себя. Сможет ли она быть современной, перспективной, эффективно развивающейся, но в то же время сможет ли не растерять себя как народ, не утратить свою самобытность в очень непростом современном мире» [8].

Список литературы

1. Бережков, М. Н. Русские пленники и невольники в Крыму : Из II тома Трудов VI Археологического съезда в Одессе / [Соч.] М. Н. Бережкова. — Одесса : Типография А. Шульце, 1888. — 31 с.
2. Кёппен, Ф. П. Ученые труды П. С. Палласа / Ф. П. Кёппен // Журнал Министерства народного просвещения. — 1895. — Т. 298. — С. 386–437.
3. Кёне, Б. В. Исследования об истории и древностях города Херсонеса Таврического / Б. В. Кёне. — СПб, 1848. — 277 с.
4. [Кулаковский, Ю. А.] Отчет проф. Ю. А. Кулаковского о его расследованиях в Крыму // Отчет императорской Археологической комиссии за 1895 год. — СПб., 1897. — С. 117–124.
5. Кулаковский, Ю. Заметки по истории и топографии Крыма / Ю. Кулаковский // Археологические известия и заметки. — 1896. — Т. 4. — С. 1–6.
6. Маркевич, А. И. К биографии академика П. И. Кёппена / А. И. Маркевич // Известия Таврической ученой архивной комиссии. — 1914. — № 51. — С. 223–240.
7. Путин, В. В. Встреча с ветеранами Великой Отечественной войны и участниками Поискового движения России 6 апреля 2015 года / В. В. Путин // Президент России : сайт. - URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/49207> (дата обращения 12.12. 2016).
8. Путин, В. В. Встреча с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодёжи 12 сентября 2012 года / В. В. Путин // Президент России : сайт. - URL : <http://kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения 31.12. 2016).

Rybak, I. V. Historical researchers in the Crimea: development and methods in the XIX-XX ages

In the article the features of development of historiography of Crimea are examined XIX- XX ages. On the basis of the archived documents and wide historical base contribution of each of the indicated researchers of Crimea is rotated to development of historiography of Crimea. It is important and that the basic groups of sources are selected on historical of Crimea, research of every group of sources is separately conducted, their comprehensive analysis is conducted.

Keywords: deeds, catacomb cave circuitous, are a line-up, Crimean, antiquities, City-policies, devotee.

Статья поступила в редакцию 23.01.2016

УДК 94(1-924.71).085

Исследуются кризисные явления в экономике города Севастополя в период «перестройки» в конце 80-х годов XX века, а также их влияние на структуру промышленного производства города.

Ключевые слова: «перестройка», Севастополь, экономика, промышленность, реформы.

М. С. Крушати́н, адъю́нкт

Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище имени П. С. Нахимова

E-mail: ms.k@mail.ru

КРИЗИСНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ В КОНЦЕ 80-х ГОДОВ XX ВЕКА

История и логика развития города Севастополя со времени его основания подчинялись требованиям не столько региональным, сколько общегосударственным. Так в Указе от 10 февраля 1784 года [21, с. 21-22] Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору князю Потемкину императрицей Екатериной II дается указание на обустройство новых границ России на Юге путем построения новых крепостей, в том числе и Севастополя. Кроме того, здесь же впервые оговаривается вопрос финансирования обустройства и деятельности города, которое осуществлялось из казны по сметам, представляемым ведомством Потемкина и визируемым лично императрицей. Непосредственная связь, в первую очередь, с общегосударственными процессами, стала неотъемлемой чертой развития города. Город, занимающий лучшую гавань на северном побережье Черного моря, стал точкой опоры России в самом центре Причерноморского региона. Раз за разом разделяя вместе с огромным государством все общенародные трагедии и триумфы, город возрождался всегда как часть целого, а не как самодостаточный анклав, что обусловлено, вероятно, прежде всего, его важнейшей стратегической значимостью. Именно это привело к такой особенности экономики Севастополя как интеграция в большей степени в общегосударственную систему разделения труда, чем в региональную.

Изучение вопросов экономического развития конкретных регионов в рамках более общих процессов зачастую сталкивается с определенными трудностями, связанными, прежде всего, со скудостью источниковой базы, недостаточной заинтересованностью в них исследователей и, соответственно, ограниченным числом работ на эту тему. Между тем, региональная история позволяет взглянуть на глобальные процессы «снизу», придать им вполне конкретное «человеческое лицо», показать, как ход таких процессов сказывается на простом человеке и, как следствие, может помочь в понимании мотивов как его, так и общественных масс, из таких людей состоящих. Особое значение для понимания причин, вызывающих к жизни те или иные людские порывы, решения и действия в конце XX века имеет изучение экономической истории. Пример города Севастополя в изучаемом периоде особенно актуален, так как из всех городов Советского Союза, пожалуй, именно он наиболее контрастно воспроизвел в своей экономике (в соизмеримом, конечно, масштабе) все те экономические процессы, что потрясли общество и народы на территории агонизирующего государства. Являясь одним из городов республиканского подчинения [25, с. 99-108], которому этот статус был присвоен в соответствии с Постановлением № 403 Совета Министров СССР от 25 октября 1948 года, Севастополь по своему значению был поставлен в один ряд с такими городами, как Москва, Ленинград, Ташкент, Минск. Все это резко подчеркивало не местное, региональное, а общегосударственное значение Севастополя, выделяло его из множества провинциальных городов [28, с. 32-33]. Вместе с тем, именно эти особенности и обусловили высокий уровень экономической интегрированности Севастополя во всесоюзную систему разделения труда, крушение которой оказало на него крайне негативное воздействие.

XII советская пятилетка 1986–1991 гг. должна была стать временем проведения экономических реформ, направленных на повышение интенсивности и эффективности производства, устранение кризисных явлений, все чаще дающих о себе знать в разных аспектах общественной жизни и переход от командно-административной системы к рынку [14, с. 21-44]. На грани этого кризиса Советский Союз оказался уже середине 1980-х гг. Очевидной была необходимость смены приоритетов в экономической политике и внедрения новых методов хозяйствования. Концепция нового курса была развита в «Основных направлениях экономического и социального развития СССР на 1986–1990 годы и на период до 2000 года», одобренных октябрьским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС [22] и утвержден-

ных на XXVII съезде КПСС [14, с. 98-99].

Предпринятые на этом этапе мероприятия дали определенный позитивный эффект: несколько возросла производительность труда, капиталовложения, в частности, в социальную сферу. Так, ежегодные темпы роста производительности труда в промышленности Крыма и Севастополя на протяжении 1985–1987 гг. составили в среднем 5–7 % [16, с. 56]. Однако уже год спустя оказалось, что данный курс не может быть реализован без изменения всех сфер общественной жизни, поэтому, к лету 1987 года на первый план выходит более объемное направление, сконцентрированное в понятии «перестройка». Реформирование было начато с основного звена экономики – предприятия и объединения. В соответствии с законом «О государственном предприятии» от 30 июня 1987 года предприятия получали больше самостоятельности, самоуправление, право перехода на самофинансирование [19, с. 7-10, 38-39, 44-45]. На практике провозглашенная самостоятельность оставалась только на бумаге. Отсутствие свободного рынка цен, товаров, рабочей силы и денег не позволяла предприятиям использовать свои новые возможности для эффективной хозяйственной деятельности [26; 30]. С другой стороны, руководители, не являясь собственниками, при отсутствии жесткого административного контроля со стороны государства, не проявляли заинтересованности в долгосрочном и эффективном развитии предприятий. Нередко администрация предприятий в полном объеме использовала имеющиеся в системе противоречия для собственной выгоды [11].

Во второй половине 1980-х гг., впервые за шестьдесят лет, в СССР была легализована предпринимательская деятельность. В ноябре 1986 г. был принят закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» [20]. На основании его положений допускалось индивидуальное предпринимательство в сфере производства товаров народного потребления и бытового обслуживания. Закон «О кооперации» в мае 1988 г. [18] еще более расширил рамки частной инициативы, поскольку провозглашал равноправность государственного и кооперативного сектора экономики. Однако быстрые темпы развития оказались характерны, в первую очередь, для кооперативов, которые паразитировали на больших предприятиях с согласия администрации. Их доходы часто были обратно пропорциональны убыткам предприятий. Кроме того, зачастую «индивидуальное предпринимательство» также представляло собой всего лишь использование государственных активов в личных целях и осуществлялось по серым «договорным» схемам, включающим и противозаконные элементы. В результате, власть теряла возможность контролировать позиции негосударственного сектора и налагала множество ограничений, сужавших самостоятельность кооперативов [23, с. 94]. Таким образом, попытка внедрения элементов частной собственности и рыночных отношений в действующую советскую экономическую модель не увенчалась успехом [27, с. 60].

Севастополь имел несколько отличную от остального Крыма, опирающегося, прежде всего, на пищевую промышленность, структуру промышленного производства. Город был, в первую очередь, крупной военной и военно-морской базой. Здесь располагались важнейшие предприятия военного приборостроения, судостроения и судоремонта. Именно они составляли основу севастопольской промышленности. И только потом город был одним из центров пищевой промышленности региона со специализацией на переработке рыбы, овощей, фруктов и винограда [10, с. 55-59]. Потребности Черноморского флота существенно влияли на специализацию экономики города в тяжелом и точном машиностроении. При этом доминирование осложнялось тем, что Севастополь, имея статус города республиканского подчинения и обладая значительным промышленным и научным потенциалом, был единственным в СССР городом республиканского подчинения, где местные Советы имели минимальное влияние на его экономическое развитие. Руководство даже предприятиями местной промышленности (молочными, хлебопекарными и т.п.) осуществлялось из столицы УССР; а крупные заводы подчинялись союзным министерствам в Москве [13].

В СССР при формировании доходной части бюджетов всех уровней использовался принцип подведомственности, в соответствии с которым предприятия и хозяйственные организации были распределены между различными уровнями власти и вносили отчисления от прибылей в соответствующий бюджет. Таким образом, предприятия союзного подчинения, то есть находившиеся в ведении союзных ведомств, вносили свои платежи из прибыли в союзный бюджет, а предприятия республиканского, областного или городского подчинения – в соответствующие региональные бюджеты. В свою очередь, из соответствующих бюджетов, в случае необходимости, производилось дофинансирование предприятий, организаций и учреждений определенного подчинения [3, с. 11-15]. Выгодное географическое положение Севастополя приводило к тому, что в условиях безраздельного господства союзных министерств и ведомств, на его территории функционировало более 150

филиалов предприятий и организаций из других регионов страны. Используя местные ресурсы, они практически ничего не платили в местный бюджет [13]. Так, на первый квартал 1991 года, по данным налоговой инспекции, в Севастополе имелось 58 предприятий союзного подчинения, 117 – республиканского, и всего 87 – местного, включая предприятия торговли и бытового обслуживания. В 1990 году 44 предприятия союзного подчинения дали городу 177 тыс. рублей, 34 республиканского – 426 тыс. Остальные и все предприятия местного подчинения по итогам года понесли убытки. Из 310 зарегистрированных малых предприятий только 185 отчислили в местный бюджет 65 тыс. рублей, а остальных по зарегистрированным адресам не оказалось в наличии. Что показательно, кооперативы дали в местный бюджет 1 млн. 900 тыс. рублей [12]. Так, например, общий доход предприятий и организаций Севастополя по состоянию на конец 1989 года составлял 270 млн. рублей прибыли, из которых в бюджет Севастополя направлялось не более 21 млн., а около 140 млн. рублей уходило «наверх». Для сравнения: бюджет города колебался в пределах 125 млн. рублей и никак не был увязан с результативностью работы народного хозяйства [13].

Кризисные явления нарастали во всём Советском Союзе, но по Севастополю они ударили особенно жестоко. Бюджет города стал планово дефицитным. Например, в 1989 году он был утвержден городской властью с 5,3 % дефицитом от общего объема (6 млн. рублей) [15], в дальнейшем такая ситуация только усугублялась. Проблема бюджетного дофинансирования становилась все острее и острее, причем, за помощью исполком горсовета обращался напрямую к Правительству СССР [29]. Настоящим социальным бичом стал бытовой дефицит. Двигателем его оказался рост денежных доходов населения (осуществляемый административными методами по политическим причинам), существенно обгонявший рост производства товаров народного потребления. Так, например, по сравнению с 1985 годом, сумма вкладов населения города выросла в два раза, составив к концу 1989 года более 500 млн. рублей. Причем, на эти деньги мало что можно было купить [15]. Кроме того, в структуре городской промышленности производство средств производства (так называемая «группа А») занимало 73 %, и структурная переориентация её в сторону выпуска предметов потребления («группы Б») давно назрела [13].

Местным властям (как, впрочем, и союзному руководству) выход виделся либо в развитии малого бизнеса на путях кооперации (необходимости передачи госпредприятий в аренду) или в более полной конверсии предприятий военно-промышленного комплекса [15].

Процесс конверсии вообще стал важным этапом, обусловившим работу городской промышленности в рассматриваемый период. Начальным импульсом для осуществления конверсии военного производства в городе было объявленное в конце 1988 года в ООН решение об одностороннем сокращении военного бюджета СССР на 14,5 %, закупок вооружений и военной техники (ВВТ) – на 19,5 %, численности Вооруженных Сил на 500 тыс. человек [16, с. 198-200]. Масштабы и глубина конверсии были установлены Постановлением Совмина СССР от 15.12.1990 г. № 1278 [17], определившим сокращение расходов на оборонный комплекс до 1995 года. Происходившие с 1990 года процессы конверсии являлись отражением этих решений.

Общая логика происходивших в то время в оборонном комплексе процессов была такова: в результате шагов по сокращению военных расходов и заказов на производство ВВТ происходило высвобождение производственных мощностей и основных фондов, других материальных, трудовых и финансовых ресурсов. Таким образом, создавались предпосылки к переключению ресурсов оборонного комплекса на мирные цели, освоению гражданской продукции и существенному наращиванию ее производства. Однако при планировании конверсии был допущен ряд критических просчетов, что привело только к усугублению экономической ситуации. Прежние органы государственного управления, связанные с планированием и обеспечением конверсии, уже не действовали, а перспективные экономические схемы оказались не подкреплены конкретными механизмами реализации. Усугубилось это дестабилизацией финансово-кредитной сферы. Специфические особенности и особое положение предприятий оборонного комплекса не в полной мере нашли отражение в законодательных актах СССР, регулирующих переход к рыночному типу хозяйствования. Характерными особенностями работы законодательных органов в области экономики оказались постоянное запаздывание, отсутствие системности в достижении цели, разрыв по срокам введения, противоречивость и несогласованность. Кроме того, процесс суверенизации союзных республик привел к распаду сложившихся кооперационных связей, что существенно сузило научно-производственную базу создания как ВВТ, так и конверсионного производства [2, с. 4-6].

Потребительская сфера города характеризовалась не только острой дефицитностью, но и низкой конкурентоспособностью производимой продукции. Основная часть «гражданской» продукции

производилась на предприятиях оборонного комплекса, и несмотря на объявленный новый экономический курс, приоритеты на военных предприятиях оставались прежними. Такое отношение вкупе с высокими издержками не могло не отражаться на качестве и цене изделий. Были и позитивные моменты: так, например, в объединении «Маяк» за первые пять месяцев 1990 года выпуск продукции для военного ведомства уменьшился на 332 тыс. рублей по сравнению с 1989 годом, при одновременном росте объема производства товаров народного потребления на 17,2 %. При этом прирост в розничных ценах составил 647 тыс. рублей [5].

Вместе с тем, перепрофилирование предприятий, отраслей и сфер оборонного комплекса на выпуск гражданской продукции становилось достаточно дорогостоящим мероприятием. Прежде чем начать зарабатывать прибыль, конверсируемое предприятие должно было преодолеть несколько этапов: планирование конверсии, выбор альтернативной гражданской продукции, конверсия в сфере НИОКР, непосредственная деятельность по перепрофилированию производства, переквалификация рабочих и служащих, выбор формы хозяйствования и т.д. Предприятия на начальном этапе должны были искать пути к снижению себестоимости своей продукции и повышению рентабельности производства [5]. Все это требовало крупных финансовых инвестиций, но государственный бюджет изнемогал от хронических дефицитов. При переходе к рыночной экономике ставка делалась на банковские кредиты, но капитализация банковского сектора была крайне мала, что вскоре породило долгосрочные проблемы устойчивости и эффективности уже банковской системы [8, с. 159-171]. Таким образом, уже первые результаты конверсии предприятий выявили множество трудностей: нехватка сырья, отсутствие соответствующих технологий для поддержания необходимого уровня производительности труда, сложности с поиском деловых партнеров [5].

Все эти процессы нашли прямое отражение в промышленности Севастополя. Основой его являлось тяжелое и точное машиностроение, приборостроение, строительная и агропромышленная отрасль. Тяжелое машиностроение в Севастополе было представлено, прежде всего, судостроением и судоремонтом. Так, по состоянию на 1991 г. самыми большими предприятиями этой отрасли стали «Судостроительный и судоремонтный завод № 201 им. Серго Орджоникидзе», который специализировался на выпуске плавкранов и комплексном ремонте судов всех классов, 13-ый СРЗ ЧФ, 91-ый СРЗ ЧФ и другие. На этих предприятиях быстрее внедрялись новые технологии, происходило техническое переоснащение и модернизация производства.

На протяжении 1985–1990 гг. получило дальнейшее развитие точное машиностроение, которое было представлено в Севастополе большим количеством предприятий электротехнического, радиотелевизионного профиля, выпускавших электронное оборудование, средства связи, оптические и навигационные приборы. В рамках конверсии, в частности, началось освоение выпуска стереомагнитолы «Бирюса», радиоприемника «Парус», радиоприемников высшего класса «Ласпи», персонального компьютера «Парус». Завод судовой светотехники «Маяк» поставлял для нужд Оборонсервиса уникальные приборы и светильники и считался одним из самых прибыльных предприятий в городе. В рамках конверсии завод выпускал, например, известные в городе обогреватели «Оникс», исправно работающие во многих семьях уже третье десятилетие. Основные хозяйственные связи завод имел с РСФСР: прежде всего, с Ленинградским Адмиралтейским объединением и североморской «Звёздочкой» [9].

Существенное место в промышленной структуре Севастополя стало занимать приборостроение. Основными предприятиями этого направления стали Севастопольский приборостроительный завод «Парус» (Севастопольский приборостроительный завод им. В.И.Ленина), Севастопольский радиозавод им. Калмыкова (научно-производственное объединение «Муссон»), Севастопольское объединение «Электрон», «Квант» и др.

Севастопольский приборостроительный завод «Парус», где трудились 8 тыс. человек [4], был крупнейшим в СССР приборостроительным заводом (площадь 15 гектаров), и работал на нужды «оборонки», обеспечивая, прежде всего, атомный подводный флот. В рамках конверсии здесь изготавливали радиоприемники «Парус», ПЭВМ «Парус-201», светотехнику – шахтерские фонари для горнорудных предприятий. Последнее десятилетие ушедшего века крайне негативно сказалось на этом крупнейшем предприятии. А на Севастопольском радиозаводе им. Калмыкова с 1990 года производились хорошо известные севастопольцам трёхпрограммные приёмники с электронными часами «Кристалл-201» и «Ласпи ПТ-203», обычно встраиваемые в кухонные гарнитуры, выпускавшиеся на заводе им. Серго Орджоникидзе. Именно точное машиностроение на начало 1990-х гг. достигло наибольшего экономического эффекта [27, с. 61].

К концу 1980-х гг. и в последующий период был заметен спад строительных работ, особенно

капитальных. Это, прежде всего, было связано с хаотичностью в структуре управления, несовершенством законодательства и огромным количеством кооперативных строительных организаций, переманивавших наиболее квалифицированных специалистов из государственных структур, но занимающихся только быстро окупаемыми проектами (прежде всего, отделочными работами) [14]. Создание строительных и ремонтных кооперативов было направлено не на решение городских проблем, а на выхватывание мелких, локальных объектов, какого-либо серьезного экономического значения не имевших. Надо отметить, что доходы кооперативов проистекали, прежде всего, за счет увеличения договорной цены. В государственной строительной организации, чтобы начать строить или ремонтировать объект, нужна была строго подконтрольная смета. В кооперативах сметы никем не контролировались. Появилась следующая схема: государственное предприятие перечисляло кооперативу средства на договорной основе, а кооператив их обналичивал. Кроме того, кооперативы не несли социальных затрат на содержание детских садов, общежитий, баз отдыха, пионерских лагерей и т.д., что резко снижало их накладные расходы (например, расходы треста «Севастопольстрой» на эти цели в конце 80-х гг. составляли в среднем 500–600 тыс. рублей в год) [14].

Легкую промышленность планировалось модернизировать и увеличить количество предприятий. Несмотря на взятый курс на увеличение производства товаров народного потребления, на предприятиях легкой промышленности довольно медленно внедрялась новая техника и технологии, результатом чего стал узкий ассортимент товаров и отставание от новейших тенденций в моде. Основным производящим севастопольским предприятием легкой промышленности в начале 90-х годов были швейная фабрика им. Нины Ониловой и фабрика «Индтрикотаж», хозяйственные связи которых простирались практически по всей территории бывшего СССР. Работа предприятий зависела от поставок комплектующих и сырья из Грузии, Прибалтики, Украины, Москвы. Перебои с централизованными поставками предприятия начали ощущать задолго до возникновения хозяйственных барьеров, преодолевая их установлением прямых «взаимовыгодных» отношений, носивших чаще всего характер личной заинтересованности сторон [24].

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Для экономики Севастополя в период «перестройки» были характерны общесоюзные и общереспубликанские тенденции развития. Город, будучи географически частью Крыма, сохранял известную обособленность и от Крымской области, и от Украинской ССР. Фактически Севастополь в еще большей степени, чем Крым в целом, был интегрирован именно во всесоюзную систему разделения труда, а не в республиканскую. Изначально развиваясь как база флота и форпост на Черном море, город был промышленным, военным и научным центром союзного значения [1]. Севастополь работал на нужды военно-промышленного комплекса, обеспечивал строительство и ремонт кораблей, разработку и производство вооружений, различной электроники, но вся эта деятельность носила, с точки зрения экономических систем, исключительно открытый характер.

2. Предприятия полного цикла (или с большой степенью локализации) присутствовали только в агропромышленном комплексе, прежде всего, в отрасли виноделия и переработки рыбы, но не они определяли экономический облик города. Причем, первая из этих отраслей была к рассматриваемому периоду уже серьезно ослаблена антиалкогольной кампанией 80-х годов и не оказывала существенного влияния на развитие города. Основные промышленные активы, расположенные на территории Севастополя, находились в республиканской, либо союзной юрисдикции, что сильно снижало возможности городского Совета по управлению экономической ситуацией в городе, а развитое сельское хозяйство и пищевая промышленность носили несбалансированный характер и были зависимы от устойчивости хозяйственных связей в рамках республики.

3. Реформаторская деятельность руководства государства, которое предлагало изменения в разных сферах, часто не согласованные между собой, привела к разбалансированности хозяйства. В результате, к началу 1990-х гг. произошло снижение промышленного производства. Одновременно деятельность многих предприятий из-за морально и физически устаревшего оборудования стала нерентабельной. Невзирая на это, в ряде отраслей (прежде всего, на предприятиях машиностроительной отрасли, судостроительных заводах и предприятиях точного машиностроения) продолжался рост и расширение производства, носящие инерционный характер.

4. В сельскохозяйственной отрасли реализация экономических реформ во второй половине 1980-х гг. имела краткосрочный позитивный эффект, но уже с 1990 г. наблюдается заметный спад сельскохозяйственного производства.

Таким образом, несмотря на наличие некоторых позитивных тенденций, экономическая политика «перестройки», которая имела целью реанимацию экономической жизни и смену приоритетов в осуществлении управления экономикой, в действительности еще больше усугубила стагнацию экономики, что существенно повлияло на события 1990-х годов.

Список литературы

1. Анализ экономического положения, угроз и перспектив развития Крыма после присоединения к России / Фонд «Национальная энергетическая безопасность» : сайт. - URL: http://crimeagreeneconomy.ru/images/data/gallery/1_9014_Analiz_ekonomicheskogo_polozeniya_Krima.pdf (дата обращения: 01.02.2016).
2. Астахов, А. А. Финансово-кредитное управление развитием оборонного комплекса России : дис. ... д-ра экон. наук : 20.01.07 / А. А. Астахов // DocMe.ru: Сервис публикации документов : сайт. — URL: <http://www.docme.ru/doc/53654/> (дата обращения: 01.02.2016).
3. Бюджетная система России: учебник / под общ. ред. Г. Б. Поляка. — М. : ЮНИТИ-ДАНА, 1999. — 550 с.
4. Веслов, Е. П. Завод «Парус» должен стать лоцманом развития приборостроения в Севастополе / Е. П. Веслов // «Севинформбюро» : сайт. — URL: <http://sevastopol.su/news.php?id=64863> (дата обращения: 01.02.2016).
5. Грек, Д. А. Конверсия без прикрас. / Д. А. Грек // Слава Севастополя. — 1990. — 17 июн. — С. 2.
6. Гончаров, Л. А. Конкурировать – на равных / Л. А. Гончаров // Слава Севастополя. — 1990. — 01 апр. — С. 2.
7. Горбачев, М. С. Выступление в организации объединенных наций / М. С. Горбачев // Избранные речи и статьи : в 7 т. — М. : Политиздат, 1990. — Т. 7. — С. 184–202.
8. Кирсанов, Р.Г. Перестройка. «Новое мышление» в банковской системе СССР / Р. Г. Кирсанов. — М. : Изд-во «ИП «Каширин В.В.», 2011. — 200 с.
9. Клепачёв, И. Севастополь может потерять завод судовой светотехники «Маяк» / И. Клепачёв, В. Козловский // «Севинформбюро» : сайт. — URL: <http://sevastopol.su/news.php?id=83204> (дата обращения: 01.02.2016).
10. Клименко, А. В. Якість життя жителів Криму та перспективи її покращання в контексті реалізації стратегії економічного та соціального розвитку АР Крим на 2011-2020 рр. / А. В. Клименко, Т. О. Гучакова // Центр Разумкова : сайт. - URL: http://razumkov.org.ua/upload/Prz_Krym_2011_Yakymenko.pdf (дата обращения : 01.02.2016).
11. Козьменко, В. А. Рукотворный дефицит. / В. А. Козьменко // Слава Севастополя. — 1989. — 18 июл. — С. 2.
12. Кто какой доход приносит в местный бюджет / Городской отдел статистики // Слава Севастополя. — 1991. — 21 мар. — С. 2.
13. Кутявин, В. А. Филиалы в довесок / В. А. Кутявин // Слава Севастополя. — 1990. — 18 мар. — С. 2.
14. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. — М. : Политиздат, 1986. — 352 с.
15. Минаева, Л. А. Севастополь: 1990 год. О проекте плана экономического и социального развития города / Л. А. Минаева // Слава Севастополя. — 1989. — 19 сент. — С. 2.
16. Народне господарство Української РСР у 1987 році: Стат. щорічник Держкомстату УРСР / відп. за вип. В. В. Самченко. — К. : Техніка, 1988. — 561 с.
17. О государственной программе конверсии оборонной промышленности и развития производства гражданской продукции в оборонном комплексе на период до 1995 года : Постановление Совета Министров СССР от 15.12.1990 № 1278 // «КонсультантПлюс» : сайт. - URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=11435> (дата обращения: 01.02.2016).
18. О кооперации в СССР : закон СССР от 26.05.1988 № 8998-XI // Известия Советов народных депутатов СССР, 1988. — 63 с.
19. О коренной перестройке управления экономикой : Сборник документов. — М. : Политиздат, 1988. — 256 с.
20. Об индивидуальной трудовой деятельности : закон СССР от 19.11.1986 № 6050-XI // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. — 1986. — 19 нояб.

21. Об устройстве новых укреплений по границам Екатеринославской Губернии : Именной Указ Императрицы Екатерины II от 10 февраля 1784 года, данный Екатеринославскому и Таврическому Генерал-Губернатору Князю Потемкину // Полное собрание законов Российской Империи с 1649 года. Том XXII. 1784-1788., 1830. — С. 21–22.
22. Основные направления экономического и социального развития СССР на 1986-1990 годы и на период до 2000 года. Проект. — М. : Правда, 1985. — 96 с.
23. Попов, О. Д. Реформування діяльності туристсько-екскурсійних установ Криму за часів «перебудови» (1985–1991 рр.) / О. Д. Попов // Гілея (науковий вісник) : Збірник наукових праць. — К., 2009. — Вип. 21. — С. 92–102.
24. Рогозина, В. А. Хотим одного : порядка / В. А. Рогозина // Слава Севастополя — 1991. — 11 мая — С. 2.
25. Сборник законов РСФСР и Указов Президиума Верховного Совета РСФСР. 1946-1954. — М.: Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 1955. — 108 с.
26. Телятников, В. Л. Опыт, рожденный перестройкой. / В. Л. Телятников // Слава Севастополя. — 1989. — 15 февр. — С. 2.
27. Трещева, И. В. К вопросу экономического развития Крыма в годы «перестройки». / И. В. Трещева // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского : сб. ст. — Симферополь, 2014. — Т. 27. — Вып. 3. — С. 58–67.
28. Фёдоров, А. В. Правовой статус Крыма : Правовой статус Севастополя. / А. В. Фёдоров — М. : Изд-во МГУ, 1999. — 56 с.
29. Шестаков, А. Н. Настало время решительных действий. / А. Н. Шестаков // Слава Севастополя — 1991. — 17 янв. — С. 2.
30. Эбер, Ю. М. Все, что на заводе – государственное. / Ю. М. Эбер // Слава Севастополя. — 1990. — 27 февр. — С. 2.

Krushatin, M. S. Crisis in the economy of Sevastopol in the late 80-ies of XX century and their influence on its industrial structure

The article describes the growth of crisis phenomena in the economy of the city of Sevastopol in the period of «perestroika» in the late 80-ies of the XX century and their influence on the structure of industrial production of the city.

For the economy of Sevastopol in the period of "perestroika" were characterized by all-Union and Republican tendencies of development. It had known isolation and from the Crimean region and the Ukrainian SSR. A characteristic feature of Sevastopol was to integrate it in the all-Union division of labour, and not in Republican. Initially developing as a naval base and an Outpost on the Black sea, the city was industrial, military and scientific center of Federal significance. Sevastopol worked on the needs of the military-industrial complex, has been providing construction and repair of ships, the development and production of weapons, various electronics, but all these activities were, from the point of view of economic systems that are solely open. The enterprise of a full cycle (or with a high degree of localization) was present only in agriculture but not they defined the economic landscape of the city. Main industrial assets located in the territory of Sevastopol, was in Republican or Federal jurisdiction, which greatly reduced the possibility of the city Council on managing the economic situation in the city, and developed agriculture and food industry were imbalanced and were dependent on the stability of economic relations in the framework of the Republic. The reform work of the state leadership, which has proposed changes in different areas, often not coordinated, have led to the imbalance of the economy. Simultaneously the activity of many enterprises because of morally and physically obsolete equipment became unprofitable. Despite this, in several industries (primarily at the enterprises of machine-building industry, shipbuilding factories and precision engineering companies) continued growth and expansion of production, carrying inertial character. In the agricultural sector the implementation of economic reforms in the second half of the 1980s had a short term positive effect, but since 1990 there has been a marked decline in agricultural production. Despite some positive trends, the economic policy of perestroika, which was started to reanimation of economic life and the changing priorities in the implementation of economic governance, in fact, has exacerbated the stagnation of the economy, which significantly influenced the events of the 1990-ies.

Keywords: "perestroika", Sevastopol, economy, industry, reform.

Статья поступила в редакцию 2.02.2016

Научное издание

ПАРАДИГМЫ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ

Сборник научных трудов

Выпуск 1

2016

Под общей редакцией *Е. Н. Максимовой*

Составление, верстка, оригинал-макет – *В. Р. Шадрин*

Обложка – *А. Т. Селяметова*

Адрес редакции:

299053, г. Севастополь, ул. Гагарина, д. 13, каб. 3.7

E-mail: iorbook@sevsu.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-64133 от 25.12.2015.

Выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования и экспертного отбора. Авторы опубликованных материалов несут полную ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, данных, имен собственных и прочих сведений.

Редакция не несет ответственности за нарушение авторами исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности третьих лиц. Мнение редакционной коллегии может не совпадать с позицией авторов статей. При перепечатке материалов ссылка на сборник научных трудов «Парадигмы истории и общественного развития» обязательна.

Подписано в печать 5.02.2016. Формат 60×84/8. Заказ № 65/16.

Усл. печ. л. 10,93. Уч.-изд. л. 8,23. Тираж 100 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета в
РИИЦМ ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»;
299015, г. Севастополь, ул. Курчатова, д. 7